ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 16 (4510)

16 апреля 1975 г. СРЕДА

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЙ ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ СССР

Беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне — неиссякаемый источник вдохновения для мастеров нашей многонациональной литературы и искусства.

В преддверии всенародного праздника в Москве состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР, посвященный 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В Большом Кремлевском дворце 15 апреля собрались известные писатели, кинематографисты, композиторы, художники, театральные деятели, архитекторы, журналисты. Здесь присутствовали руководители центральных и местных идеологических учреждений и ведомств, редакторы центральных газет и журналов.

Тепло встретили собравшиеся товарищей А. П. Кириленко, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

С большим воодушевлением участники пленума избрали почетный президиум в составе Политбюро ленинского Центрального Комитета КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Открыл заседание пленума первый секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда Г. М. Марков.

Участники пленума единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

***

Отчет о пленуме читайте в следующем номере «Литературной газеты».

Президиум объединенного пленума правлений творческих союзов СССР.

Фото М. ТРАХМАНА и В. КРОХИНА

ПО ЗАКОНАМ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Нынешней осенью Азербайджан распахнет объятия перед многочисленными гостями — прозаиками и поэтами из разных уголков нашей Родины и из-за рубежа. В республике состоятся Дни советской литературы. Для подготовки и проведения этого большого праздника (девиз его—«Ленинские идеи интернационализма и дружбы в советской литературе») создан оргкомитет под председательством первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. А. АЛИЕВА.

Заместитель председателя оргкомитета, первый секретарь правления СП республики И. КАСУМОВ сказал:

— Торжества состоятся в преддверии большого события в жизни нашей страны— XXV съезда КПСС и потому явятся творческим рапортом советских художников слова партии и народу. В то же время они выйдут за рамки чисто литературного праздника. В них отразится великий закон нашей жизни — закон дружбы.

К Дням советской литературы выйдут новые произведения писателей Страны Советов, переведенные на азербайджанский язык, — книги М. Шолохова и А. Исаакяна, К. Федина и Е. Букова, А. Фадеева и М. Керима, Г. Маркова и Ю. Рытхэу. У мемориала С. Есенина в Мардакянах состоится праздник русской поэзии, во время которого откроется комната-музей великого русского поэта. Квартира-музей народного поэта Азербайджана Самеда Вургуна будет открыта в Баку.

В программе торжеств — праздник книги, вечера поэзии, выставки, встречи. Писатели побывают на промышленных предприятиях и в колхозах, в вузах и в школах, выступят перед тружениками Нефтяных Камней, в этом году отмечающими 25-летие своего города на сваях. Творческие отчеты художников слова, помимо Баку, состоятся в Нахичевани, Степанакерте, Кировабаде, Сумгаите, Ленкорани, в других городах и селах республики.

Э. АГАЕВ,
соб. корр. «ЛГ»
БАКУ

100 СТРОК ПУБЛИЦИСТИКИ

СОЗИДАТЕЛИ

Александр ЖАРОВ

Который раз приход весны знаменуем мы трудовым субботником! Всесоюзный ленинский коммунистический субботник стал у нас замечательной традицией, и начало ей было положено в 1919 году рабочими Московско-Казанской железной дороги.

«Коммунистические субботники, — писал В. И. Ленин, — именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни».

Мне впервые пришлось участвовать в субботнике тоже не железной дороге, ныне Белорусской. Осенью 1919 года ехал я из Можайска в Москву на комсомольскую губернскую конференцию.

Расстояние в сто верст поезд не мог одолеть без длительной остановки, где-то в лесу паровозу не хватило дров. Был организован субботник. Застучали топоры, завизжали пилы — этот нехитрый инструмент железнодорожная бригада возила с собой на всякий случай.

С волнением рассматриваю я сегодня известный снимок: 1920 год, Владимир Ильич Ленин вместе с рабочими, красноармейцами, служащими на субботнике по уборке территории Кремля...

Такие дни... Их было сотни
В Москве далекой той поры,
Когда ходили на субботник
Мы в захламленные дворы,

На свалках ржавого металла,
В цехах, на рельсовом пути
Трудились мы, чтоб легче стало
К весне загаданной идти...

О загаданной, задуманной Коммунистической партией весне человечества говорили нам, комсомольцам, Ленин в том же 1920 году. Говорил о значении общего труда для преодоления голода, холода, разрух. Нас поразила проникновенная уверенность, с которой были произнесены знаменитые слова: «Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую».

Ленинский субботник завершающего года девятой пятилетки советский народ проводит в условиях, когда есть все основания сказать: мечта Ленина сбылась!

Знаменосец мира, Советский Союз ныне — высокоразвитая могущественная держава. Этим обязан он воинскому и созидательному подвигу многонациональной семьи рабочих, крестьян, интеллигенции, сплоченной Коммунистической партией, партией Ленина.

Нынешняя весна ознаменована событиями большого общественного значения. Приближается 30-е годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Развертывается подготовке к выборам в Верховные Советы союзных, автономных республик, в местные Советы депутатов трудящихся. Как всегда, страна готовится торжественно отметить День международной солидарности трудящихся — 1 Мая. В преддверии Первомая ЦК КПСС обратился ко всем советским людям с призывным словом, рисующим ясную, конкретную программу действий.

Как и в годы первых пятилеток, в годы строительства Магнитки, Днепрогэса, Турксиба, так и в наши дни советские писатели живут делами и заботами народа. Сегодня очеркистов, поэтов, прозаиков, драматургов можно увидеть и на строительных площадках БАМа и КамАЗа, и у нефтяников Тюмени, и у хлеборобов Нечерноземья, потому что главной темой советской литературы всегда был и остается труд, а главным героем наших книг — созидатель, творец, преобразующий родную землю.

Мои земляки, московские писатели, давно уже в крепкой дружбе с трудовыми коллективами столичных предприятий. В день «красной субботы» они придут в цехи заводов и фабрик, чтобы вместе со своими друзьями — рабочими участвовать в празднике «великого почина». Это продолжение славных традиций советской литературы, тесно связанной с жизнью народа, с его героическими делами, с его великими свершениями.

Весну Советов воспоминая,
Я и сегодня, как тогда,
Иду с тобой, страна родная,
На праздник общего труда.

Мне и прохлада не преграда,
И не помеха мне дожди...
Я не забыл, что Ленин рядом
С багряным бантом на груди.

ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА, РАБОТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВЫСОКО НЕСИТЕ ЗНАМЯ ПАРТИЙНОСТИ И НАРОДНОСТИ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА! СОВЕРШЕНСТВУЙТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО, ОТДАВАЙТЕ СВОИ СПОСОБНОСТИ ВОСПИТАНИЮ АКТИВНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА!

«Из Призыва ЦК КПСС

ТЫЛ — ФРОНТУ!
ВОСПОМИНАНИЯ
ДОКУМЕНТЫ
ПИСЬМА
стр. 10

ПИСАТЕЛИ НА ВОЙНЕ:
ПУБЛИЦИСТИКА
ПОЭЗИЯ
ПРОЗА
стр. 2, 3, 7

Михаил ШОЛОХОВ среди солдат 20-й армии.
Снимок из архива военного фотокорреспондента Павла Трошкина, сделанный им в августе 1941 года.

Публикация К. ВАСИЛЬЕВОЙ

ПЛЕНУМЫ

● АЛМА-АТА

Торжественный пленум Союза писателей Казахстана, посвященный 30-летию Победы, состоялся в Алма-Ате. Открывая его, первый секретарь правления СП республики А. Алимжанов представил собравшимся писателей-фронтовиков и гостей — прославленных воинов.

Доклад сделал бывший воин-панфиловец секретарь правления СП Казахстана Дм. Снегин. На пленуме выступили В. Момыш-улы, Х. Ергалиев и другие.

На заседании были рассмотрены также организационные вопросы. Секретарем правления СП республики пленум избрал Ш. Муртазаева, освободив от этих обязанностей Н. Есенберлина в связи с уходом на пенсию. Редактором журнала «Жулдыз» назначен В. Тлегенов, избранный также секретарем правления СП.

В работе пленума принял участие заведующий отделом культуры ЦК КП Казахстана М. Н. Исмаилов.

● ТБИЛИСИ

Состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций Грузии, посвященный 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Во вступительном слове председателя правления СП Грузии Героя Социалистического Труда Г. Абашидзе, в докладах и выступлениях говорилось об историческом значении бессмертного подвига нашего народа, о том вкладе, который внесли в Победу писатели, артисты, художники, композиторы, кинематографисты — представители всей творческой интеллигенции.

В работе пленума приняли участие секретарь ЦК КП Грузии В. М. Сираидзе, председатель Совета профсоюзов республики Т. Н. Мосашвили, заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Г. Черкавишвили.

ДНИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПНР

С 18 по 27 апреля в Польской Народной Республике будут широко отмечаться Дни советской культуры, проводимые в связи с 30-летием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР.

В этом празднике принимает участие группа советских писателей. В состав делегации, возглавляемой первым секретарем правления СП СССР Г. Марковым, входят О. Шестинский, А. Михайлов, К. Кулиев, В. Петкявичюс, Е. Осетров, В. Борисов.

ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

10—11 апреля в Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялась научно-теоретическая конференция «Новое в теории социалистического реализма». В работе конференции приняли участие известные литературоведы и критики, партийные работники, преподаватели вузов, сотрудники издательств, журналов и газет.

С докладом выступил руководитель кафедры теории литературы и литературной критики Академии общественных наук при ЦК КПСС Л. Г. Якименко. Затем были заслушаны посвященные актуальным, в том числе и дискуссионным, проблемам теории социалистического реализма сообщения Д. Ф. Маркова, Ю. И. Суровцева, В. А. Дмитриева, Р. Р. Кузнецовой, Г. Н. Поспелова, В. И. Гусева, И. И. Жукова, Л. М. Земляновой, Л. З. Эйдлина, Ю. В. Богданова, М. Н. Пархоменко, В. В. Дементьева, Ю. Л. Прокушева, Т. Л. Мотылевой, Д. В. Затонского, М. Я. Полякова, З. С. Кедриной, Е. П. Челышева, Н. К. Гея.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Рождественского В. А. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Рождественского Всеволода Александровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
11 апреля 1975 г.

ВЕЧЕРА

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ

Не днях в Краснознаменном зале Центрального дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе состоялся литературный вечер «Бессмертный подвиг», посвященный 30-летию Великой Победы. Он был организован правлением СП РСФСР и ЦДСА.

— Всего несколько недель отделяют нас от знаменательной даты, — сказал председательствовавший на вечере С. Михалков. — Тридцать лет назад победный салют прогремел над миром, возвещая о разгроме фашистской Германии. Не все дошли до Берлина, многие наши воины остались на полях сражений, на безымянных высотах, но память о погибших вечно будет жить в наших сердцах, в сердцах грядущих поколений.

С воспоминаниями и стихами о войне выступили А. Ананьев, А. Кешоков, В. Тельпугов, Е. Воробьев, С. Островой, В. Емельяненко, А. Межиров, Н. Старшинов, М. Шевченко, К. Жана.

ЩЕДРА ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

На донской земле завершился литературный праздник, посвященный 70-летию М. А. Шолохова. Позади десятки встреч с тружениками Дона, сотни километров писательских маршрутов по городам и районам Ростовской области. И всюду звучала мысль о неразрывной связи советской литературы с жизнью и трудом народа, о высокой и ответственной миссии писателя и его роли в формировании нового человека, о том, что подлинным образцом неустанного служения своему народу является жизнь и творчество М. А. Шолохова.

Своими впечатлениями о прошедшем празднике делятся секретарь правления Союза писателей СССР Алим Кешоков и ответственный секретарь Ростовской писательской организации Петр Лебедонко.

Алим КЕШОКОВ:

— Каждому из участников литературного фестиваля, посвященного 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова, даже тем, кто никогда ранее не бывал в этих местах, донская земля казалась близкой и знакомой — по книгам нашего замечательного соотечественника.

На этой земле любили, страдали, боролись и погибали за великую правду века герои «Тихого Дона», здесь вот в такие же погожие весенние дни прокладывал первые борозды поднятой целины двадцатипятитысячник Давыдов...

Шолоховские герои... Созданные могучим талантом, плоть от плоти народа, они настолько убедительны и достоверны, что чуть ли не в каждой станице вам могут показать дом, где жила семья Мелеховых.

Огромно значение М. А. Шолохова... Особенно благотворно влияние его неистового творческого подвижничества на становление и развитие наших национальных литератур, долгую жизнь которым дала Советская власть.

И наши встречи с тружениками сегодняшнего Дона, где бы они ни проходили — в цехе, на полевом стане, в студенческой аудитории или просто у станичной околицы, — являли главное: причастность нашей многонациональной советской литературы к жизни народа.

Петр ЛЕБЕДЕНКО:

— Не по-весеннему жаркое солнце стояло в эти дни над Доном. Шолоховский край встретил гостей яркой зеленью полей, цветением садов, теплом гостеприимных сердец.

Мне довелось побывать в колхозе Памяти 26 бакинских комиссаров, что неподалеку от Ростова.

На его территории у подножия степного кургана установлен устремленный ввысь памятник героям-артиллеристам, которые под командованием Сергея Ограняна и Сергея Вавилова насмерть стояли здесь в ноябре 1941 года, преградив фашистам путь к Ростову.

Памятник возвышается среди полей, на которых в прошлом году был собран замечательный урожай — 45 центнеров с гектара. И глядя на монумент, размышляя о 30-летии Великой Победы над фашизмом, мы снова и снова обращались к творчеству М. А. Шолохова, к его неизбывным произведениям о борьбе за свободу родной земли, о созидательном труде на ней.

Виктор ПАНКОВ

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

ЗАМЕТКИ О ВОЕННОЙ ТЕМЕ

ВРЕМЯ Великой Отечественной войны составило целую эпоху как в жизни социалистического общества, так и в развитии советской литературы. Для нее это — важнейший, вечно памятный этап. И для более глубокого его познания необходимо учитывать как предшествующее, так и последующее движение литературного процесса.

В дни войны наши писатели всем своим творчеством решительно опровергали суть известного афоризма о грохочущих пушках и молчащих музах. Активность нашей литературы в годы непрестанных сражений была воистину небывалой. Когда-то В. А. Жуковский гордился тем, что был певцом во стане русских воинов в годину вражеского нашествия. В Великой Отечественной войне таким певцом — в современном, многосторонне обновленном смысле — стала вся наша литература.

Что написано в те годы — хорошо известно: «Русский характер» А. Толстого и «Наука ненависти» М. Шолохова, «Василий Теркин» А. Твардовского и «Киров с нами» Н. Тихонова, «Непокоренные» Б. Горбатова и «Нашествие» Л. Леонова, «Молодая гвардия» А. Фадеева и «Фронт» А. Корнейчука, «Морская душа» Л. Соболева, произведения Вс. Вишневского и И. Эренбурга, К. Федина и П. Павленко, В. Василевской и Б. Полевого...

Напряженность военного времени не обескровила, а пробудила новые неисчислимые творческие силы советской литературы. На всю страну звучали вдохновенные поэтические строки А. Твардовского и А. Кешокова, Джамбула и А. Суркова, А. Исаакяна и М. Рыльского, П. Тычины и Я. Купалы, Г. Леонидзе и С. Вургуна.

Многие литераторы — представители дружной семьи народов Советской страны — воевали не только своим писательским словом, но и — штыком, гранатой, пулеметом, шли в танковые атаки, летали на бомбежки Берлина... Лишь позднее узнавали мы подробности подвига таких писателей-воинов, как А. Гайдар, Муса Джалиль, Али Шогенцуков, С. Борзенко... Да разве всех здесь упомянешь! Еще одним свидетельством неразрывной связи советских литераторов со сражающимся народом явились опубликованные недавно в журнале «Звезда» (№№ 2, 3, 1975) воспоминания Д. Ортенберга «Писатели на войне».

Личное мужество большинства советских писателей-фронтовиков, безусловно, наложило неповторимый отпечаток на их произведения, в которых сказывалось единство слова и поступка, проявлялась идейная и нравственная высота искусства. Писатели не только силой воображения передавали переживания сражавшихся бойцов и командиров, но и на основании собственного опыта. Отсюда возникла исключительная достоверность изображения фронтовой обстановки в произведениях нашей литературы.

Да, музы не только не молчали — они не хотели молчать!..

Уже в годы войны время ощущалось нами как итоговое по отношению к предыдущему периоду — годам интенсивного созидания первого в мире социалистического общества. В отблесках фронтового огня еще отчетливей виделось значение завоеваний Октября, значение необыкновенных перемен в городе и деревне, в индустриальном, колхозном и культурном строительстве, в формировании нового человека. Этим жили, этим гордились, за это сражались.

Массовый героизм фронтовиков и тружеников тыла вдохновлял литературу на новые свершения, и писатели беззаветно служили — пером и штыком — своему героическому народу, своей социалистической Отчизне.

Будучи своеобразным итогом предшествующего периода в жизни страны, боевой подвиг народа вместе с тем обусловил и ее будущее. В частности, именно в грозовую военную пору зарождался новый этап продолжения и развития традиций многонациональной советской литературы. И это особенно ощутимо теперь, через тридцать лет после Победы.

Не замолчавшим при грохоте пушек музам свойственно было чувство грядущего. Оно так или иначе ощущалось во многих литературных произведениях военных лет. Ощущалось уже потому, что о будущем говорили то впрямую сами авторы, то их герои. Так, например, еще в 1944 году В. Овечкин печатал свою повесть «С фронтовым приветом», повесть о творческом созидании в ближайшие мирные дни. Мысли о будущем были тогда естественны, ибо борьба шла именно за него — за будущее нашей Родины, за будущее всех народов планеты.

Узнавание литературных богатств военного периода продолжалось и позже, когда стали широко известными произведения, дневники, письма В. Ставского, Е. Петрова, Н. Майорова, П. Когана, Н. Отрады... Этот список может быть продолжен. Мне хотелось бы добавить в него имя моего товарища по финскому фронту Михаила Молочко. Со временем были опубликованы его повесть «Весна двадцатая», литературно-критические статьи, дневники, которые также вносят дополнительные важные черты в коллективный портрет фронтовой молодежи того грозового времени.

О пути молодых в литературу через ратную страду хорошо написал еще в военные годы С. Гудзенко:

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Война заставила многих писателей не взойти, а «сойти» на Олимп. С фронтовых дорог...

ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы ознаменовались новыми литературными открытиями: А. Недогонов и С. Наровчатов, М. Луконин и А. Межиров, С. Михалков и С. С. Смирнов, М. Бубеннов и Д. Кугультинов, Г. Березко и А. Первенцев, Гр. Бакланов и О. Гончар, Мирзо Турсун-заде и Г. Гулям, Р. Гамзатов и К. Кулиев... Новые имена появлялись в литературе, приходили писатели с военной биографией, со своими темами. Г. Марков опубликовал повесть «Солдат пехоты», затем вновь сосредоточился на сибирском материале. В. Кожевников через фронтовые рассказы пришел к созданию повестей и романов о рабочем классе. М. Алексеев до сих пор занимается «узлами», которые завязала нам война, а дебютировал романом «Солдаты». Фронтовые будни отображены у А. Ананьева в романе «Танки идут ромбом»...

После войны ощутился приток в литературу «хороших и разных» поэтов. Зазвенели известные недогоновские строки: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»...

Отечественная война всегда будет незабываемой как величайший исторический опыт народа. Познание тех лет углубляется. И ныне наша литература прочными корнями связана с военной порой. Даже участники войны не могли охватить сразу все многообразие ее событий. И вот, год за годом, совершаются писательские открытия в самом фактическом материале военной эпопеи. Мы все подробней, все полномерней узнаем собственную историю.

Удостоенная Ленинской премии трилогия К. Симонова, как бы выросшая из предшествовавшей батальной поэзии и прозы писателя, вместе с тем не исчерпала его творческих возможностей: он снова и снова обращается к пережитому — в небольших повестях и воспоминаниях дневникового жанра.

Спустя не один год после войны активный ее участник Ю. Бондарев создает роман «Горячий снег», в котором с новых высот нашего исторического опыта, с новой широтой охвата — от окопа до КП — не только показывается еще один эпизод минувшей войны, но и затрагиваются актуальные проблемы нынешнего, мирного времени.

Повесть за повестью, на волнующем материале героической партизанской борьбы в тылу врага, создает В. Быков, раскрывая новые глубины народного характера, выдержавшего неизмеримые исторические испытания.

Неисчерпаем материал Отечественной войны для наших писателей. И неисчерпаема литература об Отечественной войне как объект исследования для художественной критики. Процесс изучения и разработки критиками и литературоведами военно-патриотической тематики не прекращался, не прекращается и, надо полагать, не прекратится.

Органическая связь военного и послевоенного времени, сопряжение «войны и мира» прослеживается в творчестве многих советских писателей. То к мирной, то к военной тематике, решая злободневные проблемы патриотизма, гражданского долга, советской этики, обращается Б. Васильев. «Войной писали» в течение многих лет и пишут до сих пор, независимо от тематики того либо иного произведения, Н. Грибачев, С. Сартаков, В. Закруткин, А. Калинин, В. Козаченко, С. Баруздин, А. Софронов, А. Чаковский, В. Богомолов, С. Орлов, М. Дудин, Л. Татьяничева, С. Викулов, И. Мележ, Ю. Збанацкий, А. Иванов, Г. Холопов, Й. Авижюс, И. Шемякин, Г. Коновалов, А. Кривицкий, В. Субботин, В. [illegible], О. Кожухова... Тенденция сопряжения в новых писательских работах нравственного опыта военных лет с современными актуальными задачами закономерна и безусловно заслуживает самого пристального внимания наших критиков и литературоведов.

В последнее время все решительнее проявляет себя новое поколение литераторов, у которых личные воспоминания о войне относятся к периоду детства. У них тоже есть свой угол зрения на события военных лет, они тоже с ними каждый по-своему связаны. Вклад писателей этого поколения в батальный жанр нашей литературы — интереснейший материал для исследователя.

Советская литература более чем за три десятилетия сумела так или иначе затронуть самый разнообразный фактический материал: в книгах разных авторов повествуется о многих эпизодах сражений за Москву, Ленинград, Сталинград, Северный Кавказ, на Орловско-Курской дуге, о мощном движении наших армий на запад, к завершающему штурму Берлина. Нарисована обширная картина партизанской борьбы. В строю литературных героев увидели мы также разведчиков и контрразведчиков, подвиги которых долгое время оставались безвестными для широких читательских кругов... Несомненно, новые писательские открытия будут совершаться в военной теме и впредь, ибо война «пронзила» все стороны нашей жизни. Но, естественно, речь идет не только о тематическом многообразии, не только о фактографии. Главное — это социальное, нравственное, философское осмысление писателем пережитого. Устремленность к такому осмыслению была ощутима в нашей литературе с первого дня войны. Очень дорога нам эта традиция, о ней надо помнить, ее надо развивать.

Необходимо подчеркнуть: минувшими тридцатью годами сегодняшняя наша литература не разделена, а соединена с литературой военного времени. Нынешние наши годы по отношению к годам военным фактически и есть то будущее, за которое мы сражались. Будем же еще внимательнее вглядываться в произведения, возникавшие под грохот мин, бомб и снарядов. Ведь и ныне можно двигаться вперед и выше, лишь никоим образом не минуя былых славных свершений, более того — опираясь на них.

Различные исторические периоды складываются из разного числа лет. Иногда из многих, «медленных» лет. Но та незабываемая военная эпоха сложена из невероятно плотных годов титанической борьбы. Многое будет еще открывать в ней наша литература, многому у нее учиться.

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ф. Е. БОКОВ, генерал-лейтенант

ЗА ОДЕРОМ

ЭТОТ день останется в моей памяти навсегда как один из самых волнующих и значительных дней Великой Отечественной войны. После четырех героических лет советские солдаты вступили наконец на землю фашистской Германии, сделали первый шаг за Одер. Началось освобождение Германии от фашизма.

Как долго мечтали мы о том времени, когда начнем громить неприятеля на его земле! Да, это был исторический час! С любопытством поглядывали солдаты передового отряда 5-й ударной армии на аккуратненькие поля, подстриженные деревья по обочинам дороги, на островерхие крыши домов... Как все было непохоже на разграбленную и сожженную нашу землю! И не верилось в этот тихий январский вечер 1945 года, что отсюда, с этих мирных, словно причесанных полей пришла к нам война...

Но тишина эта была обманчива. Противник, понимая, что основные силы армии еще не подошли, решил во что бы то ни стало уничтожить отряд. Против него были брошены огромные силы. Положение стало критическим. Командир отряда полковник Х. Ф. Есипенко искал выход. Спокойно взвесив все «за» и «против», он решил пробиваться не к главным силам армии, на что рассчитывали гитлеровцы, а на запад, к Ландсбергу. Натиск был настолько внезапным и сильным, что фашисты не выдержали.

Чем ближе наши части подходили к Одеру, тем ожесточеннее сопротивлялся неприятель. И вот 31 января, в 8 часов утра, 2-й батальон под командованием майора И. Е. Платонова и 3-й батальон во главе с майором И. Я. Чередником в пешем строю по тонкому льду пересекли Одер...

На станции, примыкающей к гор. Кинитцу, наши воины без единого выстрела захватили прибывший из Берлина воинский эшелон. Неожиданное появление советских солдат вызвало замешательство. Только что берлинское радио сообщило, что фашистские «доблестные войска», ведя «организованный бой, отходят на заранее подготовленные позиции...», а у их домов, в 68 километрах от Берлина, — советские танки и артиллерия, звучит русская речь...

Произошел даже такой курьезный случай. Начальник станции, увидев перед собой советского офицера, настолько растерялся, что вдруг обратился к полковнику Есипенко с нелепым вопросом:

— Разрешите отправить поезд на Берлин?

Харитон Федорович невозмутимо ответил:

— Господин начальник станции, это сделать невозможно. Придется пассажирское сообщение с Берлином на некоторое время прервать, ну хотя бы... до окончания войны.

С 1 февраля начались непрерывные контратаки противника. Но наши солдаты продолжали удерживать плацдарм, пока на рассвете 2 февраля на противоположном берегу Одера не показались части 5-й ударной армии. Быстро форсировав реку, они сломили сопротивление врага и овладели первым населенным пунктом на территории Германии — городом Кинитц.

* * *

Недавно я снова побывал в тех местах. Теперь в Кинитце, по инициативе местных властей, в честь воинов 5-й ударной армии воздвигнут памятник — навечно застыла на пьедестале наша легендарная Т-тридцатьчетверка!

У этого памятника мы встретились со школьниками — членами исторического кружка, возглавляемого учительницей Забиной [illegible]мон.

Поездка в Кинитц, встречи и беседы с немецкими товарищами и с детьми произвели на меня огромное впечатление. Невольно вспомнились события минувшей войны. Тогда еще не все верили в то, что за короткое время наша дружба с немецким народом укрепится и мы будем плечом к плечу строить социализм. Но жизнь убедительно доказала правильность интернациональной политики нашей партии и Советского государства.

ПОЧТА «ЛГ»

СТАРШИЙ БРАТ

Уважаемая редакция!

Я хочу рассказать об одном из моих шестерых братьев — о Герое Советского Союза Иване Ильиче Кузьминых.

Так случилось, что ему как старшему пришлось всех нас вынянчить. Поэтому теперь, несмотря на свой солидный возраст, все мы до сих пор зовем его не по имени, а Нянькой (то есть нянней). Перед самой войной мой брат закончил военное училище. Боевое крещение он получил, защищая нашу столицу, и был тяжело ранен. Звание Героя Советского Союза капитану Кузьминых было присвоено в 1943 году за форсирование Днепра. Его отдельный противотанковый батальон первым переправился через реку, захватил плацдарм и, отбив 18 вражеских атак, удержал его до подхода основных сил. В 1944 году прямо с фронта моего брата направляют учиться в Москву в Военную академию имени Фрунзе. И здесь медицинская комиссия обнаружила у него запущенную, открытую форму туберкулеза и пулю под лопаткой. Приговор комиссии был беспощаден: отчисление из академии, инвалидность, пенсия в 25 лет. Брата послали в санаторий, а после лечения (по совету врачей) он уехал в Новочеркасск, где и живет по сей день. Было трудно послевоенное время, нужно было содержать семью из шести человек (он нас взял к себе сразу же после войны). Деятельный по складу характера, он не мог сидеть сложа руки и, несмотря на возражения врачей, стал работать в авторемонтных мастерских. В 1965 году ему удалили пулю, просидевшую у него под лопаткой 24 года.

И вот в июне 1974 года мы, все шестеро братьев, собрались вместе. Школьники толпой ходили за своим земляком-героем, и их детские глаза загорались от его рассказов.

Сейчас я нахожусь в командировке в Индии. И здесь, вдали от родного края, по-новому оцениваешь тот героический подвиг, который совершил наш народ. Хочется вновь и вновь отдавать дань вечной памяти и уважения тем, кто не вернулся с поля боя, защищая нас, и тем, кто не щадил себя в борьбе с фашизмом.

А. КУЗЬМИНЫХ

ИНДИЯ, гор. РАНЧИ

На снимке: семья Кузьминых. 1974 г.

Константин СЕРЕБРЯКОВ

ТРИ СТРАНИЧКИ

Из блокнота военного корреспондента

Долго разыскивал я тот фронтовой блокнот. Записи мне нужны были не потому, что время выветрило воспоминания военных лет. Бывает, увидишь написанное, и все встает, как живое, сегодняшнее. И еще не давали покоя два Шмидта — Бруно и Фридрих... И вот блокнот лежит на столе.

1.

Никак не ожидал, что окажусь в таком городе! Вчера еще мне казалось, что все города мира погружены в темноту, все окна повсюду укрыты черными завесами. А здесь вдруг полное раздолье свету — и в домах, и на улицах. Витрины ослепительно сияют, отчего россыпи и гирлянды восточных сладостей и бараньи туши, висящие на крючках вниз головами, выглядят необычайно пестро и даже торжественно. И запахи пестрой «палитры»: пахнет гарью и сыростью, горьким и кислым, пряным и острым. То они доносятся до вас раздельно, то смешиваются в знойном, неподвижно-плотном южном воздухе.

Народу на улицах — уйма. Бесцеремонно подталкивая передками фланирующих людей, шагом движутся машины. Иногда кто-то взбирается на капот, весело радуясь своей предприимчивости, и тогда хозяин автомобиля высовывается в окошко и сердито сгоняет непрошеного пассажира... Лысый чайханщик величаво-медленным движением руки приглашает к столику попить ароматного чаю. Юноша в белых штанах зазывает в кинематограф, где день и ночь без перерыва крутят фильмы. Мальчишки в лохмотьях шмыгают среди прохожих: мольба в глазах, на ладони маленький поднос с горящими угольками, хлебными крошками и жестяной банкой с водой—символы нищеты. Вокруг тех, кто в нашей военной форме, то и дело собираются люди, и тут же в толпе находится переводчик. Военных спрашивают, слушают. Внимательно, заинтересованно.

Это — Тебриз августа сорок первого года. Наши войска, согласно советско-иранскому договору 1921 года, вступили тогда в Иран...

— Тут еще один корреспондент прибыл. Павленко, — сказал штабной офицер.

— Павленко? Какой Павленко? Петр Павленко? — переспросил я.

— Это уж вам лучше знать, — ответил офицер и занялся своим делом.

Он оказался неподалеку, в расположении воинской части. Примостился на подножке полуторки и что-то писал, положив бумагу на новенькую планшетку. Был он в круглых очках в золоченой оправе, в ладно сидевшей гимнастерке с орденами Ленина и Красной Звезды — полковой комиссар Петр Андреевич Павленко, специальный корреспондент «Красной звезды».

— Из «Бойца РККА»? Знаю, знаю, очень давно знаю эту газету, — сказал он, щуря один глаз.

С первой же его фразы улавливался грузинский акцент. Он встал и подал руку. И то, что он давно знает «эту газету», и то, что у него грузинский акцент, объяснялось очень просто. В 1921 году Павленко с частями 11-й армии вступил в Тбилиси. Правильнее сказать, вернулся в Тбилиси, поскольку провел здесь свое детство и юность. Жил в рабочем предместье Нахаловке. Отсюда уехал учиться в Баку. Из Баку ушел добровольцем в ряды Красной Армии, вступил в партию, стал политработником, начал сотрудничать в красноармейской газете «Красный воин» — позже «Боец РККА», — которую создал С. М. Киров и некоторое время редактировал Дмитрий Фурманов.

Боже, да сколько же лет прошло с тех пор! Передо мной стоял ветеран военной печати, известный писатель, автор популярного в то время романа «На Востоке».

Полковой комиссар ведет себя очень просто, как равный с равным, как товарищ. Он лишь спрашивает: «Как добрались? Где спали? Сыты ли?». И ничему не поучает. А мне хочется его совета. Тогда он говорит, как бы сам советуясь:

— Может быть, поискать материал о германских разведчиках, свивших себе гнездо в Иране?

...Дом этот двухэтажный стоял особняком. Мы толкнулись в парадный подъезд (мы — это майор из штаба соединения, старший политрук из политотдела, переводчик в звании лейтенанта, представитель городских властей, местный полицейский и я). Дверь была заколочена. И другая дверь тоже. Третья, с боковой стороны дома, оказалась довольно слабой, и отворить ее было нетрудно.

Чего только не было в этой конторе-квартире представителя немецкой торговой компании, резидента германской разведки в Тебризе Бруно Шмидта! Перламутровые пуговицы любых цветов и размеров, лезвия и кисточки для бритья, посуда и люстры, будильники и несессеры, керосинки и примусы, наборы ножей и вилок, мясорубки и прочая кухонная утварь. Образцы товаров красовались за стеклами высоких шкафов. Мы проходили из комнаты в комнату, бегло оглядывая содержимое шкафов и задирая головы на лепнину потолков. Последним на нашем пути был большой кабинет.

Полумрак, окна завешаны тяжелыми гардинами; посреди кабинета на львиных лапах старинный письменный стол; тяжелое кожаное кресло с высокой спинкой из мореного дуба, увенчанное какими-то амурчиками. Ящики в столе и сейф, вделанный в стену, пустовали. В камине пепел, залитый водой, и недогоревшая бумага — банальные следы поспешного бегства. На стене в широкой раме — портрет Гитлера. И полки, полки с множеством экземпляров «Майн кампф»: эту библию нацизма фирма выдавала покупателям в награду за хорошую сделку. И еще выдавались портреты Гитлера, отпечатанные литографским способом на плотной бумаге. Нашлись здесь и пистолеты. Это были новенькие «вальтеры» — тоже товар. Каюсь, я взял. Заведомо решив, для кого.

Повсюду искал я фотографию хозяина этого заведения — уж очень хотелось увидеть, каков он, «представитель торговой компании». Снимков не было. Ни одного. Только на голубой стене в спальне торчали два маленьких крючка и темнели два квадрата.

В тот же день я передал в редакцию корреспонденцию «Лавочка закрылась». Ее опубликовали, дав другой заголовок — «В Тебризе». А зря. Вступление Красной Армии в Иран именно прикрыло «коммерческую деятельность» нацистских пропагандистов и шпионов. Таких, как Бруно Шмидт, да и покрупнее дельцов было немало в этой стране. Они вынашивали далеко идущие планы. Готовили в Иране плацдармы для германской агрессии на Востоке. В роли туристов изучали ирано-советскую границу. Тайно доставляли оружие... Но я отвлекся. На Хиябан Пехлеви — главной улице Тебриза — встретил Павленко, вручил ему завернутый в газету «трофей» (теперь-то думаю, что в этом было что-то мальчишеское) и рассказал о доме немца.

— Можно считать, вы повидали кусочек фашистской Германии. Так, так. Опередили, значит, всех нас, — с улыбкой сказал он.

Еще не раз я встречался в те дни с Петром Андреевичем. Казалось, каждую свою фразу, каждое суждение об Иране, о его людях, традициях и привычках он вынашивал давно. И это тоже объяснялось просто: Павленко был большим знатоком Востока. И знал его не только по книгам. Он много ездил и многое видел. Он всегда поражал своих собеседников глубоким пониманием восточной культуры, восточного быта. И вот Иран, куда на короткое время забросила Петра Андреевича судьба военного корреспондента, стал для него и объектом очередного творческого исследования.

2.

Пробыл я тогда в Иране восемь дней. И думать не думал, что будет еще одна встреча, которая останется в памяти до сегодняшнего дня.

...Город опустел поздно. Погасли огни, и все отошло ко сну. Бодрствовали лишь бездомные собаки.

Ночевать я отправился в дом, который мне указали в комендатуре. В темноте высмотрел себе свободное местечко на ковре среди спящих военных. Подложив под голову полевую сумку, тут же заснул. Но так же быстро проснулся: что-то довольно ощутимо коснулось моего лица. Это оказалась рука соседа, резко повернувшегося во сне с боку на бок. Осторожно я отвел руку от себя.

А утром мы пробудились одновременно — я и тот самый сосед справа. Мы лежали лицом к лицу, что называется, «нос к носу».

Встреча была неожиданной — с Рачия Кочаром. Последний раз мы виделись в Ереване, в 1939 году, на празднованиии тысячелетия эпоса «Давид Сасунский». Кочар уже тогда был видным писателем — автором сатирической повести «Путешествие Огсена Васпура» и превосходных рассказов. Спокойный, рассудительный, неистощимый на шутку, интересный собеседник, не по годам мудрый, он, как магнитом, притягивал к себе людей. И вот эта, сколь удивительная, столь и естественная встреча в далеком чужом городе, да еще в такой необычной ситуации, сблизила нас сразу. Спустя тридцать четыре года отчетливо помню, как в то утро, потягиваясь, он медленно, по-особому, «по-кочаровски» выговаривая слова, сказал:

— Доброе сегодня утро. Судьбе было угодно свести нас.

Я не сказал бы, что военная гимнастерка, пилотка и кирзовые сапоги, в которые были туго заправлены брюки, шли этому крупнотелому высокому человеку. Казалось: все ему было не по размеру, может быть, только черная кобура, в которой свободно болтался наган.

Мы уже выходили на улицу, когда Кочар остановился на секунду и проговорил то, что промелькнуло и у меня:

— Все-таки не к лицу мужчинам в такие дни быть здесь, спокойно ходить по мирному городу...

Потом мы пошли на полевую почту, и Кочар отправил жене написанное накануне письмо. «Ереван, ул. Г[illegible]ни, 10...» — значилось на конверте.

Теперь в стене того здания — серая базальтовая плита с надписью: «Здесь, в этом доме, жил и работал известный армянский прозаик, публицист и общественный деятель Рачия Кочар...»

В то утро мы расстались с ним так, будто не позже, чем в полдень, должны встретиться. Но до конца войны мне не удалось повидаться с Кочаром. Он воевал на Украине и на Дону. Долгие месяцы провел под Сталинградом. На страницах газет и журналов я встречал его гневные, полные мужества и жизнелюбия статьи и очерки. С фронта он писал Аветику Исаакяну:

«Смерть стоит на нашем пути, и рано или поздно нам не избежать ее. Конечно, не безразлично, сегодня или завтра. Но если смерть безвременно победит нас и много желаний останется неисполненными, то у нас есть утешение: судьба нашего народа решилась положительно и окончательно. Он будет

Евгений ВОРОБЬЕВ:

БОЕВАЯ ПОВЕРКА

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЮ

30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне был посвящен торжественный пленум правления Московской писательской организации. Его участники заслушали доклад первого секретаря правления С. С. Смирнова «Литература подвига народного». В прениях выступили А. Сурков, Е. Воробьев, С. Михалков, Ю. Жуков, А. Жемиров, И. Козлов, Е. Долматовский, Г. Бакланов, М. Львов, В. Субботин, Ю. Бондарев, С. Орлов.

Участники пленума приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Корреспондент «ЛГ» обратился к председателю Комиссии по военно-художественной литературе Московской писательской организации Евгению ВОРОБЬЕВУ с просьбой рассказать о состоявшемся пленуме.

— Писатели пришли на это заседание, как на боевую поверку, а вместе с ними в строю стояли их книги. Трибуна на пленуме по праву была предоставлена писателям-фронтовикам.

С волнением они вспоминали о том, как жила, действовала Московская писательская организация в дни войны. Минутой молчания почтили собравшиеся память серии павших друзей.

И докладчик, и выступавшие в прениях подчеркивали, что литература военных лет сумела вовремя выразить то, что было на сердце каждого советского человека, где бы он ни сражался — на передовой или в тылу. И сегодня, спустя десятилетия, все так же велик интерес читателей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами к литературе, отразившей героические страницы борьбы советского народа с фашизмом.

Читатели по-прежнему ждут новых книг, в которых со всей полнотой запечатлен нравственный опыт народа, отстоявшего Родину. Военная литература, по образному выражению С. С. Смирнова, не уходит в запас, она осталась на 30-летней сверхсрочной службе.

Не касаясь всех жанров, скажу о военной прозе. В послевоенные годы в полный голос заявили о себе М. Алексеев, А. Адамович, А. Ананьев, В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, В. Быков, Б. Васильев, В. Росляков, Е. Носов и целый ряд других ныне известных писателей. В их книгах запечатлен горячий воинский и жизненный опыт, они пленяют своей искренностью и непосредственностью чувств, учат молодое поколение быть верным традициям отцов, законам солдатского братства. Конечно, душевные, нравственные богатства накапливались не только на переднем крае, но и в тылу, где люди работали с такой же самоотверженностью, с какой воевали их отцы, сыновья, братья. Поэтому Алексей Сурков снова напомнил о великом долге литературы перед героями тыла.

Ю. Бондарев, Г. Бакланов и другие выступавшие отметили, что писатели все более пристальное внимание уделяют образу рядового труженика войны, солдата. Не случайно на пленуме много раз вспоминался Василий Теркин, герой поэмы Александра Твардовского, вобравший в себя типические черты советского солдата. Писатели видят свою задачу в том, чтобы исследовать его характер в самых трудных обстоятельствах. Долг писателя — со всей художественной силой и правдой показать меру народного подвига на разных этапах войны. В этой связи снова упоминался на пленуме роман Михаила Шолохова «Они сражались за Родину». Ведь тот же солдат, который в 1941—1942 годах шел горькими дорогами отступления, в победном 45-м освободил народы Европы от фашистского ига.

Я разделяю точку зрения тех ораторов, которые считают неправомочным деление истории войны на этапы, заслуживающие большего внимания писателей и меньшего.

Много говорилось на пленуме и о том значительном вкладе, который сделали документальная литература и публицистика. Мы с полным основанием числим их в одном ряду с художественной прозой. Совсем недавно читатели ознакомились с военными дневниками Б. Полевого и К. Симонова, а если говорить об очерках, воссоздающих ход битвы под Москвой, то нельзя не назвать таких из них, как «Первый бой мы выиграли» М. Галлая и «Бородинское направление» М. Брагина.

Заключая доклад, С. С. Смирнов выразил общее чувство:

— Все мы ощущаем на своих плечах солдатские и офицерские погоны, и их легкая тяжесть напоминает нам о долге перед будущими поколениями — рассказать народу о том, что видел и пережил в самый трудный и славный час его истории.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

Геннадий Семенихин среди таганрогских металлургов

ДОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

На полевом стане колхоза Памяти 26 бакинских комиссаров. Алим Кешоков и Петр Лебеденко

Фото В. КРОХИНА

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

ЗОЛОТЫЕ РУКИ, ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Когда-то, еще совсем молодым, ездил я по Семиречью с великим Джамбулом. Слушая его прекрасную игру на домбре, необыкновенный голос и думая, как тонко чувствует акын душу своего талантливого народа.

И вот я в районе, который теперь носит имя замечательного поэта. Первая встреча — с Алтынбеком Тургенбаевым, директором конезаводе «Дегирес».

— Хотите, я расскажу вам о Чопане Джандыбаеве? — предлагает он. — Это наш лучший чабан. Может быть, рассказ о нем и будет ответом на ваши вопросы.

...Как-то приехал он с пастбища пропыленный, в лисьем малахае, нейлоновой куртке, больших сапогах. И прямо ко мне. «Немножко ругаться будем, бастык (так называют у нас директора). Совсем плохие дела». Ну, думаю, недосмотрели чего — может, кошара прохудилась или сено вовремя не подвезли к ферме. «Сколько лет бьюсь, — продолжал Чопан, — а не могу собрать библиотеку. Все хорошие книги в городах раскупают, где им добраться до дальних отгонов. Вы бастык, вот и выручайте!» Признаться, поначалу его жалоба удивила меня. Потом я подумал: мой великий земляк Джамбул был неграмотен, потому что он родился и вырос в тяжелые годы самодержавия. Неграмотен был почти весь мой народ, и один царский чиновник пророчил, что мы преодолеем невежество лишь через пять тысяч лет. А сейчас в нашем районе одних только школьников двадцать тысяч...

Чопан соединяет в себе современные знания с опытом поколений. Отец его тоже был чабаном. Я знал старого Джандыбая. Он был не только хороший работник, а еще и самый справедливый человек в округе, к которому шли, чтобы решить спор или какой-нибудь трудный вопрос. Сердце Чопана тоже открыто людям. И он отлично знает свое дело. Время существенно изменило старинную профессию. Чабан, у которого тысячи овец, сейчас должен знать основы зоотехники, уметь управлять трактором... Я уж не говорю о составлении карт перегона отар. Это же целая наука — перегонять овец с одного пастбища на другое. Какие травы раньше, а какие позднее скармливать, чтобы запасов хватило до снега. И как пасти, чтобы сберечь землю, не вытоптать ее...

Когда республике вручался орден Дружбы народов, Чопан Джандыбаев преподнес Леониду Ильичу Брежневу хлеб-соль. До глубины души был взволнован чабан этой встречей. Он повторял слова Леонида Ильича о том, что бороться за развитие овцеводства надо с такой же настойчивостью, с какой в свое время советские люди осваивали целину.

Иной подумает, что вся жизнь Чопана — сплошные счастливые совпадения. Но это не совсем верно. Такой сделали жизнь Чопана его работящие руки, его доброе, отзывчивое сердце.

Дмитрий СНЕГИН

АЛМА-АТА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРИДИАНЫ

ДЕВЯТЫЙ ПУШКИНСКИЙ

На днях в правлении Союза писателей СССР состоялось заседание Комитета по проведению Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. Открывая заседание, председатель комитета Ираклий Андроников подчеркнул, что Пушкинский праздник поэзии приобрел огромную популярность. В минувшие годы в нем принимали участие поэты всех союзных и автономных республик, а также многих стран мира.

— Программа нынешнего, девятого Пушкинского праздника разнообразна и обширна, — сказал далее И. Андроников. — Торжества, по традиции, будут проходить в Москве, Пскове, Михайловском, Калинине и Берново, Горьком и Большом Болдине, в многочисленных местах, связанных с именем великого поэта, во многих других городах и селах страны.

Девятый Пушкинский праздник проходит в год 30-летия нашей Великой Победы над Германией и 150-летия восстания декабристов. Поэтому программа праздника, естественно, отразит эти исторические события.

В канун традиционного народного торжества в Михайловском, в районном центре Пушкинские Горы состоятся Пушкинские чтения.

О ходе подготовки к девятому Пушкинскому празднику на заседании рассказали А. Васильева, С. Гейченко (Пушкинские Горы), Н. Калашников (гор. Калинин), А. Шарова (гор. Горький), Н. Васильев, Л. Ульянов (Псков), А. Крейн, Т. Алмазова, В. Каплан (Москва).

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

ГВАРДИИ ПИСАТЕЛЬ

Это было на Орловско-Курской дуге. Наши полки ворвались в Болхов, завязались уличные бои. На следующее утро в дом, где расположился командный пункт батальона 76-й гвардейской краснознаменной стрелковой дивизии, зашел седой, невысокого роста майор. Он молча откозырял комбату, протянул служебное удостоверение.

Наш комбат Малясов раскрыл красную книжечку, улыбнулся:

— Располагайтесь. Правда, мы тут хозяева временные.

Из дальнейшего разговора стало ясно, что седой майор — корреспондент армейской газеты «Боевой призыв». Когда он ушел, расспросил нас о захвате Болхова и уличных боях, комбат сказал:

— Это ж был писатель Блягин. Помнишь «Красных дьяволят»? То-то...

Через две дня в Болхове вышла газета. Этот первый после оккупации номер выпустили писатели П. Блягин и М. Чачко.

А вскоре был освобожден Орел. В честь этого события в городском саду состоялась встреча московских писателей с жителями города.

В освобожденном Орле наша гвардия не задержалась. Вместе с наступающими батальонами Блягин прошел более 200 километров. По пашням и скошенным полям, по лесам, болотам, деревенским тропам. В дождь и грязь, днем и ночью. И это несмотря на свой возраст — далеко за пятьдесят.

В сентябре 1943 года Москва салютовала нашим гвардейским дивизиям, отмечая освобождение Чернигова, а утром уже завязался бой на дальних подступах к Днепру.

Бойцы и командиры многих подразделений хорошо знали Павла Андреевича Блягина — «гвардии писателя», как они его называли, — знали и любили. Бывало, на марше бойцы говорили ему: «Товарищ майор, садитесь на подводу — вы же устали», — а он улыбнется, вытрет лицо платком и ответит: «Да нет уж, я, как все, — пешочком».

Помню, кто-то из корреспондентов спросил Блягина, есть ли у него время писать еще что-то, кроме того, что печатается в армейской газете. Вопреки ожиданиям, Павел Андреевич охотно стал рассказывать о замысле будущей повести, которую хотел назвать так: «Мать-партизанка».

Не знаю, осуществил ли свой замысел писатель, но его работа в армейской газете, его жизнь среди солдат, его стойкость и мужество в походах убедительно доказывают, что не случайно фронтовики возвели Павла Блягина в ранг «гвардии писателя»...

М. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ

БАКУ

ДЕЛА ПИСАТЕЛЬСКИЕ

И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ!

В эти дни Николая Дедушкина трудно застать дома: он находится в постоянных поездках по Чувашии...

— Вот и сейчас я вернулся из колхоза «Правда», — рассказывает Н. Дедушкин. — Был в депутатской поездке. Проверял, как соблюдается в Канашском районе постановление о льготах для учителей сельских школ. Кроме того, встретился с механизаторами.

Встречи, литературные вечера, организация выставки «Писатели Чувашии в годы Великой Отечественной войны», подготовка к предстоящему семинару молодых поэтов — это далеко не полный перечень повседневных, будничных дел депутата Верховного Совета Чувашии, руководителя республиканской писательской организации, секретаря правления СП РСФСР Н. Дедушкина, только что отметившего свое шестидесятилетие.

На вопрос о ближайших планах Н. Дедушкин ответил:

— На моем столе верстка сборника литературно-критических статей «В ногу с жизнью»... В нем рассматриваются проблемы партийности и народности, анализируются произведения чувашских писателей.

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ПОЗЫВНЫЕ ПИОНЕРСКОГО ГОРНА

Есть у советских ребят давний большой и добрый друг, с которым они встречаются каждое утро. Это «Пионерская зорька». 19 апреля 1975 года детскому радиожурналу исполняется полвека.

Мне выпало счастье начинать свой трудовой путь в «Пионерской зорьке». Хорошо помню высокий серый дом на улице Горького, Центральный телеграф, третий этаж, большую комнату, где работали тогда сотрудники редакции.

Разве можно забыть, как навещал нас Аркадий Гайдар! Приоткроет дверь, увидит, что идет очередная «летучка», улыбнется и не без добродушной иронии скажет:

— Прозаседавшиеся, любите поговорить...

Дни, проведенные в редакции «Пионерской зорьки», на всю жизнь останутся у меня в памяти светлыми, солнечными, незабываемыми.

Многие писатели причастны к детской радиоредакции, очень многие...

Пусть же «Пионерская зорька» всегда будет боевой, интересной, веселой, какой мы ее помним в тридцатые годы, когда она вместе с нами начиналась, какой ее знаем сегодня по знакомым позывным пионерского горна!

Борис ИРТЫШСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

НАМ СООБЩИЛИ...

ЛАУРЕАТ — РАБОЧИЙ

Четвертым лауреатом литературной премии Каунасского шелкового комбината имени П. Зибертаса стал рабочий электроцеха Мечис Ранаускас. С комбинатом связана вся рабочая и творческая биография лауреата.

Работая электриком, он написал первую свою книгу «Мир, из которого вырастаем». Затем последовала повесть «...Рассуди сердцем своим», опубликованная в журнале «Нямунас»; потом Ранаускас был принят в Союз писателей.

...И вот на комбинате состоялся торжественный литературный вечер, на котором представители огромного рабочего коллектива вручили премию своему товарищу по работе, пожелали ему дальнейших творческих успехов.

ВИЛЬНЮС

жить. Он не может умереть. Эта мысль и эта вера делают нас твердыми в боях... Моя мечта — увидеть последний день войны и, вернувшись домой, вновь слушать ваши мудрые беседы, видеть морщины вашего лица, на котором, вероятно, оставили печальный след и эта война, и ее жертвы...»

Рачия Кочар увидел последний день войны. И еще многие послевоенные дни и годы. Он написал эпический роман «Дети большого дома» — значительное произведение о Великой Отечественной войне, множество рассказов, в которых отразилось виденное и пережитое на фронте. Он создал повести, отмеченные тонким юмором и всегда присущей ему детальной реалистичностью. И, наконец, «Наапет» — книгу о духовном возрождении народа.

...Подкошенный болезнью, Рачия Кочар лежал в своем домике на краю горного поселка. Вокруг домика в те майские дни цвели яблони, посаженные в каменистую почву руками писателя. Однажды утром он поднялся с постели и встал во весь рост. Дочь, услышав шаги, бросилась в комнату отца. Не успела. Он рухнул. И умер. Как солдат. Мужественно. Как прошла вся его жизнь.

3.

Снова просматриваю фронтовой блокнот. Должен он пахнуть старой бумагой, а вдруг запахло морем. И я увидел, увидел, будто это было вчера, ту побитую осколками, словно в черной оспе, фронтовую дорогу на Новороссийск. Слева — море, справа — лесистые горы. И над морем, и над горами, и на море, и в горах не умолкая, гремели бои.

В Вишневке, неподалеку от Туапсе, находилось политуправление Черноморской группы войск Закавказского фронта. В тот день я собирался отправиться в Туапсе и оттуда под Хадыженскую, в батальон капитана Лукина, оборонявший важную высотку. Но утром узнал, что захвачен дневник какого-то гитлеровца, и этот дневник срочно переводит на русский язык сын Вильгельма Пика — Артур Пик. Мне обещали один экземпляр перевода. Я торопился: выехать нужно было засветло.

Наконец дневник у меня. Его вел в Буденновке, близ Мариуполя, секретарь тайной полевой полиции 626-й группы при первой танковой армии германских вооруженных сил однофамилец гебрижского Шмидта — Фридрих Шмидт. Наскоро пробегаю глазами дневник. Это документ саморазоблачения гитлеровцев. Его должны прочитать как можно больше людей. Решаю отослать не в свою, фронтовую, газету, а в «Красную звезду» — Илье Эренбургу. Мчусь на аэродром. К счастью, есть оказия. Пакет мой заложили в мешок, мешок запечатали, и я со спокойной душой вернулся в Вишневку. И только вернулся, как над головой прошумел «У-2», взлетевший с аэродрома и уже над морем набиравший высоту. «Полетел мой пакет», — подумал я. Но когда «уточка» разворачивалась, показался «мессершмитт», настиг ее и обстрелял. «Уточка» задымилась и начала резко терять высоту...

Что стало с пилотом? Не знаю. Видел только, как от берега рванулся в море катер...

Возвратившись из-под Хадыженской, я раздобыл еще один экземпляр дневника. Отсылать, однако, не понадобилось: раскрыв свежий номер «Красной звезды» от 11 октября 1942 года, увидел высоким «подвалом» напечатанный дневник гитлеровца. После кавычек шли слова Эренбурга:

«Я заканчиваю выдержки из дневника секретаря тайной полевой полиции Фридриха Шмидта. С трудом я переписывал страшные строки. Кажется, во всей мировой литературе нет такого страшного и презренного злодея. Он расстреливает подростков, и он боится самолета... Ему не напрасно дали крест с мечами за военные заслуги — ведь он отважно истязал русских девушек. Он даже храбро убил четырехлетнего ребенка. Поганый трус, который мучается от мысли: «А вдруг поймают?»... Я прошу иностранных журналистов передать дневник секретаря тайной полиции во все газеты свободолюбивых стран. Пусть узнают о работе Фридриха Шмидта англичане и американцы. Пусть узнают о ней граждане нейтральных стран. Немец-завоеватель, кавалер креста с мечами, ближайший сотрудник графа фон Ферстера должен обойти земной шар...»

И до сих пор я не знаю, моим ли экземпляром воспользовался Илья Эренбург, опубликовав этот дневник. Может быть, почту со сбитого самолета удалось спасти? А может, в Москву был доставлен другой экземпляр? Этого я не знаю. Но какая разница? Важно, что дневник прочитали миллионы...

Вот что напомнили мне беглые записи в том фронтовом блокноте.

НИТИ ДРУЖБЫ

НА ГРАНИЦЕ ТРЕХ РЕСПУБЛИК

Недалеко от черниговского села Сеньковка возвышается двадцатитрехметровая стрела из нержавеющей стали и камня — монумент дружбы... Три дороги из трех республик — России, Украины, Белоруссии,— с трех сторон подходящие к монументу дружбы, привели в этот день литераторов на встречу, посвященную 30-летию Великой Победы.

Более двух часов благодарные слушатели аплодировали выступавшим — представителям трех республик. Эта встреча — ее инициаторами были украинские писатели — надолго останется и в памяти слушателей, и в памяти самих литераторов...

В. ПАРЫГИН

БРЯНСК

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ А. Л. ДЫМШИЦА

Решением секретариата правления Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию критика и литературоведа А. Л. Дымшица в составе: Ю. Я. Барабаш (председатель), М. Н. Алексеев, С. И. Бэлза, Г. Д. Гулиа, Н. А. Дымшиц (секретарь), Е. А. Кацева, Е. Ф. Книпович, В. Е. Ковский, Л. М. Мкртчян, Д. М. Молдавский.

Комиссия обращается ко всем товарищам, которые располагают рукописями, письмами, фотографиями и другими материалами, связанными с жизнью и творчеством А. Л. Дымшица, с просьбой передать их в распоряжение комиссии. Все материалы просьба присылать по адресу: 117331 Москва В-331, ул. Кравченко, 12, кв. 54, Н. А. Дымшиц.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ПРИСУЖДЕНА...

...Госкомиздатом УССР, Союзом писателей и Союзом журналистов Украины премия в области художественной критики 1975 года И. Киселеву за статью «Горизонты молодой драматургии» и В. Мельнику за работу «Сюжеты. Конфликты. Характеры».

ПРИСВОЕНО...

...Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР за большие заслуги в развитии советской литературы почетное звание народного писателя Узбекской ССР Назиру Сафарову.

...звание «Почетный ветеран краснознаменного крейсера «Киров» — героического корабля Балтики писателю-маринисту Николаю Михайловскому — автору книг «Таллинский дневник», «С тобой, Балтика!», «Мы уходили в ночь», «Штормовая пора», «Всплыть на поверхность!» и других.

ОТКРЫЛСЯ...

...по инициативе ВЦСПС, СП СССР, министерств культуры СССР и РСФСР традиционный семинар авторов одноактных пьес. В работе семинара принимают участие секретарь правления СП СССР А. Салынский, первый секретарь правления СП Латвии Г. Приеде, драматурги А. Самсонов, М. Сторожева, Я. Апушкин, В. Раздольский.

СОСТОЯЛСЯ...

...расширенный пленум правления СП Эстонии, посвященный вопросам драматургии. Пленум открыл первый секретарь правления В. Бээкман. С докладом «Драматург и театр» выступил Э. Ветемаа.

...вечер двух писателей-фронтовиков, народных поэтов Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева и Адама Шогенцукова. Вечер прошел в ЦДРИ СССР.

В вечере приняли участие заслуженная артистка РСФСР Лариса Лужина, заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор Оскар Фельцман, артисты Алла Азарина, Юлий Сазонов и другие.

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

РИСУНКИ *Гиглы* ПИРЦХАЛАВЫ

Эта выставка, имевшая большой успех, экспонировалась в ЦДЛ имени А. А. Фадеева. Добродушные, с легким «подначиванием» шаржи; едкие рисунки, обложки сатирического журнала «Нианги»... Их автор — художник Гигла Пирцхалава.

«Гигла — тонкий психолог. Он умеет точно передать характер своего героя, заметить в нем ту черту, которая скрыта от глаз других. Все что смешит, радует, удивляет нас в рисунках Пирцхалавы, — самые невероятные комические ситуации, самые смешные персонажи подсмотрены им у самой жизни, они лишь чуть утрированы». Такие строки посвятил Гигле Пирцхалаве писатель Нодар Думбадзе. Мы публикуем два рисунка Гиглы Пирцхалавы...

Григол АБАШИДЗЕ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЗРЕЛОСТЬ

Старинное трехэтажное здание на Пушечной улице в центре Москвы издавна считалось «театральным». Еще в конце прошлого века, в 1887 году, К. Станиславский играл здесь в любительском спектакле, поставленном по пьесе Н. Гоголя «Игроки», здесь же в 1891 году состоялась премьера комедии Л. Толстого «Плоды просвещения». Здесь любили бывать известные русские писатели, актеры, музыканты, художники.

В 1939 году в это здание переехал Клуб мастеров искусств, известный теперь как ЦДРИ СССР.

Наш корреспондент Ю. Стефанович попросил директора Центрального Дома работников искусств СССР В. Г. Тарасова дать небольшое интервью.

— У Дома работников искусств — богатое прошлое, интересные традиции, — рассказывает В. Г. Тарасов. — Сорок пять лет назад, в день открытия, В. Маяковский впервые читал свое вступление в поэму «Во весь голос»; здесь же в разные годы перед деятелями молодого советского искусства выступали А. Луначарский, М. Горький, Д. Бедный, А. Толстой. Сегодня в нашем Доме собираются люди самых разных творческих профессий: прозаики, поэты, драматурги, артисты, композиторы, художники. Всех объединяет одно — любовь, преданность литературе и искусству, то, чему они посвятили свою жизнь, чему отдают все свои силы. Вот это и определяет деятельность нашего Дома. Продолжение любой традиции сопряжено с поиском новых форм, новых направлений работы. И формы эти подсказывает сама жизнь.

В связи с приближающимся Днем Победы, например, мы проводим военно-патриотические вечера, встречи.

В нашем Доме выступали Б. Ахмадулина, С. Васильев, Р. Гамзатов, Н. Грибачев, Н. Доризо, К. Кулиев, М. Лисянский, Р. Рождественский и другие.

Писатели не только активно участвуют во всех этих начинаниях, но и организуют: проводят многие вечера и встречи. Так, председатель нашего библиотечного совета поэт В. Боков организовал ряд тематических литературных вечеров, интересные вечера проводит со школьниками и драматург В. Розов.

ЦДРИ исполнилось сорок пять лет. Событие приятное и радостное для всех нас...

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

В расцвете творческих сил, в преддверии новых свершений ушел из жизни талантливый прозаик и журналист, писатель большого человеческого и гражданского мужества Олег Михайлович КУВАЕВ.

О. М. Куваев родился в 1934 году в Кировской области. Выпускник школы-интерната, он после окончания Московского геологоразведочного института работал в Арктике, руководил полевыми партиями и экспедициями на Чукотке, острове Врангеля, в северной Якутии. В 1962 году молодой геолог принес свои первые рассказы в журнал «Вокруг света». С тех пор и до последнего дня своей жизни он был одним из самых активных сотрудников журнала.

Любовь к Северу, тяга к сильным, крупным, одержимым романтикой подвига характерам привлекала к произведениям О. Куваева внимание широкого читателя. Одна за другой выходят его книги «Зажгите костры в океане», «Чудаки живут на Востоке», «Весенняя охота на гусей», «Тройной полярный сюжет». Особенно тепло был принят критикой и читателями роман О. Куваева «Территория», написанный емко, плотно, насыщенный подлинным драматизмом характеров и ситуаций.

Писатель был полон энергии, готовился к новым экспедициям и книгам. За несколько дней до смерти О. Куваев говорил об освоении Арктики как «прекрасном, выходящем за узкие географические рамки примере долга, чести, нравственной стойкости». Многое заставляло думать, что талант Олега Куваева раскроется еще ярче, и вот безвременная смерть перечеркнула эти надежды... Однако лучшее, написанное Олегом Куваевым, осталось с нами. Его книги будут читать, они будут вдохновлять и звать к подвигу новые поколения молодых людей.

А. АЛЕКСИН, Г. БЕРЕЗКО, Ю. БОНДАРЕВ, Ю. ВЕРЧЕНКО, С. ВИКУЛОВ, В. ДЕМЕНТЬЕВ, В. ИЛЬИН, М. КОЛЕСНИКОВ, М. ЛЬВОВ, Г. МАРКОВ, С. МИХАЛКОВ, А. НИКОНОВ, С. ОРЛОВ, Б. ПОЛЕВОЙ, В. РАЗУМНЕВИЧ, А. РЕКЕМЧУК, С. САРТАКОВ, С. СМИРНОВ, В. ТЕЛЬПУГОВ, А. ЧАКОВСКИЙ, М. ШЕВЧЕНКО

Секретариат правления Союза писателей СССР, секретариат правления Союза писателей РСФСР и Удмуртская писательская организация с глубоким прискорбием извещают о смерти известного удмуртского писателя

КРАСИЛЬНИКОВА
Геннадия Дмитриевича

и выражают соболезнование семье покойного.

ГОРИЗОНТЫ РАБОЧЕЙ ЖИЗНИ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА «ЭЛЕКТРОСИЛЕ» им. С. М. КИРОВА

Однажды Герой Социалистического Труда токарь Евгений Моряков, рассказывая о своей горячей любви к Пушкину, заметил:

— Мы часто говорим о нем с Михаилом Дудиным. Бывает, и спорим...

— Давно, очень давно мы познакомились с Моряковым... Такое впечатление, что были знакомы всегда, — сказал Дудин.

Токарь и поэт. Может быть, их соединил Пушкин, может быть, — совместная работа в Ленинградском комитете защиты мира. Сколько примеров такой дружбы, товарищеских связей, просто добрых знакомств у ленинградских писателей и рабочих!

Главный «коллективный друг» Ленинградской писательской организации — Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина.

Но не только машиностроители имеют постоянный контакт с Ленинградской писательской организацией. Балтийский завод, объединения Кировский завод, «Красный треугольник», Ижорский завод, другие промышленные предприятия часто приглашают к себе писателей.

В один из дней редакция «ЛГ» провела встречу ленинградских писателей и электросиловцев. Обсуждение длилось 4 часа. В конференции приняли участие: Д. ГРАНИН, В. ДЯГИЛЕВ, И. ЕФИМОВ, В. КЕТЛИНСКАЯ, В. МУСАХАНОВ, Б. НИКОЛЬСКИЙ, В. ТУБЛИН. На встречу с литераторами пришли: генеральный директор объединения Б. И. ФОМИН, секретарь парткома В. И. НАУМЕНКО, кандидат технических наук Ю. В. АРОШИДЗЕ, заместитель секретаря парткома А. Ф. ЯНКОВ, старший мастер цеха крупных машин Б. С. СМОЛЬКИН, мастер-наставник Герой Социалистического Труда С. С. ВИТЧЕНКО, бригадир обмотчиков Герой Социалистического Труда Ю. А. ВРУБЛЕВСКИЙ, фрезеровщик Герой Социалистического Труда А. Н. МОРОЗОВ, токарь-карусельщик, депутат Верховного Совета СССР Ю. К. СИДОРОВ, заслуженный рационализатор РСФСР И. Л. УСТИМЕНКО, секретарь цеховой комсомольской организации Ю. В. ВАХРУШЕВ и другие.

— Я с большой радостью согласился встретиться с нашими писателями, — сказал, открывая встречу, генеральный директор объединения «Электросила» Б. И. Фомин. — Конечно, было бы наивно ждать от нашей беседы каких-то немедленных результатов. Но ясно одно: она обогатит взаимно и вас, литераторов, и нас, читателей. Я отношусь к нашей встрече, как к очередному «диспетчерскому» совещанию с писателями, на котором мы наметим интересующие нас проблемы, попытаемся найти новые подходы к их разрешению.

Перед советской литературой стоит очень важная задача — помочь Коммунистической партии воспитать нового человека. Что это значит? Научно-техническая революция уже сформировала условия, которые требуют переделки, перекраивания характера человека. Она ставит нас в более «жесткие» рамки, требует напряжения всех духовных и физических сил. И мне кажется, что литература обязана в этом процессе сыграть одну из главных ролей.

Я уверен, что литератор, о чем бы он ни писал, должен прежде всего обращаться к душе человека, к его сознанию, чтобы пробудить, выпестовать все лучшее, что заложено в нем самой природой. В современных условиях это задача не из легких. В 1922 году наш рабочий класс насчитывал 4 миллиона человек, сегодня их — 70 миллионов. Громадная сила!

НЕМНОГО ОБ ИСТОРИИ ЗАВОДА

...История «Электросилы» тесно связана с именем Ленина. Рабочий Иван Яковлев по приглашению Владимира Ильича приходил к нему и под его руководством изучал «Капитал» Маркса. В 1894 году здесь возник первый социал-демократический кружок, которым руководил рабочий регулировочной мастерской Александр Ильин.

Электросиловцам есть чем гордиться. С оружием в руках они принимали участие в Октябрьском восстании. Подлинно новую жизнь принес заводу ленинский план ГОЭЛРО. В декабре 1923 года завод «Электросила» получил заказ на изготовление четырех гидрогенераторов для исторической Волховской ГЭС. 21 апреля 1939 года «Электросила» была награждена первым орденом Ленина.

В годы Великой Отечественной войны рабочий класс завода послал на фронт лучших своих сыновей. В 1948 году завод был награжден вторым орденом Ленина. Сотни работников были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Встречный план рабочих завода гласит: «Каждому новому изделию — Знак качества!». Так решил работать в завершающем году пятилетки коллектив «Электросилы».

Б. И. ФОМИН. Однако, несмотря на изменившееся соотношение сил, интерес к рабочим коллективам со стороны литераторов еще явно недостаточен. Кое-кто может возразить, что я не основателен в своем упреке, что не с него надо бы начинать. Могут привести десяток названий повестей и романов, пьес и поэм, посвященных рабочему классу, но все-таки среди многих талантливых произведений нет еще главной книги о рабочем человеке. А ведь только главная книга определяет развитие всей темы.

Когда ученые открыли тайну расщепления атома, то есть было сделано главное в данной теме, в данном направлении, какой огромный скачок сделала наука! Когда Максим Горький написал «Мать», он надолго определил пути развития литературы на рабочую тему, заложил традиции, которые писатели пытаются развить и сегодня. Для молодежи и комсомольцев такой главной книгой была «Как закалялась сталь». Не было бы ее — может, не было бы «Молодой гвардии» и других прекрасных произведений...

Секретарь партийной организации «Электросилы» В. И. Науменко, продолжая мысль о роли писателя в эпоху НТР, особенно подчеркнул, что сегодня в корне изменилось само понятие «рабочий»:

— Рабочий — это и мастер, и диспетчер, и даже рядовой инженер. Вот как мы расширяем старое и вечно новое для нас понятие «рабочий человек»! Но расширение понятия не просто механическое. Оно главным образом зависит от духовной сферы, от нравственного облика человека труда.

Люди, получившие среднее или высшее техническое образование, не перестают считать себя принадлежащими к рабочему классу.

КОНФЛИКТЫ, КОНФЛИКТЫ...

«Какой конфликт вы положили бы в основу своего произведения, если бы были писателем?» — с таким вопросом кто-то из присутствующих литераторов обратился к Б. И. Фомину.

Генеральный директор улыбнулся. Ответил неожиданно:

— Мое дело — избегать конфликтов, сглаживать их, хотя их у нас хоть отбавляй, впрочем, вероятно, как и на каждом производстве.

В. КЕТЛИНСКАЯ. Конфликт конфликту рознь. Я не думаю, что ваш метод разрешения проблем самый лучший.

Б. И. ФОМИН. Производство не должно ни на минуту останавливаться. Следовательно, я подхожу к вопросу несколько иначе, чем литераторы, которые, по моим наблюдениям, стараются в решение конфликтов внести слишком много эмоций. Наибольшие трудности мы встречаем при внедрении новой техники, изменении технологических процессов.

А. Ф. ЯНКОВ. Я думаю, что перед литераторами на нашем предприятии, да и на любом другом открывается широкое поле деятельности. Вот хотя бы взять лозунг «Пятидневное задание в четыре дня!» Продвижение этого лозунга в жизнь неразрывно связано с ростом самосознания людей, их духовным миром.

Объемы производства неравнозначны для каждого предприятия, и такой общий лозунг для повышения производительности труда необходим. Важно только четко проводить его в жизнь. Публицист, владеющий острым пером, может в этом оказать нам неоценимую помощь.

На другом конце стола Б. Никольский спрашивает заместителя директора Научно-исследовательского института Ю. В. Арошидзе:

— Сейчас многие предприятия и институты объединяются в фирмы. Этот процесс не может проходить безболезненно. Наверное, порою вам приходится идти против течения?

Юрий Васильевич ответил следующее:

— Это сложности психологического плана. Конечно, каждый ученый, руководитель стремится к самостоятельности, каждому хочется быть «капитаном». Каждый с гордостью привык произносить: я работаю на таком-то заводе, в таком-то научно-исследовательском институте, и вдруг — фирма, новое объединение. Появляются новые люди, возникают новые психологические связи и отношения.

Словом, писателю, пришедшему на завод в поисках современных конфликтов, есть над чем поразмыслить. Главное — не бояться смотреть правде в глаза, как это сделал И. Дворецкий в пьесе «Человек со стороны». Очень это хорошая, по-настоящему «рабочая» пьеса!

ПО ЗАВЕТАМ ГОРЬКОГО

В. ТУБЛИН. Когда-то Алексей Максимович Горький настаивал на создании «Истории фабрик и заводов», и многое было сделано в этом направлении. Я хотел бы узнать мнение наших заводских товарищей, как писатель должен вести себя в цехе — стать к станку или найти какие-то иные пути изучения заводской жизни?

В. И. НАУМЕНКО. Инженер Сычев из вашей повести «Доказательства» занят поиском такого способа деятельности, при котором он может максимально много сделать для других и при этом наиболее полно выразить себя, свою личность. Выбор пути — об этом думают не только молодые люди. Как сделать лучше, как приблизиться к своей цели? Ваш вопрос касается старого спора. И противоположные точки зрения имеют своих сторонников. Я лично считаю, что поработать у станка не вредно. Нужно знать, о чем пишешь, нужно досконально знать технологический процесс, изучить мельчайшие детали.

Ю. К. СИДОРОВ. Я не совсем согласен с высказанной точкой зрения. Писателю не нужно жить жизнью рабочего, коль он стал уже профессиональным писателем. Если мы его поставим к станку, то через год он может стать неплохим токарем или фрезеровщиком, но вот как насчет основной профессии? Профессии писателя? Я не могу дать совет, каким образом он должен приобрести необходимые знания. Но опыт показал, что непосредственное участие в трудовом процессе не приносит литератору желаемых результатов. Видимо, каждый должен идти своим индивидуальным путем. А каким бы путем пошли вы?

В. ТУБЛИН. Не знаю. Не думаю, что ходил бы сюда каждый день, как на работу. Человек создан для счастья. Я уверен, что задача писателя прежде всего найти на заводе счастливых людей. Понятно, зачем их искать... НТР совершается не для того, чтобы только улучшать промышленную продукцию. Она должна привнести в нашу жизнь и нечто новое. Счастлив ли человек? Откуда это счастье берется?

Б. И. ФОМИН. Каждый счастлив и несчастлив по-своему. Другое дело, создана ли «база» у нас для того, чтобы человек был счастлив. Конечно, создана. Но мы должны каждый день своим трудом ковать это счастье.

В. И. НАУМЕНКО. Большое человеческое счастье прежде всего зависит от деловых качеств человека, трудолюбия, отношений с людьми. Личное человеческое счастье зависит от тысячи обстоятельств, на которые мы не всегда можем повлиять. Но я уверен, что коллектив рабочих если не в состоянии сделать человека счастливым в личной жизни полностью, то помочь ему, облегчить положение его в трудную минуту может и должен. Общественная и личная сторона счастья должны гармонично сочетаться. И одно без другого не может существовать!

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

Разговор о счастье взволновал всех. Но писателей интересовало «конкретное» понимание счастья. Что за ним стоит? И беседа все время возвращалась в русло заводских дел.

Вопрос И. Ефимова был несколько неожиданным: «Вы правы, когда говорите, что человеческое счастье зависит от общественно полезной деятельности. Но оно зависит и от мелочей. Где большая текучесть кадров, там счастья нет. А у вас как обстоят дела?»

Оказалось, что текучесть кадров на «Электросиле» минимальная: 8 процентов среди рабочих, 3—4 процента для ИТР, но сюда входят и призыв в армию, и заслуженный отдых пенсионеров.

Ю. А. Врублевский работает на заводе 44 года. Молодежь, которая некогда училась у него, теперь руководит важными участками производства. Когда пришла пора уходить на пенсию, Врублевский решил не порывать связи с заводом и остался на должности бригадира.

Ю. А. ВРУБЛЕВСКИЙ. Я читал книгу Веры Кетлинской «Мужество», но увидеть и познакомиться с ней пришлось только сейчас. Успех ее книги, мне кажется, в том, что писательница сумела увидеть будущее, разглядеть день завтрашний. Что касается дня сегодняшнего, то могу заметить — современный писатель должен глубоко знать свой предмет, свою тему, иначе его ждет провал. Мне обидно, что об «Электросиле» никто не написал. Если вам для вдохновения нужны счастливые люди, то приходите к нам почаще. Здесь их сколько угодно!

«Электросила» — завод новаторов. Здесь придумывают и изобретают сотни людей, и среди них одно из первых мест по количеству рационализаторских предложений принадлежит И. Л. Устименко.

И. Л. УСТИМЕНКО. Я счастлив, когда вижу, что один рабочий делает те операции, которые раньше нелегко было сделать вшестером. По себе сужу: человек становится счастливым только тогда, когда находит в себе призвание.

Герой В. Мусаханова — шофер Воронцов из повести «У себя дома» не только «крутит баранку», а стремится осмыслить все происходящее вокруг него. Жизнь его духовна, наполнена размышлениями о прошлом, о настоящем, о будущем.

В. МУСАХАНОВ. Не считаете ли вы, что «конвейерная», «механизированная» работа приведет к противоречию — интеллектуальный кругозор рабочего расширился, а приходится выполнять одни и те же операции!

И. Л. УСТИМЕНКО. В какой-то степени — да. Но именно здесь должны сыграть свою роль литература и искусство, которые должны увлекать человека, открывать перед ним новые горизонты духовной жизни. Кнопочный труд куда легче физического. Техническое перевооружение должно идти наряду с ростом и расширением кругозора человека. У нас много сходного в труде с писателями. Вон Даниил Александрович это знает...

Его повесть «Эта странная жизнь» задела рабочих и ученых, молодых и старых, людей различного возраста и различных профессий, потому что автор в своем произведении поставил вопрос об отношениях Человека и Времени.

Д. ГРАНИН. Мне думается, что литература — дело очень сложное, это очень рискованная работа, «одинокая» работа, потому что ты сам должен ее сделать. Преимущество у вас то, что вы трудитесь большим коллективом, и тут есть иногда возможность «спрятаться» за коллектив, а писателю некуда спрятаться. Есть в нашей работе и большое сходство. У вас генератор может выйти из строя, и вам не удастся свалить на эксплуатационников, вы должны сами отвечать, так и нам не удается ни на кого взвалить ответственность. Писатель должен сам отвечать. Это и хорошо, и трудно, и притягательно, потому что это чувство ответственности помогает писателям...

ВОСПИТЫВАТЬ МОЛОДЕЖЬ

Вначале слово взял Ю. В. Вахрушев. После него говорил Б. С. Смолькин. Их выступления, разные по темпераменту и стилю, по приведенным примерам и живинному опыту, сходились в одном: литература должна иметь воспитательное значение.

То, о чем рассказывали Ю. В. Вахрушев и Б. С. Смолькин, еще раз убедительно подтвердило, что книги о рабочем классе нужны и что их ждут. Без этих книг и воспитательная работа, и эстетическое образование не могут быть подняты на новый, качественно отличный от прежнего уровень.

Недавно появились две повести, посвященные рабочему классу, — Е. Воеводина «Заявление за две недели» и А. Иванова «Дом строится». В них писатели отражают проблематику современной рабочей жизни. Эти произведения свидетельствуют еще раз о том, что ленинградские писатели стремятся выполнить социальный заказ нашего времени.

Комсомольцы, молодежь нуждаются также в умном и добром наставнике, таком, как, скажем, С. С. Витченко, который уже не один год все свои силы и время отдает тем юношам и девушкам, кто перешагнул порог «Электросилы».

— А какие сюжеты вы, дорогие писатели, найдете у нас, какие острые ситуации! — восклицает С. С. Витченко. — Несколько месяцев назад оформили к нам на «Электросилу» паренька. Он сын матери-одиночки, окончил 7 классов и бросил школу, проводил время в подворотнях. Сейчас отлично работает...

Какие ребята прошли через мою бригаду! Это круглые сироты, дети матерей-одиночек, дети, родители которых лишены родительских прав. Таких было 7 человек. Это особая категория ребят! И все они стали сегодня полезными людьми. Замечательными!

Я хотел бы попросить писателей обратить особое внимание на движение наставников молодежи. Я работаю 15 лет здесь и 14 из них знаю Владимира Яковлевича Дягилева. Он во многом мне помог. И его мнение для заводчан имеет огромное значение.

В. ДЯГИЛЕВ. Наблюдаю за заводскими делами много лет. Мне кажется, что главные конфликты — психологические и социальные — состоят в том, что НТР сплошь и рядом обгоняет сознание людей.

Ученикам, оканчивающим школу, социологи давали анкету. 38 процентов опрошенных ответили, что на заводе ограниченные возможности для творческого роста. В школе есть авиамодельный кружок, физический, химический и другие, но нет кружков слесарных, токарных... Я считаю, что именно в школе надо прививать любовь к заводу, к рабочему классу.

В. КЕТЛИНСКАЯ. Из опыта, который я лично накопила, могу сказать, что становиться к станку не нужно. Писательская работа очень сложная, она требует отдачи целиком. Когда я писала «Мужество», то провела много месяцев на строительстве. Я имела стаж комсомольской работы, и судьба описанных ребят была мне очень близка. А когда я писала «Дни нашей жизни», я применила другой метод. Очень мешает, когда все знают о том, что ты писатель. Тебе дадут пропуск и тут же сообщат в цех, что идет писатель такой-то. Невидимкой ведь стать не можешь. Я пришла на Кировский завод в сталелитейный цех. Начальник цеха позвонил в механический, в котором я была до этого, и говорит: «Сегодня и я в литературу попаду. Сегодня Кетлинская у меня».

Тогда я пошла в заводскую газету и подключилась к бригаде, которая должна была проследить ее «движением» дефектных деталей. Тут все забыли, что я писательница, знали лишь, что я представитель бригады, которая выясняет причины неполадок. Психология людей выступала выпукло. Всегда должны быть посторонние мотивы, не связанные с замыслом, с которым пришел писатель, тогда легче войти в жизнь коллектива.

А. Н. МОРОЗОВ. Я считаю, что конфликты у нас были, есть и будут, иначе нельзя себе представить человеческое общество. Наша задача заключается сейчас в том, чтобы не превратить рабочего в того героя Чарли Чаплина, которого мы знаем по фильму «Новые времена». Я тружусь в специфическом цехе, в котором нет конвейера, но когда мне нужно делать какие-то одинаковые операции два-три дня подряд, мне надоедает. Дело не в том, что я не люблю свою профессию, я просто душе не лежит к однообразию. Но я не перестаю чувствовать себя счастливым человеком. Не думаю, что конвейер может сделать человека несчастным, если он видит перед собой ясную цель.

Каковы задачи литературы о рабочем классе? Мое поколение выросло на книгах о рабочих. Современная литература должна создавать такие произведения, чтобы молодежь могла из них взять пример. Представление о производстве нужно иметь, но нужно прежде всего показывать человека.

* * *

Мы привели лишь некоторые фрагменты из разговора, который проходил на заводе «Электросила». Не было никакого заранее продуманного «сценария», просто сюда пришли ленинградские писатели, творческие интересы которых связаны с рабочей тематикой. Так что разговор был обоюдно интересен и литераторам, и читателям — рабочим, инженерам. Произошел откровенный обмен мнениями, не претендующий, разумеется, на то, чтобы считаться исчерпывающим. Были высказаны разные точки зрения. Но общей в этой беседе была заинтересованность всех ее участников в том, чтобы литература глубже включалась в этот созидательный процесс, которым живет вся страна...

Г. СИЛИНА, Ю. ЩЕГЛОВ,
специальные корреспонденты «ЛГ»
ЛЕНИНГРАД

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника А. Бабановского к роману Вадима Кожевникова «В полдень на солнечной стороне». Издательство «Советский писатель». М. 1974.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. М. ЕФИМЕНКО — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Василия Михайловича Ефименко секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего 60-летия примите наши сердечные поздравления и наилучшие пожелания. Рабочий Сталинградского тракторного, Вы затем двадцать лет отдали службе в рядах Советской Армии, пройдя путь от солдата, офицера-танкиста, разведчика до политработника в высоком звании подполковника. За участие в Великой Отечественной войне Вы награждены орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и многими боевыми медалями.

Человек с большим жизненным опытом, коммунист с 35-летним стажем, Вы четверть века отдали писательской работе. Ваши романы «Смертник», «Ветер богов», повесть «Привидение» с Гуама» и рассказы широко известны на Советском Дальнем Востоке, знают их и многие зарубежные читатели. Мы ценим Вас и как одного из старейших ответственных работников журнала «Дальний Восток», знаем о Вашем активном участии в работе Хабаровской писательской организации.

Ждем от Вас новых творческих свершений и от всего сердца желаем Вам богатырского здоровья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

М. И. ЛЕВИНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по таджикской литературе и Комиссия по военно-художественной литературе направили Михаилу Иосифовичу Левину приветствие:

«Горячо поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения.

Вы принадлежите к тому поколению советских писателей, которые прошли суровую школу Великой Отечественной войны, формировались в первые послевоенные годы. Именно в эти годы в армейских газетах появились Ваши первые стихи, очерки, рассказы, посвященные героизму советских воинов. Вашему перу принадлежат романы, повести, рассказы и очерки, посвященные будням Советской Армии, подвигам советских пограничников и работников милиции.

Заметное место в Вашем творчестве занимают переводы произведений таджикских и киргизских писателей на русский язык.

Член правления и председатель Совета по русской литературе Союза писателей Таджикистана, член Комиссии по военно-художественной литературе СП СССР, Вы много сил и энергии отдаете общественно-творческой работе. Ваша литературная и общественная деятельность отмечена правительственными наградами и присуждением почетного звания «Заслуженный работник культуры Таджикской ССР».

Желаем Вам доброго здоровья и новых успехов в творческой и общественной деятельности».

А. И. МОШКОВСКОМУ — 50 лет

Исполнилось 50 лет Анатолию Ивановичу Мошковскому. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе СП СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас с Вашим 50-летием. Ваши талантливые книги давно завоевали любовь наших юных читателей, воспитывают их благородными, трудолюбивыми, мужественными гражданами Советской страны. Ваши повести «Не опоздай к прилету», «Трава и солнце», «Дельфиний мыс», «Твоя Антарктида», «Лавина», «Семь дней чудес», «Река моя Ангара» и другие, полные высокой романтики поисков и открытий, переведены на многие языки в нашей стране и за рубежом.

От всей души желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

РЕПЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

Как научный работник, я всегда был сторонником достаточно узкой специализации ученых. Но вот недавно мне пришлось убедиться, что чрезмерно зауженная специализация в науке, во всяком случае в литературоведении, приносит горькие плоды.

В сборнике «Есенин и современность» (издательство «Современник», М., 1975) В. В. Базанов, комментируя стихи из письма Есенина к М. П. Бальзамовой «Сердце тоскою томится устало, Много в нем правды, да радости мало...», пишет:

«По-видимому, строки из несохранившегося стихотворения самого Есенина; эти же строки приведены Есениным в одном из писем к Г. А. Панфилову, причем первая строка читается несколько иначе: «Злобою сердце томится устало...»

Если бы уважаемый есениновед обратился за консультацией к своему коллеге некрасоведу, то легко обнаружил бы, что комментируемые строки являются искажением известных строк Некрасова (из поэмы «Саша»):

> Злобою сердце
> питаться устало —
> Много в ней правды,
> да радости мало...

(Кстати, в письмах своих Есенин очень часто цитирует по памяти стихи известных русских поэтов, нередко варьируя строки, но отнюдь не претендуя на авторство.)

А. РОЗЛОВСКИЙ
НОВОСИБИРСК

«У ХАРИТОНЬИ В ПЕРЕУЛКЕ»

До сих пор я и мои знакомые считали, что имя Харитоний мужского рода. Да что мы — сам А. С. Пушкин, а за ним все его издатели на протяжении полутора столетий разделяли эту точку зрения. Но вот Д. Золотов установил, что это имя женское! В очерке «Год зрелости» («Сибирские огни», № 6, 1974) он приводит строки из «Евгения Онегина» в своей собственной редакции:

> ...У Харитоньи в переулке
> Возок пред домом у ворот
> Остановился...

Встреться нам эта «Харитонья» однажды, мы бы сочли ее просто опечаткой. Но в тексте «Харитонья» повторяется трижды. К счастью, седьмая глава «Евгения Онегина» дальше не цитируется. Не то, пожалуй, нам бы пришлось услышать, что в домик у «Харитоньи в переулке» приехал Татьян Ларин.

Е. МУРАВЬЕВА
ЛЕНИНГРАД

ХУДОЖНИК И КНИГА

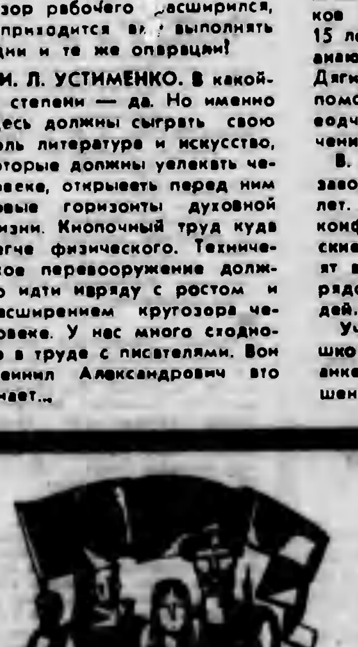


Иллюстрация художника В. Апухтина к лирическому сборнику Гафура Гуляма «Славлю партию». Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, 1974.

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЩИНА

Вяч. САВАТЕЕВ

«УСЛОВИЯ ИГРЫ»

Продолжаем разговор о художественности подлинной и художественности мнимой, начатый полемическими заметками Вл. Гусева «Дым без огня» («ЛГ», № 41, 1974).

Увы, литературщине все возрасты покорны.

Однако для молодых писателей она, пожалуй, особенно опасна.

При всем многообразии причин, ведущих к греху литературщины, для молодого писателя особое значение имеет, на наш взгляд, нехватка личного жизненного опыта, отсутствие ясного взгляда на изображаемые явления, что находит свое выражение в шаткости, нечеткости позиции писателя, авторской концепции произведения и, наконец, в недостаточном владении первоэлементом литературы — словом.

Нельзя не согласиться с утверждением Вл. Гусева: «Писатель, который не оригинален в стилистике, тем самым не оригинален во многом другом». Но не менее важной и актуальной нам представляется и обратная зависимость (а точнее — она-то и есть прямая!): писатель, который «неоригинален во многом другом» — и прежде всего в своем видении мира, в понимании сущности общественных отношений, человеческих характеров, конфликтов, своего времени, — едва ли способен выработать собственный, оригинальный почерк, свою стилистику.

Но что же такое, эта оригинальность, почему ее наличие или отсутствие столь важно для признания ценности художественного произведения?

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о такой оригинальности художественного видения и мышления, которая подразумевает умение проникать в глубину жизненных явлений, видеть и понимать их смысл и взаимосвязь, умение показать всю их диалектическую сложность и противоречивость без утраты при этом ясного взгляда на изображаемое, своего к нему отношения.

Отступление от этих принципов неизбежно приводит к литературщине — в самых различных ее проявлениях.

В рассказе Льва Абросимова «Обида» («Нева», № 1, 1975) трое рабочих — Изумрудов, Ляхов и Хохлов — увольняются с завода, на котором каждый из них проработал почти по двадцать лет. Они больше не хотят мириться с тем, что их уравнивают в оплате с начинающими. При этом, как утверждают сами герои, их обижает не столько материальная сторона дела, сколько, так сказать, моральная, престижная...

Намечен как будто важный, интересный конфликт. Однако по мере чтения рассказа возникают вопросы, остающиеся без ответа, и в результате создается ощущение заданности ситуации. Она не обеспечена психологически...

В самом деле, что же это за кадровые рабочие, так неожиданно «обиделившиеся» на беспорядки на своем заводе? Правда, автор дает нам понять, что его герои и раньше пытались бороться с устаревшими нормами. Но в чем же выражалась эта борьба и почему она не дала положительных результатов? Ведь достаточно оказалось чудодейственного вмешательства редактора заводской многотиражки Лютова, чтобы конфликт был исчерпан и справедливость восторжествовала. При этом выясняется, что на стороне рабочих стоят партком завода, главный энергетик, другие персонажи рассказа. Конфликт, таким образом, держится на том, что герои в свое время просто не дошли до нужных людей, а те не

СРЕДИ КНИГ

ПОЭЗИЯ:

- СБОРНИКИ ХАМИДА ГУЛЯМА И ФЕДОРА СУХОВА
- РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ТВОРЧЕСТВУ АЛЕКСАНДРА РЕШЕТОВА И КАЙСЫНА КУЛИЕВА

ЖАЖДА ЦЕЛЬНОСТИ

Стихотворный сборник Хамида Гуляма «Жажда» как бы подтверждает мысль о том, что для современной поэзии характерно широкое эмоциональное восприятие мира: от трепетного чувства первой любви до страстного утверждения красоты и героизма человека, обличения зла и насилия. Диапазон восприятия жизни, таким образом, становится одним из критериев значимости и цельности поэтического таланта.

Хамид Гулям. «Жажда». Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент. 1974. Переводы Константина Симонова, Риммы Казаковой.

Баллады «Последний мост», «Гвоздика», «Дым над хижиной», переведенные К. Симоновым, привлекают внимание резкой антиимпериалистической направленностью. В них звучат боль и гнев угнетенных народов Африки, борющихся за свободу и счастье. Мост, по которому колонизаторы «ушли домой», становится как бы памятником, повествующим о подневольном прошлом людей и радости настоящего:

Шофер Али согласен
со мной,
Что мост этот — лучший
мост под луной...
— Этот мост мне дорог, —
скажет араб.—
Как память о том,
что я больше не раб!

Баллады эти, можно сказать, стержень, центральный нерв книги. Близость поэтического темперамента переводчика авторскому обеспечила превосходное звучание этих произведений на русском языке. А строгий, трагический ритм «Дыма над хижиной» заставляет нас вспомнить о ранних балладах Н. Тихонова, в частности «Сами».

Узбекский поэт много путешествует, но это не туристские вояжи. В своих поездках он несет высокую миссию — полпреда многонациональной советской литературы, способствует укреплению контактов между нашими писателями и прогрессивными художниками других стран света. Свыше пятидесяти зарубежных государств посетил Х. Гулям. В прошлом году мы вместе с ним побывали в Перу, совершили поездку на север страны, на Амазонку, в индейские селения, где до недавней поры туземцев-лесорубов нещадно эксплуатировали перекупщики, наживавшие на этом целые состояния.

Х. Гулям вникал во все подробности быта и борьбы индейцев, расспрашивал взрослых, с какой-то особой нежностью говорил с малышами. И я чувствовал, что здесь, на берегах Амазонки, он снова встретился со своей темой. После этой поездки я особенно глубоко понял смысл одной из самых драматичных баллад Х. Гуляма «Дым над хижиной», посвященной пробуждению национального и социального самосознания угнетенных.

Хорошо написанные стихи еще не делают стихотворца поэтом. Быть поэтом — это значит иметь свой собственный взгляд на время. Значительной поэзия становится лишь тогда, когда автор, кроме художнического своеобразия, имеет и свою собственную гражданскую позицию. Чем талантливее выражает он ее средствами искусства, тем необходимей его творчество для современников.

Об этом говорят строки стихов Х. Гуляма:

Где коммунист —
там цельность и отвага,
размах мечты, взлет
небывалых сил.
Победный флаг
над куполом рейхстага
руками коммунистов
поднят был.
(Перевела Р. КАЗАКОВА)

Вместе с Х. Гулямом довелось путешествовать мне и по узбекской земле, входить в дома колхозников, склоняться над хлопковыми коробочками... И везде поэт восхищался человеком, переделывающим, украшающим землю.

Труд земледельца, бессонный, животворящий, для Х. Гуляма — высшее мерило нравственной ценности человека:

Эй, очнись, поэт!
Там учись писать,
как сеют тут,
а иначе смысла в этом нет.
(Перевела Р. КАЗАКОВА)

Большую часть стихов перевела в книге Р. Казакова. Она чутко уловила атмосферу, дух поэзии Х. Гуляма; видимо, сыграла свою роль и давняя дружба поэтессы с узбекской литературой — переводы Р. Казаковой давно и хорошо известны читателям.

В заключение не могу не сказать несколько слов о художнике, оформившем книгу, Н. Кириакиди. Он создал выразительные рисунки, передающие суть поэзии Х. Гуляма, живописный, эмоциональный ее характер.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ЗЕМЛЯНИКА НА СНЕГУ...

Но о ней, о землянике, я скажу несколько ниже...

А пока начну вот с чего. Федор Сухов и прежде, пожалуй, всегда привлекал задушевным чувством любви к природе. Да и трудно себе представить без ее облагораживающего обаяния русского поэта. Это, может быть, одна из самых отличительных черт нашего национального поэтического характера.

В книге поэта, вышедшей в издательстве «Современник», в ее названии «Светло красуйтесь» словно бы есть что-то и от заветного пожелания будущим поколениям, и одновременно это обращение к лесам, полям и рекам родной природы. Она стала его памятью и мечтой, всем, ради чего живет человек. Это ведь так современно, я бы даже сказал — злободневно — почувствовать, что природа — твоя праматерь, пробудить бережную нежность к ней, возненавидеть глухоту и слепоту к ее красоте, озаряющей человеческую душу. Может, именно потому так много вещает сегодняшняя строка поэта и требует вчувствоваться, вдуматься в нее, чтобы приоткрылось все, что стоит за нею.

Неисчерпаема, и во всем красота природы, и много говорит она у талантливого поэта о самом человеке, о его чувстве времени. Вот стихотворение об отце, который, что называется, был мастером на все руки, сельским кузнецом, умельцем, что больше всего ценилось в народе. Рассказывая, как отец выхаживал, спасал от стужи и жары яблони, поэт изумлен тем, как яблони в ответ на заботу человека «вечерние и утренние зори... сумели мудро приручить, перетворить их в яблоки».

В этом понимании чувствуется и традиция, и школа некрасовско-есенинская, твардовская. Помните у Твардовского — «Морозами неслыханной суровости пожгло... сады»? Но от того в стихах Ф. Сухова не убывает самобытности. Наоборот, он воспринимается как бы органичнее, ощущаешь его естественные корни.

Удивительна бывает живопись стихотворений Федора Сухова:

Золотая лихорадка
ранней осени,
С каждым днем она
все настоенней,
все зримее
Синевеет на лесном
угрюмом озере,
Мурашится в ежевичном
сладком инее.
А когда засеребрится
первый утренник,
Вся-то, вся она окаплится
испариной

Федор Сухов. «Светло красуйтесь». Стихи и поэма. Издательство «Современник». М. 1974.

На лесной ее,
на драгоценной утвари
Будто солнца уговорено.
убавно...

Всем пяти ощущениям здесь — предельная нагрузка.

Но что особенно задевает и все глубже тревожит — так это память войны, как бы ставшая совестью поэта. Она — сквозной мотив всей книги. В стихотворении «Давнему другу» вспомнил поэт о жестоких боях, как били по весне, по всему цветущему пули и снаряды, и в погибшем друге увидел как бы своего судью:

Казнил себя жестокой карой
За все минувшие грехи,
За строчку ту,
что не играла,
Мертво легла в мои стихи...

И снова является тот же друг с очищающей от всего наносного и суетного совестью на волгоградской набережной в поэме «Земляника на снегу». Поэма небольшая, но емкая по чувству и мыслям, на которые настраивают эти чувства. Задумался человек и вздрогнул, когда его погибший друг по-фронтовому просто и прямо взял его за руку, с мягкой, дружеской горечью (а это еще жесточе для совести) сказал, как «казнил взыскующим судом»: «Ушел, дескать, в ромашки, в кашки...» Но нет, не уходил он, потому-то и явился ему сам собою этот образ земляники на снегу и зеленого листка жизни, захлестнутого огнем и ледяной выогой тех сталинградских ночей, где решалась судьба Родины.

Шумят зеленые листья бессмертия над горячим алым цветением капель земляники на снегу. И апофеозом смысла Победы звучат строки о воскресшем в поэте друге:

Я правды жизни не нарушу,
Я говорю: обретший душу —
Иную обретает жизнь.
Он слышит воду,
слышит сушу,
Он слышит небо над собой,
И не свою — чужую душу,
Чужую ощущает боль...

Дмитрий КОВАЛЕВ

ПЕРЕКРЕСТКИ ТРАДИЦИЙ

Поэзия Кайсына Кулиева — крупное, самобытное явление нашей культуры. По справедливому замечанию Ст. Рассадина, автора первой книги о творчестве поэта, «...Кулиев — на перекрестке традиций. Его поэзию формировали русская классика, народная поэзия балкарцев и вообще горцев, наконец, великая культура Востока. Он — поле их взаимопроникновения».

Автор литературного портрета и показывает читателю, что это значит — оказаться на перекрестке традиций. Его задача — уловить постоянное при переменном, воспроизвести лирический характер Кулиева. Скажу сразу, что справился он с ней отлично. В работе Ст. Рассадина прежде всего привлекают последовательный историзм, та глубина художественной перспективы, когда творчество нашего современника ярко освещается светом прошлого и идеала. Переплавив в тигле своей души балкарский фольклор, лирику Кязима Мечиева, Навои и Лермонтова, Пушкина, Тютчева, герой книги предстает перед читателем как поэт сложных и разнонациональных влияний, но одновременно и глубоко национальный художник, постоянно сопрягающий личные мысли и чувства с нравственным кодексом и эмоциональной памятью своего народа. Портрет Кулиева искусно вписан в широкий историко-литературный фон, и оттого ясней и ярче мы постигаем кровную связь общечеловеческого и социалистического, интернационального и национального в его творчестве.

Ст. Рассадин. «Кайсын Кулиев. Литературный портрет». Издательство «Художественная литература». М. 1974.

Прекрасно владея искусством стихового анализа, критик постоянно сверяет кулиевскую поэзию с жизнью, с XX веком. Ровесник Октября, Кайсын Кулиев принял в свою судьбу величайшую из социальных революций, войну, унесшую миллионы человеческих жизней, пепел сожженных в Дахау и Треблинке. «В стихах Кулиева, — пишет критик, — трагическая причастность к миру, невозможность уйти от всего, что было с людьми в двадцатом веке». Отсюда высокий гуманистический пафос его поэзии, слитность в ней социального и человеческого, отсюда его поразительно обостренное чувство родства и братства с природой, где даже надгробный камень на могиле героя источает живые слезы.

«Жизнь — истина, но и смерть — тоже истина» — гласит балкарское изречение. Вечная тема мировой поэзии по-особому воплотилась в творчестве Кулиева. Ст. Рассадин убедительно и тонко раскрывает это своеобразие. Для Кулиева бессмертие природы — не напоминание о собственной временности, а духовная опора, в ней человек черпает силы и оптимизм. «Пантеизм» Кулиева, отрицающий «равнодушие природы», — одна из самых глубоких черт этой поэтической личности.

В главе «Вторая родина» критик отмечает, что Кулиеву «повезло в русском переводе». Его переводили сильные мастера, он сам с юности всегда тянулся к русской поэзии. Но не меньшее значение имеет и другое обстоятельство, точно схваченное автором: поэтика Кулиева не терпит аффектации, он по сути своей художник строгого, классического стиля.

Есть в книге и спорные, и неточные положения. Справедливости ради надо сказать, что они редки и возникают, как правило, там, где речь идет о предшественниках Кулиева в мировой лирике или об общих вопросах искусства. «Тютчев, как было сказано, шеллингианец...» — пишет, например, критик. Эта как бы сама собой разумеющаяся и категорически высказанная мысль нуждается в существенном уточнении, ибо лирика великого русского поэта воплощала в себе и резко противоположные шеллингову пантеизму мотивы; стало быть, без оговорок здесь не обойтись. В другом месте читаем о Хайяме: «Он с его страстью к уловлению противоречий и постижению их сути был одним из первых восточных диалектиков — во всяком случае, в поэзии». Если это так, то куда девать, скажем, диалектическую традицию древнекитайской лирики или образцы медитативной поэзии раннего китайского Ренессанса? Не очень уместна, на мой взгляд, и ссылка на фильм Лелюша «Мужчина и женщина» в качестве иллюстрации цвето-смысловых возможностей современного искусства. Особенно неубедительным кажется это упоминание о лирическом боевике французского режиссера рядом с извлечениями из Эйзенштейна и суждением о гравюрах Фаворского.

Мои педантичные придирки идут от желания вновь встретиться с книгой, в которой издержки, наподобие перечисленных, были бы устранены автором. Первая книга о поэзии Кайсына Кулиева быстро нашла читателей, и в магазинах ее уже не сыщешь. Она достойна своей темы, ибо раскрывает лирический характер замечательного советского поэта.

Евгений СИДОРОВ

ПОРТРЕТ, НАПИСАННЫЙ РУКОЮ ДРУГА

Середина 20-х годов. Ранняя молодость советской культуры. С особым чувством вспоминается это неповторимое время горячих споров, энтузиазма, увлеченного чтения стихов. В ту пору широкой известностью пользовался у рабочей молодежи журнал «Резец», собиравший вокруг себя тех, кто пробовал свои силы в литературе. И среди них запомнился мне смуглый, крепкого и ладного сложения паренек, слесарь одной из фабрик. Вскоре появились и первые его публикации на страницах «Резца». Это был Александр Решетов...

О сложном, порою нелегком, но всегда идейно целеустремленном творческом пути поэта очень обстоятельно и проникновенно рассказывает выпущенная недавно «Советским писателем» книга Н. Пантелеймонова. Автор назвал свой труд критико-биографическим очерком. Но с полным основанием он мог бы назвать его и психологическим портретом писателя, потому что исследование посвящено прежде всего раскрытию творческой личности, ее духовного роста в тесном соотношении с исторической атмосферой, питающей и формирующей этот рост. Поэзия Решетова точно отражала и личные особенности автора, и родственную связь его духовного мира с живыми, насущными задачами переживаемого времени. Слово не расходилось с делом, а весь творческий путь был подчинен идее высокой гражданственности. Опираясь на это основное положение, Н. Пантелеймонов и строит свое повествование, — именно повествование, потому что ведется живой рассказ о человеке, которого автор хорошо знал и с которым был дружески близок.

Н. Пантелеймонов. «Александр Решетов». Издательство «Советский писатель». Л. 1974.

Проходя по всем этапам творческого пути поэта, Н. Пантелеймонов для каждого из них отбирает достаточно выразительные факты. В этом ему помогают и сами стихи — они у А. Решетова носят сугубо автобиографический характер. Привлекается и немалое количество дополнительных сведений, извлеченных из критических откликов в печати, начиная с 30-х годов и до последних дней жизни поэта... Особый интерес представляют, разумеется, выписки из дневников и писем самого А. Решетова, его неопубликованные записи, статьи, выступления, собранные в книге с особой тщательностью и расположенные в хронологической последовательности.

Литературное наследие А. Решетова отмечено идейной значительностью, всегда проникнутой духом современности. Оно едино и в своем художественном методе, и в убежденном, последовательном пристрастии к традициям русского реалистического стиха. Поэт не мог избрать себе иной дороги, он не стремился к сугубо внешнему новаторству, к какой-либо стилистической усложненности. Н. Пантелеймонов приводит весьма характерное его высказывание: «В пору поэтической зрелости и подлинного мастерства поэты умеют писать просто, без лишнего украшательства, не способного заменить живого наблюдения, прочувствованной поэтической мысли».

Это суждение достаточно определяет стилистическую манеру А. Решетова. Он соизмерял ее с возможностями широкого круга читателей, стремился быть общепонятным и общепринятым. Простота и точность слова всегда оставались для него непререкаемым заветом искусства.

Говоря о литературном пути писателя, Н. Пантелеймонов приводит немало доказательств демократического строя его поэзии. Книга написана с горячим желанием воссоздать духовный мир нашего современника и соратника. Бесспорна и ее познавательная ценность. Творческий портрет дается на фоне общественных событий, в самой тесной связи с ними, и потому рассказ о жизни и деятельности А. Решетова воспринимается как живые страницы литературной истории за несколько плодотворных десятилетий.

Автор монографии поднимает немало вопросов, относящихся к общественной роли поэзии. Однако основная его цель — психологический портрет, а не скрупулезное литературоведческое и лингвистическое исследование. Конечно, можно было бы несколько дольше задержаться на фольклорных истоках лирики А. Решетова, соотнести ее с поэзией А. Прокофьева, М. Исаковского, Н. Рыленкова. Или сосредоточить внимание на чисто формальных особенностях решетовской лексики в связи с принципами реалистического стиха, на отношении поэта к классическому наследию. Но это могло бы увести далеко за пределы поставленной задачи, могло нарушить живость изложения, тон доверительной беседы.

Уже появляются монографические произведения, рассказывающие о жизни и деятельности ленинградских поэтов. Так, есть обстоятельное исследование Дм. Хренкова о Виссарионе Саянове, опубликован ряд интересных статей Дм. Молдавского о фольклорных основах поэзии Александра Прокофьева.... Книга Н. Пантелеймонова о творческой жизни Александра Решетова естественно входит в этот, столь нужный нашему читателю круг работ.

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ИЛИ ЧЕТКОСТЬ КРИТЕРИЕВ?

знали о проблемах, которые давно волнуют рабочих. Но ведь это чисто литературные условия «игры», не имеющие ничего общего с реальной сложностью и многообразием жизненных коллизий. Конфликт оказался словно взятым напрокат.

Плоскостному, схематическому изображению конфликта в рассказе под стать одолинейность, одноцветность его героев. Вот весь, от головы до пят, отрицательный начальник цеха Цепков: допотопный ретроград, словно сошедший со страниц сатирических рассказов давних лет. Лишенный живых черт, образ-штамп, скучный, неинтересный. Отсюда и неоригинальность авторских характеристик: начальник «перевел свой тяжелый взгляд», «бесцеремонно перебил», «высокомерно посмотрел», «грозно повысил голос», сказал «веское, как что-то неоспоримое» и т. д. и т. п.

Несколько многозначнее задуман образ предцехкома, но эволюция его характера иллюстрируется чрезвычайно упрощенно: до выбора на должность предцехкома Ергин подменял дежурных монтеров в ночную смену, теперь же работает только в дневную. Понимай так: зачерствел, оторвался от масс.

Этаким бесстрашным Дон Кихотом изображен в рассказе редактор заводской многотиражки Лютов. Он отважно бросается в бой за справедливость и довольно быстро добивается победы. Естественно наше желание понять, что же это за человек, в чем его сила? Но то, что мы узнаем об этом персонаже, выглядит крайне скупо, обще и неубедительно. Ну, например, много ли объясняет аттестация: «У него среди рабочих какой-то особый, личный авторитет» (а каким еще может быть авторитет?). И уж вовсе курьезно такое умозаключение: «с виду простоват, но (?) очень настойчив». Согласитесь, всего этого явно недостаточно, чтобы хоть в какой-то мере считать образ героя открытием.

Неожиданным и по-своему интригующим оказывается окончательное решение одного из трех рабочих, Хохлова: несмотря на то, что требования об изменении старых норм оплаты удовлетворяются, он все же уходит с завода. Этот сюжетный ход интересен тем, что он позволяет по-иному взглянуть как на конфликтную ситуацию рассказа в целом, так и на образ самого Хохлова... Но и здесь все остается недоговоренным, в который раз приходится признавать. Что материала, «пищи» для раздумий читателя снова крайне недостаточно. Что означает уход Хохлова — осуждение или намек на какие-то загадочные обстоятельства, оставшиеся за пределами рассказа?

Нас не может не радовать стремление многих молодых писателей исследовать и изображать в своих произведениях существенные, характерные процессы, происходящие в нашем обществе, создавать образы таких героев, которые как можно полнее и ярче воплотили бы в себе дух времени, лучшие черты советского человека. В этом в немалой степени проявляются гражданская зрелость молодого литератора, его умение правильно определить направление своего творческого поиска.

Однако необходимо помнить, что чем ответственнее задача, которую ставит перед собой писатель, тем выше требования, предъявляемые к нему читателем.

Вот почему особо строгий счет огрехов приходится вести в том случае, когда они встречаются в произведениях, в целом интересных, своеобразных, как говорят, состоявшихся.

Именно таким произведением представляется нам роман Ивана Григурко «Канал» («Молодая гвардия», №№ 1—2, 1974), справедливо получивший доброжелательную оценку критики.

Автор ставит перед собой задачу показать, как одновременно с профессиональным мастерством растет духовный мир молодых наших современников.

В романе поэтизируется коллективный труд, его благотворное влияние на личность человека. Для творческой манеры Григурко характерны мягкий лиризм, романтическая приподнятость авторской интонации, взволнованность. Своеобразна и композиция романа. Он построен так, что позволяет всесторонне осветить судьбы героев, показать преемственность героики дня сегодняшнего и вчерашнего...

Вместе с тем в романе «Канал» есть и просчеты. О некоторых из них автор этих строк уже писал. Укажем еще на один из них, на наш взгляд, достаточно характерный именно для данного аспекта разговора.

Герои Григурко много и охотно размышляют, и это, конечно, позволяет нам приобщиться к их внутреннему миру. Однако плохо, что порой эти размышления звучат ненатурально, не в меру затянуты, описательны по своему характеру, лишены внутренней напряженности мысли. Один пример:

«Сколько в жизни говорится слов о любви! Если в на каждое слово приходился лишь микрон действительности, то мир захлестнула бы эпидемия любви. Хорошо, что любовь держится не словами... А что, как правда обернуться и поцеловать эту славную девушку? Губы у нее, должно быть, горячие и соленые, руками она упрется в мою грудь, но как раз настолько, что поцелуй получится короткий и жаркий, глаза ее на миг затуманятся от обиды, но сквозь влажную пелену засветится пьянящий блеск пробуждения женщины...». Высокий, патетический зачин периода («микрон действительности», «эпидемия любви») довольно неожиданно сменяется в воображении героя (и у автора) описанием «короткого и жаркого» поцелуя, «затуманенных глаз» и — это уже вполне закономерно — завершается пошловатой «влажной пеленой» и «пьянящим блеском пробуждения женщины» (?). Только начинавший создаваться образ тут же разрушается — такова логика стилистической невыдержанности, недисциплинированности.

Может быть, наиболее трудная задача для писателя — показать своего героя в процессе нравственного и гражданского становления либо существенной перестройки его представлений о жизни, человеческих отношениях. И тут решающее значение в умении правильно соотнести свои жизненные наблюдения, правду факта с правдой большого, подлинного искусства.

Ведь не секрет, что порой, при всем внешнем правдоподобии, «узнаваемости» изображенного в том или ином произведении, у читателя остается ощущение утраты самого главного — понимания автором смысла, сущности сложных явлений жизни, их взаимосвязи. Это дает себя знать прежде всего в отсутствии общей объединяющей мысли автора, продуманной концепции произведения, что в свою очередь приводит к фрагментарности, незавершенности сюжетных линий, в вольном или невольном следовании теории и практике «жизненного потока»...

Сказанное, на ваш взгляд, имеет прямое отношение к тем просчетам, которые серьезно вредят повести Олега Ждана «В гостях и дома» («Дружба народов», № 12, 1973). Она посвящена людям тяжелого физического труда — грузчикам, среди которых немало женщин. В ней есть целый ряд верных наблюдений над бытом и трудом героев, живые сцены, диалоги.

Однако в целом произведение О. Ждана удачей не назовешь. И прежде всего потому, что автору не удалось правдиво запечатлеть духовный мир «маленьких людей», показать подлинный смысл и значение «великой их работы», по выражению Горького.

Большинство персонажей носят зарисовочный характер, причем «зарисовки» сделаны, по сути, в одной и той же тональности, в однообразных, серых красках, утомляющих читательское внимание.

О центральном герое — Григории — мы узнаем больше, чем о других: мы знакомимся с ним не только «дома» — в городе, на заводе, но и «в гостях» — в деревне, у своих, на отдыхе. Однако далеко не все здесь «работает» на образ. Многое представляется случайным, необязательным, «расщепляет» образ, мешает цельности восприятия.

Григорий болен, ему явно не по силам работать грузчиком. «Деталь, которую ему надо грузить в этот рейс, называется головкой блока, каждая пятьдесят пять килограммов, и Гриша хитрит: подтянет крючком, а потом раз на ногу, на колено, животом ее, смотришь, лежит». Что и говорить: работа — не сахар. Как выясняется, в годы войны Григорий попал в фашистский концлагерь. Был там искалечен, едва остался жив.

Дальше — больше: оказывается, герой не может избавиться от ощущения того, что он прожил «случайную, чужую жизнь».

И в довершение всего Григория едва не придавило пятитонной бадьей — он попадает в больницу.

Цепь жестоких, бессмысленных случайностей, которые нагнетаются в повести и в результате которых калечится и тело, и душа героя, — таков, по существу, итог его жизни. Итог, надо признаться, не очень утешительный. Но хуже всего, что ни герой, ни автор не пытаются сколько-нибудь изменить его. Больше того, сам Григорий считает, что жизнь его сложилась не хуже, чем у других... «Все в чем-то разочаровались, в чем-то нашли утешение»,— рассуждает он. Характерно и еще одно его убеждение: «каков ни есть человек, нельзя говорить, что плох, от слов лучше не станет». Эта жизненная позиция, безусловно, нуждается в авторской коррекции. Однако в повести нет сколько-нибудь четкой оценки социальной пассивности героя. Правда, есть попытка объяснить сущность характера Григория, а также других рабочих-грузчиков их «переходным состоянием»: по их собственному признанию, деревню они забыли, а города не поняли. Все двадцать лет своей жизни и работы в городе Григорий мечтает о деревне. Многие лучшие, светлые, радостные минуты связаны у него с пребыванием в деревне.

При всей важности и серьезности проблемы, затронутой автором, ставится и решается она довольно схематично, прямолинейно. Читатель не находит сколько-нибудь глубокой социальной и психологической мотивировки феномена «чужой», «случайной» жизни, прожитой героем.

«Что-то все-таки изменилось за эти годы»,— замечает Григорий. Однако это «что-то» так и остается загадочной «вещью в себе», о сущности и значении которой имеет смутное представление не только герой повести, но и, судя по всему, в немалой степени и сам автор.

...Борьба с различными формами и проявлениями литературщины — это в конечном счете борьба за идейно-художественное богатство и многообразие советской литературы.

У СЛОВАРНЫХ БОГАТСТВ

Члены-корреспонденты АН СССР С. БАРХУДАРОВ и Ф. ФИЛИН отвечают на вопросы «ЛГ»

Вышел из печати первый выпуск Словаря русского языка XI — XVII веков. Осуществление издания, готовившегося на протяжении десятков лет, является событием большого культурного значения. Наш корреспондент А. ЛАТЫНИНА обратилась к главному редактору Словаря русского языка XI—XVII веков, члену-корреспонденту АН СССР, лауреату Ленинской премии С. Г. БАРХУДАРОВУ и директору Института русского языка, члену-корреспонденту АН СССР, лауреату Ленинской премии Ф. П. ФИЛИНУ с просьбой ответить на ряд вопросов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я не лингвист, но жизни без словарей не мыслю. Как, впрочем, и очень многие люди. Сошлюсь хотя бы на то огромное количество писем, которое получает наша газета от читателей, интересующихся самыми разнообразными проблемами русского языка. Иные обнаруживают прекрасное знакомство со словарями, разбираются в их достоинствах и недостатках, читают труды лингвистов — популярные работы, будучи по своей основной профессии весьма далеки от языкознания и филологии в целом. Так вот — от имени тех читателей, которые не являются профессионалами в узком смысле слова, однако возьмут в руки вышедший том Словаря русского языка XI—XVII веков и будут читать его с интересом, мне и хотелось бы задать несколько вопросов.

И прежде всего: какое место занимает словарь, первый выпуск которого увидел ныне свет, в ряду других словарей, созданных лингвистами за последние годы? Или возьмем шире (ибо работа над словарями идет медленно) — за последние десятилетия?

Ф. ФИЛИН. Я сказал бы так: Словарь русского языка XI—XVII веков заполнит огромный пробел в нашей лексикографии. Вернее — часть пробела, если так позволительно будет выразиться.

Вот вы говорили о том, что не представляете себе жизни без словарей. И я не представляю.

А знаете ли вы, сколько создано за последние полвека словарей русского языка?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Думаю, не менее сотни. Если, конечно, брать словари разного типа: толковые, фразеологические, орфографические, терминологические.

Ф. ФИЛИН. Не менее тысячи. Разного назначения, разного объема. Начиная с карманных и кончая многотомными. (Я включаю в это число, разумеется, и словари специального назначения, и словари русско-иноязычные и иноязычно-русские.) Трудно переоценить огромное практическое значение словарей. Никто не может держать в своей памяти громадного количества слов, их значений, особенностей их употребления, имеющихся в языке. В самом большом словаре — академическом семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка (кстати, начинается подготовка к его переизданию) зарегистрировано и объяснено свыше ста двадцати тысяч слов. А узкоспециальных терминов, обозначающих особенности производства, науки, культуры и других областей человеческой деятельности, насчитываются миллионы, и сосчитать их хотя бы с относительной точностью невозможно.

Словари имеют не только практическое значение. Огромна их познавательная роль. Великий русский язык сам по себе достоин самого пристального внимания, является замечательным предметом наблюдений и исследований. Его неиссякаемое словарное богатство складывалось в течение многих столетий. Но если лексика современного русского языка нашла свое многообразное описание в словарях, то историческая лексикография у нас серьезно отставала.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы имеете в виду, говоря об отставании, требования современной науки?

Ф. ФИЛИН. Нужды и требования современной науки и культуры. Вам вот, например, приходилось читать древнерусские тексты?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мало. В основном — в студенческие годы.

Ф. ФИЛИН. А если встречались незнакомые слова?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Тогда приходилось открывать словарь Срезневского.

Ф. ФИЛИН. Вот-вот. Единственный и незаменимый в своем роде словарь. Настольная книга филологов, историков, ученых многих других дисциплин. Академик И. И. Срезневский был замечательным ученым, созданный им словарь — плод сорокалетней кропотливой работы. Около 2700 памятников русской письменности использовал ученый, подготавливая материалы для древнерусского словаря, который, напомню, и был издан после смерти его (в 1893—1912 годах) под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». И все же при всех своих высоких качествах это пособие далеко не удовлетворяет современным требованиям. В нем представлена в основном лексика письменности XI—XIV веков, да и то с большими пробелами.

Между тем наука настоятельно выдвигает задачу описания словарного состава русского языка, причем всех его ответвлений с самого начала и до наших дней.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь большая часть слов в русском языке возникла еще в дописьменный период. А лексикографы, насколько я понимаю, опираются на письменные источники. Отдельные слова можно реконструировать методами сравнительного языкознания. Но как описать весь словарный состав русского языка с самого начала? Неужели эта задача осуществима?

Ф. ФИЛИН. Не просто, но осуществима. Более того — осуществляется.

Несколько месяцев назад вышел в свет первый выпуск Этимологического словаря славянских языков под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева (печатается второй выпуск, подготовлены к печати еще два выпуска). Словарь этот замечателен тем, что в нем впервые в науке делается попытка восстановить словарный состав праславянского языка во всем его объеме. Это и есть самое начало лексики русского языка.

Древнерусский язык, вместе с его славянскими сородичами, образовался при распаде праславянского. В X веке он становится письменным. К сожалению, подлинные связные тексты дошли до нас только от XI столетия. В это время идет бурный рост лексики. В лексическом составе языка отражается многовековая жизнь народа. Как же не изучать, не исследовать ее?

Вот здесь мы вплотную и подходим к основной теме сегодняшней беседы — задачам Словаря русского языка XI—XVII веков. И тут я передаю слово ответственному редактору словаря, с 1952 года возглавляющему коллектив ученых, работающих над ним, Степану Григорьевичу Бархударову.

С. БАРХУДАРОВ. Прежде всего я должен сказать, что работа над словарем началась не с 1952 года, а полвека назад. Словарь — плод работы поколений ученых, выдающихся исследователей.

Саму идею словаря высказал в 1925 году известный языковед академик Соболевский, он же положил начало и картотеке.

В ее создании принимали участие такие выдающиеся ученые, как М. Н. Сперанский, возглавивший работу над словарем после смерти А. И. Соболевского (1929); замечательный советский ученый-языковед Б. А. Ларин, под чьим руководством осуществлялась работа над словарем с 1937 года. (Именно разработанный Б. А. Лариным тип словаря и лег в основу нашего.)

В настоящее время картотека, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР, является уникальным собранием лексики русского языка.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А каков же объем картотеки?

С. БАРХУДАРОВ. Полтора миллиона карточек. Замечу, что для картотеки, претендующей охватить основную лексику русской письменности за 700 лет непрерывного развития, это немного. Подобный материал недостаточен для того, чтобы показать лексику в строгой системе, показать закономерность словоупотребления в разных жанрах письменности, движение грамматических явлений, описать стилистические факты языка и т. п.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какую же задачу тогда ставит перед собой словарь?

С. БАРХУДАРОВ. Главным образом одну — но центральную и самую важную: дать читателю древнерусских и средневековых памятников практическое руководство, помогающее правильно понять содержание текста.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, его можно рассматривать как своего рода двуязычный словарь, дающий перевод и толкование слова?

С. БАРХУДАРОВ. Пожалуй, так.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не слишком ли скромно вы оцениваете значение словаря? Разве сами по себе определения значений слов, иллюстрации в виде цитат не раскрывают перед читателем особенностей духа русского народа, его облик, жизненный уклад?

Вот я наугад раскрываю словарь. «АМАГИЛ». Я не знаю этого слова. Но вот объяснение: «Фляжка, которую носили на перевязи». А вот и иллюстрация: «Да бьет челом государю Алея царевича сын ...чтоб его государь пожаловал велел дать: амагил серебряной, шубу, однорядку, кафтан, охабень». Разве только перевод слова дал словарь, разве читатель здесь не ощутит неповторимую печать времени, лежащую на нем?

С. БАРХУДАРОВ. Разумеется, словарь дает возможность [illegible] очень важных наблюдений [illegible] лексикой русского языка. Мы можем, например, проследить по нему судьбу ряда слов. Многие [illegible] вообще не дожили до наших дней, исчезнув вместе с реалиями, обычаями, понятиями, которые они выражали. Например, «аркобуз» — ручное огнестрельное оружие. Другие — сохранились, но имеют в русском языке иное значение, употребляются в другом словесном окружении. Например, слово «бедно» имело и такие значения: трудно, с трудом, мучительно и, наконец, вредно, недопустимо. В словаре приводится такой пример, иллюстрирующий последнее значение слова: «Чернцем же с женами овчитися и беседы с ними творити, бедно есть», то есть запрещено, недопустимо. Кстати, и слово «беседа» имело многие не свойственные современному языку значения. В частности, беседа — это язык, наречие, другое значение слова: собрание, общество, беседою назывались палатка, шатер и даже скамья.

Наконец, есть третья группа слов, сохранявшая в современном языке то же значение, что и в древнерусском. Они приводятся в словаре, иллюстрируются примерами, но переводить их нет надобности; это и есть центральное ядро словаря и центральное ядро лексики русского языка. Сюда мы отнесем такие слова, как «лес», «лето», «весна», «зло», «добро» и т. п.

Словарь не только поясняет значение, но и дает представление о хронологических рамках употребления слова. Как правило, значение слова иллюстрируется двумя цитатами, из которых первая — по возможности ранняя, вторая — поздняя. Каждая цитата сопровождается ссылкой на датированный источник (Указатель источников Словаря русского языка XI—XVII веков вышел отдельной книгой одновременно с первым выпуском словаря, он составлен С. Ф. Геккер при участии Г. Я. Романовой).

Так что, как видите, функции словаря многообразны, но все же словарь задуман как общедоступное справочное пособие при чтении памятников русской письменности XI—XVII веков.

Ф. ФИЛИН. Я хотел бы подчеркнуть важность этой задачи, выполняемой словарем. Тот, кто не знает своего прошлого, духовно обедняет себя. Бывает, что прошлое это рядом с нами. В русской классической литературе XIX—XX веков нередко используются архаизмы, которые когда-то были обычными словами. «Волхв», «гать», «вещий» и многие другие слова — всем ли доступен их емкий смысл, без понимания которого тускнеют краски замечательных произведений русской поэзии и прозы? Мне не так уж редко приходится встречаться с людьми, которые не знают даже элементарных значений такого рода архаизмов. Однажды после просмотра фильма «Месть волхвов» я наблюдал среди части публики недоумение: «Почему фильм так назван, ведь никаких волков не показывали?» (то есть слово «волхв» осталось непонятным, его смешали со словом «волк»). Поневоле вспоминается анекдотический случай, когда студент-филолог, встретившись в тексте со словом «епископ», ответил: «Я знаю, что такое микроскоп и телескоп, а что такое епископ, не знаю». Плохое знание древнерусского языка, бывает, подводит и тех, кому хорошо знать его просто положено. В одном из исторических романов уважаемого писателя мне пришлось прочитать: «Боярин приказал подать на стол расписные брашна». Но «брашно» — пища, яства, снедь, съестные припасы, а отнюдь не посуда!

Словом, Словарь русского языка XI—XVII веков имеет большое общекультурное, общенациональное значение, не говоря уже о том, что для филологов и историков он нужен как воздух.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, с выходом в свет Словаря русского языка XI—XVII веков пробелы в нашей исторической лексикографии будут полностью ликвидированы?

Ф. ФИЛИН. Не совсем. Был еще и XVIII век, весьма важный для истории нашей речи. Здесь русская лексикография также имеет пробел. Знаменитый академический словарь 1789—1794 годов и другие словари того времени включают в себя лишь часть словарного состава языка богатейшей письменности XVIII века. Теперь этот пробел ликвидируется: группа ленинградских лексикографов под руководством профессора Ю. Сорокина подготавливает Словарь русского языка XVIII века, первый том которого недавно утвержден к печати.

Кроме того, более чем наполовину составлен капитальный Словарь древнерусского языка XI—XVII веков (главный редактор Р. И. Аванесов), который заменит собою словарь Срезневского. (В Словаре русского языка XI—XVII веков, с которого началась наша беседа, представлена прежде всего лексика XV—XVII вв.).

Имеется и еще одна очень важная отрасль лексики — словарный состав народных говоров, не вошедший в литературный язык. Как известно, областнические слова широко представлены в знаменитом словаре В. И. Даля. Однако после Даля собраны (и собираются) новые огромные материалы. Сводятся они (включая и далевские запасы) в капитальном академическом Словаре русских народных говоров (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сороколетов), десять выпусков которого (буквы А — З) уже вышли в свет. В этом словаре будет помещено не менее 150—200 тысяч слов, употребляемых только в определенных местностях. Лексика народных говоров была важным источником обогащения литературного языка, в ней отразилась многовековая неписаная история русского народа.

Когда будут завершены названные здесь лексикографические предприятия, в распоряжении ученых и всего общества окажутся все основные словарные богатства русского языка на протяжении всей его истории, начиная от его праславянских истоков и кончая нашим временем. Выполнение такой грандиозной задачи оказалось по плечу только теперь, в эпоху расцвета советской лексикографии. Жаль лишь, что тиражи академических словарей слишком малы и печатаются эти словари очень медленно.

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Письмо в редакцию

«ЗАДЕЙСТВОВАЛИ ИГРОК НЕ СОВСЕМ ХОРОШЕЙ КОНДИЦИИ»

— Ну, что ты делаешь? Отпусти наконец одеяло! Не тяни его на себя.

Так и есть: опять семейная сцена... стихийный раздел имущества...

Ничуть не бывало. «Тянуть одеяло на себя» в разговоре между актерами означает — форсировать роль, заслоняя коллег, разрушая замысел спектакля. А можно, оказывается, играть «вполноги» и даже «подкармливать зрителя».

Многолик, причудлив, изощрен и обманчив мир профессиональных речений. Воображение непосвященных пасует перед лихостью газетчика, который «рубит хвост», или находчивостью студента, сдающего «хвосты», перед сноровкой машинистки, печатающей материал «на собаке» (попросту — на особом бланке), или военного, который «блокирует директрису» (на самом деле — перекрывает цель при перестрелке).

Зато коллеги понимают друг друга с полуслова. И ради такого понимания, ради общения накоротке метеорологи уравняют праздничный новогодний снегопад и мерзкий осенний дождичек (осадки), снайперы лишат царственного величия бьющее в глаза солнце (подсветка), а птицеловы бесконечно раздробят соловьиное пение (пульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, юлиная стукотня, почин и т. д.).

Но один человек, [illegible] голосе постоянно [illegible] разнообразные речевые потоки. Писатели [illegible] пользуются [illegible] различных речевых пластов для характеристики героя. Но всегда ли [illegible] вторгаются в общенародный язык слова из профессиональных жаргонов, вытесняя литературные и зачастую уродуя, а не обогащая нашу речь?

Совсем недавно я услышал, как один из выступающих по телевизору строителей сказал, что они предполагают «задействовать» несколько объектов в нынешнем году. Что за слово «задействовать»? Есть глагол «действовать», но он никогда не был переходным. Можно «действовать», но нельзя «действовать что-либо». Слово «задействовать» пришло к нам, по-видимому, из специфически-профессионального языка военных. Оно широко употребляется, например, в пользующемся большим успехом романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого...», однако всегда в специальных документах или как средство характеристики персонажей. Я далек от восторга перед этим словом, хотя в романе Богомолова оно не вызывает внутреннего протеста.

Но страшно подумать, что учителя на уроках «задействуют» наглядные пособия, жильцы не заселяют, а «задействуют» дома, а про актера напишут, что он не занят в спектакле, а «задействован».

Выражение «довести до кондиции» пришло в общенародный язык также из профессионального языка. Кондиция — это качество, которому должен соответствовать тот или иной товар. Если винодел напишет, скажем, в официальной справке, что вино соответствует кондиции, — это будет означать, что оно отвечает определенным нормам, требованиям, ему предъявляемым. Не знаю точно когда, но — по-моему, после фильма «Бриллиантовая рука» — началось победоносное шествие словосочетания «дошел до кондиции» в приложении к человеку. Поначалу выражение носило иронический характер, [illegible] вполне [illegible]ным. Но вот в последнее время журналисты, как мне кажется, утратив чувство юмора, стали употреблять его совершенно серьезно. То бишь «задействовали». «Игрок не совсем хорошей кондиции», — такое выражение услышал я недавно в спортивном репортаже. Означало оно, что игрок не в форме.

До недавнего времени слово «прописка» существовало в литературном языке лишь в значении: официальная регистрация факта проживания, оформление документа на право проживания (цитирую Академический словарь русского языка). Ныне же «прописывают» не только паспорта. Получают прописку овощи и фрукты (на прилавках магазинов), новые виды спорта (на соревнованиях), деревья и цветы (на улицах города) и даже звери в зоопарках. «В многообразном мире увлечений [illegible] «получил прописку» новый любительский клуб», — прочел я недавно в одной из газет.

Круг понятий, связанных со словом «прописка», как видим, все расширяется.

Не знаю, как [illegible] в наш язык такие гибриды, как «подробно остановиться», «быть на высоте момента», «габаритные размеры», «рекламировать [illegible]», но встречаются они в прессе нередко. И [illegible] не свободна от них и «Литературная газета».

А что означает словосочетание «страновые обзоры», обнаруженное мною в журнальной статье? Обзоры по странам? Но почему бы так и не сказать?

Терминология — дело специалистов. Пусть о ней и договариваются. Но если она выходит за пределы узкопрофессиональной сферы, встает вопрос о совместимости нововведений с общенародным языком. И тут возникает повод для вмешательства со стороны всех, кому дорога чистота русского языка. Вмешательства — не всегда бесполезного. Напомню, что несколько лет назад было широко распространено выражение «мертвый час» (в детских садах, больницах, санаториях, пионерских лагерях). Теперь мы говорим «тихий час», и, право же, от этой замены все только выиграли.

Вот я и думаю: не могла бы «Литературная газета» обратиться к работникам печати, радио, телевидения с призывом: прежде чем вводить в широкий обиход новое слово, подумайте — хорошо ли оно, обогащает язык или портит, уродует его?

И если нет твердой уверенности в том, что новое это слово необходимо, — остерегитесь!

[illegible], учитель

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. М. КИСЕЛЕВУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе, Совет по драматургии театра, кино и телевидения и Совет по критике и литературоведению направили Иосифу Михайловичу Киселеву приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного критика, активного участника Великой Отечественной войны, с семидесятилетием со дня рождения.

Около полувека трудитесь Вы в литературе. Начав творческую работу в поэзии, Вы создали ряд сборников стихов и поэтических переводов («Интервью», «Ступени», «Огни», «Слово предоставляется Украине»). Вашему перу принадлежит большое количество статей, опубликованных в республиканской и центральной периодике, и около двадцати книг, посвященных актуальным проблемам украинской драматургии, поэзии и прозы в их тесной взаимосвязи с русской, белорусской и другими литературами народов СССР. Тепло встречены читателями и литературной общественностью Ваши книги «Конфликты и характеры», «Драматурги Украины», «[illegible]», «Герой и обстоятельства», «Величественный образ» (Лениниана украинской драматургии), «Герой и время», в которых Вы разрабатываете важные идейно-творческие проблемы.

Писатель-коммунист, Вы постоянно сочетаете свою творческую работу с активной общественной деятельностью в писательской организации, много внимания уделяете воспитанию молодой литературной смены.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого личного счастья».

Н. С. ДЕДУШКИНУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет писателю Николаю Степановичу Дедушкину. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветственную телеграмму:

«Сердечно поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения и сороколетием Вашей научно-педагогической и литературной деятельности. Участник Великой Отечественной войны, Вы прошли славный путь от рядового бойца до полковника Советской Армии. Созданные Вами книги «Чувашская литература периода Великой Отечественной войны», «Народный поэт Чувашии Александр Алга», «Писатель-солдат», ряд литературоведческих статей представляют заметный вклад в советское литературоведение. Свою творческую научную деятельность Вы совмещаете с большой партийной и общественной работой, [illegible] лет председателем правления Союза писателей Чувашии, секретарем правления Союза писателей РСФСР, членом Чувашского обкома КПСС и депутатом Верховного Совета Чувашской АССР.

От души желаем Вам долгих лет жизни и неиссякаемой творческой энергии, новых успехов в Вашей разносторонней деятельности».

Е. П. НЕЧАЕВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Евгения Павловича Нечаева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Знаменательно, что Ваше 60-летие совпадает с 30-летием Победы над германским фашизмом. Писатель-фронтовик, восемнадцать лет отдавший службе в рядах Советской Армии, Вы были с начала и до конца Великой Отечественной войны в артиллерийских частях действующих фронтов и заслуженно награждены двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, боевыми медалями.

Ваши книги — о тех, кто защищает Родину, и они имеют своего активного читателя.

Желаем Вам крепкого гвардейского здоровья и больших новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

• • •

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

АРХИВ «ЛГ»

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

АВТОБИОГРАФИЯ

Осенью 1975 года исполняется сто лет со дня рождения выдающегося советского писателя, академика Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958). Газета «Літературна Україна» недавно опубликовала «Автобиографию», написанную Сергеевым-Ценским в последние годы его жизни в Крыму и хранящуюся в личном архиве писателя. Сегодня мы знакомим с «Автобиографией» С. Н. Сергеева-Ценского и читателей «Литературной газеты» (на русском языке публикуется впервые).

Поскольку отец мой был сельским учителем, я уже в пятилетнем возрасте умел читать, а в семь лет начал писать стихи. К этому времени отец перешел на службу в Тамбов, где получил небольшую должность в земстве, и первоначально я учился в Тамбове. Но ранняя смерть отца и матери, вследствие чего я остался совершенно без всякой поддержки, заставила меня бросить мысль об университете и попытаться поступить на казенный счет в учительский институт. В те времена — в девяностых годах прошлого века — педагогических институтов совсем не было, а учительских было только девять на всю Россию: в Петербурге, Москве, Казани, Томске, Тифлисе, Вильне, Белгороде, Феодосии и Глухове. Выдержав конкурсный экзамен, я поступил на казенный счет в Глуховский (Киевского учебного округа) институт в 1892 году и через три года окончил его первым по успехам, с медалью.

Мне было тогда девятнадцать лет, и я оказался самым младшим из всего выпуска. Управлением Киевского учебного округа я был назначен на должность учителя русского языка в Каменец-Подольск. Вследствие обилия ученических тетрадей должность эта отнимала все мое время, и через год я перешел на гораздо более легкую — преподавателя истории и географии в г. Купянск (Харьковского учебного округа).

В 1898 году поступил в Харьковский университет на юридический факультет, но когда этот университет вследствие студенческих «беспорядков» временно прикрыли (в 1899 г.), поступил снова учителем, только уже в г. Спасск Рязанской губ. (Московского учебного округа). Здесь я преподавал естествознание, а через год перешел в Одесский округ, в г. Павлоград на должность учителя физики, причем преподавал физику и в старших классах женской гимназии. Здесь, между прочим, я издал первую свою книгу — «Думы и грезы» — сборник стихов, писанных до поступления в институт, то есть до 16 лет. Это было в 1901 г., а печататься как прозаик начал я в 1898 г. В 1902 г. московский толстый журнал «Русская мысль» напечатал мой рассказ «Тундра», после чего меня начали печатать и другие журналы: «Образование», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Журнал для всех» и пр. Тем временем из Московского учебного округа, в который я снова попал из Одесского, я перевелся в Рижский, в г. Тальсен (ныне Талси). Наконец, только уже в 1905 г., будучи снова учителем в Одесском округе, я вышел в отставку, чтобы целиком отдаться деятельности писателя — художника слова.

Для этого я осел в Крыму, где близ Алушты купил участок пустой земли на горе и построил небольшую дачу, как свою писательскую мастерскую. Частая перемена учительских мест, а также

каждолетние путешествия по России были мне необходимы: я собрал благодаря этому очень большой материал для своей работы.

Первым писателем, которого я увидел, был А. Куприн: он приехал ко мне в Алушту познакомиться с тем, кого печатал в своем журнале «Современный мир». Он убедил меня появиться в Петербурге, чтобы издать там свои произведения, из которых могло бы, по его словам, выйти три тома. Это я сделал в том же году осенью, а в следующем, 1907 г., вышел 1-й том моих рассказов, и в альманахе «Шиповник» появилась моя повесть «Лесная топь», создавшая мне крупное имя в художественной литературе. Еще больший успех имели в ближайшие за тем годы мои поэмы в прозе: «Печаль полей», «Движения», «Улыбки», «Неторопливое солнце», «Недра», «Медвежонок», «Преображение» («Валя»). «Преображение» печаталось в Петербурге в журнале «Северные записки» в 1914 г. Оно должно было начать собою серию романов под этим общим названием, но эту работу оборвала 1-я мировая война: в июле я был мобилизован и попал в ополченческую дружину в Севастополь в качестве прапорщика запаса. Ровно через год я был освобожден от службы по болезни и больше уже никем и никогда не призывался; но этот год жизни в Севастополе дал мне материал для романов «Зауряд-полк», «Утренний взрыв» (из серии романов «Преображение России»), а главное — для эпопеи «Севастопольская страда».

Выйдя в отставку в 1915 г., я никуда не ездил из Крыма, а у себя на даче близ Алушты, где живу и теперь, прожил до 1928 года, когда ко мне приехал вернувшийся в тот год из Италии А. М. Горький. В Алуште никто не мог указать ему, где моя дача, и свидание наше состоялось в Ялте, куда он вызвал меня телеграммой. После свидания с ним я поехал на Кавказ, где совершенно случайно встретился с ним снова во Владикавказе. А в следующем году, по его совету, отправился в Москву хлопотать об издании своих книг. Там, между прочим, мне дали квартиру в доме Герцена на Тверском бульваре и приняли для издания второй роман из серии «Преображение России» — «Обреченные на гибель».

Эпопею «Севастопольская страда» я писал и печатал с 1934 по 1939 г. включительно. В марте 1941 г. она была удостоена Сталинской премии 1-й степени. В том же году осенью мне пришлось эвакуироваться из Крыма сначала в Москву, потом в г. Куйбышев, где я очень много писал статей для газет, писал рассказы и романы из серии «Преображение России» — «Бурная весна», «Горячее лето». Затем меня эвакуировали в Алма-Ату, где я написал романы «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили». В 1943 г. я получил ученую степень доктора филологических наук и высокое звание академика. В 1944 г. приехал снова в Алушту, восстановил свою полуразрушенную дачу и ныне заканчиваю здесь свою огромную эпопею «Преображение России», объем которой будет втрое больше «Севастопольской страды».

Академик
Сергеев-Ценский
25 октября 1954 г.

Алексей МАРКОВ

1944 г.

Атака

Мы сатанели в рукопашной —
Кто был в бою, меня поймет!
Какой-то лейтенантик страшно
Кричал: — За Родину! Вперед!

...Дымились на земле патроны,
Не то горячие слова?
Кружился шар земной со звоном,
Не то кружилась голова?

А лейтенант, что безыскусно
В атаку за собою звал, —
Мальчишечка почти безусый —
Теперь в ложбинке умирал...

Смертельно раненный, упрямо
Хотел привстать... Шептал приказ...
Но вот сказал протяжно: — Ма-ма...
И все мы сняли шапки враз.

1944

Наташа

Где ты нынче, девушка Наташа,
Синеглазка с черною косой?
Ты осталась молодостью нашей
С неразменной девичьей косой.

Ты летала с нами на заданье,
Самолет бросала свой в пике.
Тишину и правду мирозданья
Ты держала в маленькой руке.

А когда под вечер прилетала —
Комнатной боялась темноты
И просила проводить, бывало,
Лестницей неосвещенной ты...

Муж тебя узнал совсем другою —
Хлопотуньей, взявшей в руки дом.
А в сраженьях ты была какою,
Нам одним известно лишь о том.

1946

Рисунок А. ГОЛИЦЫНА

Владимир ФЕДОРОВ

1943 г.

Голос Москвы

Смешались голоса в эфире.
Но я и в Вене узнаю
Одну-единственную в мире
Москву далекую мою.

И сердце места не находит,
Толчками в грудь мою стучась.
Я даже сводки о погоде
С волненьем слушаю сейчас.

1945

Возвращение

Стихи в теплушке бормоча,
Степной вдыхая ветер,
Большого черного грача
На пашне я заметил.

— Гляди-ка! Первые грачи!
Мы дома! Понимаешь?!
— Да ты потише хоть кричи!
Всех птиц перепугаешь!

Они немного раньше нас
В Россию прилетели
И здесь освоились как раз
За эти полнедели.

Наш край родной! Простор степной!
Весь день глядим, волнуясь:
Как хорошо, что мы весной
На родину вернулись!

1946

Сибгат ХАКИМ

1943 г.

Оглянешься — живым не только сказки
оставили те дни:
в местах боев находят наши каски,
солдатские ремни...
О, только ты, война, мою планету
за пояс, как в борьбе, не подними...
Весной траншеи старые заметней —
земли моей ремни...

■

Партийный стаж мой — три десятка лет.
Горжусь — от Курска, от Дуги считаю.

Что было — минуло... Но отчего опять
в пути коней своих горячих распрягаю,
задумываюсь снова о былом?
Давно затих большого колокола гром:
что было — было, да прошло...
Но почему же
огонь тех лет мне снова греет душу?

Там, на Дуге, я в партию вступил.
В огне сражений об одном я думал —
я был Свободой, Независимостью был,
о том, что я — Солдат Отчизны, думал...

Партийный стаж мой — три десятка лет.
Он завоеван мной в огне сражений.
— Кто жить учил тебя?
Я говорю в ответ:
— Мои учителя — народ и Ленин.

■

Когда я сладкие просматриваю сны,
то Белгород, то Харьков
на зорьке будят, словно мать, нежны:
— Вставай, солдат, вставай-ка!
Сегодня — день освобожденья...
Встал. Иду.
Как в этот город я входил, припоминаю,
сквозь дым, огонь, через войну, через беду,
стрелял, бежал. Как выжил?
Сам не понимаю.
Иду, припоминая дни, когда
душа кипела... Город стал свободным!
Вновь празднуют победу города.
Я с ними праздную — с моей страной,
с народом!

Перевел с татарского
Николай БЕЛЯЕВ

Аршалуйс САРОЯН

С ВОЙНЫ И О ВОЙНЕ

1944 г.

Аршалуйс Сароян — поэт, рожденный войной, поэт-воин. И после войны он остался верным теме ратного подвига советского человека — самой звонкой струне своей лирической дилогии.

Он пошел на войну совсем юным и рядовым, завершив боевой путь в Берлине. Здесь он написал свое самое известное стихотворение «Армянский танец в Берлине». Это поистине очень мудрое, экспрессивное, полное ярких чувств и образов стихотворение о победе советского народа.

Поэт-коммунист Сароян был прямым, искренним человеком. Он активно участвовал в работе СП Армении до последнего дня своей недавно оборвавшейся жизни.

Рачия ОВАНЕСЯН
ЕРЕВАН

Победа

О, сколько весен пронеслось!..
Еще одна
в моем дому —
Глаза распахнутые роз,
Сады в сиреневом дыму.

А я все слышу
вой и гром
Брони, идущей напролом.
А я все вижу:
красный флаг
Вонзен в поверженный рейхстаг.

О, сколько весен позади!
Ушли в былое
без следа —
И труден шаг,
и жжет в груди,
И голова моя седа.

Но вновь цветут в глубинах лет
Букеты яростных ракет.
Я помню —
даже и во сне —
О той грохочущей весне.

За день, за час...

Мы дружили только час,
Смерть дала короткий срок, —
Разгорелся —
и погас
Нашей дружбы костерок.

Вой военных непогод
Время, стиснутое в нас, —
Мне казалось:
целый год
Продолжался этот час.

Так повсюду на войне:
Час и день —
как год и век.
Жить старается вдвойне
Возле смерти человек.

Как цветы мы...
Возле нас
Смерч осколков и огня.
Жизнь прошла за этот час
Для тебя
и для меня.

1942

Венок славы

О маленький народ!..
Без устали шаля,
Вы мчитесь через брод
В заречные поля.
Беспечны и вольны,
Резвитесь у воды —
Не знаете войны,
Не помните беды.
Весна сияет вам
В букетах и венках...
А мы бежали там
С винтовками в руках.
Я видел,
как луга
Снаряды бороздят,
Сто метров — до врага,
И снайперы гвоздят.
Подняться из травы —
Труднее нет труда.
Мы падали, как вы,
Но только — навсегда.
Не помня павших тут
В атаках лобовых,
Венки теперь плетут
Из маков луговых.
А мы сплетали впрок
Для будущих времен
Невянущий венок
Простреленных знамен.

Перевел с армянского
Игорь ЖДАНОВ

Булат ОКУДЖАВА

УТРО КРАСИТ НЕЖНЫМ СВЕТОМ...

1941 г.

ПРОШЛОЕ, давно прошедшее, минувшее, былое, история — какие торжественные понятия, перед которыми, наверное, следует стоять с непокрытой головой. Да неужели, думаю я, такое уж это прошлое? Такая уж это история? Да ведь это было совсем недавно: лето в Тбилиси, жара, позднее утро. Мы как раз собирались уезжать к морю. Я и дядя Николай перетряхивали чемоданы. Тетя Сильвия отбирала летние вещи. Мне было семнадцать лет. Вдруг отворилась дверь, и вошла без стука наша соседка. Мы шумно ее приветствовали. Она сказала белыми губами:

— Вы что, ничего не слышали?

— Слышали, — сказал дядя Николай, — столько чего слышали... А что вы имеете в виду?

— Война, — сказала она.

— А-а-а, — засмеялся дядя Николай. — Таити напало на Гаити?

— Перестань, — сказала тетя Сильвия. — Что случилось, дорогая?

— Война, война... — прошелестела соседка. — Включите же радио!

По радио гремели военные марши. Я выглянул в окно — все было прежним.

— Вот что, — сказала тетя Сильвия дяде Николаю и мне, — бегите в магазин и купите побольше масла... Я знаю, что такое война!

Мы отправились в магазин. Народу было много, но продукты, как обычно, лежали на своих местах. Мы купили целый килограмм масла.

— Может быть, еще? — спросил я.

— Ты сошел с ума! На нас уже смотрят. Стыдно.

Мы принесли это масло домой. Кто знал, что война так затянется?

По улицам потянулись новобранцы. Среди них были и молодые женщины. Все вдруг переменилось. О море думать не хотелось.

Пришел мой друг, Юрка Папиянц.

— Ну, — сказал он, — в военкомат не идешь?

— Конечно, — сказал я, — пошли. — По дороге я сказал: — Хорошо бы в один танковый экипаж попасть...

— Хорошо бы, — сказал Юрка.

Маленькое, робкое сомнение пискнуло где-то в глубине и смолкло.

В военкомате дым стоял коромыслом, грохотали сапоги, толпились люди, плакала какая-то женщина, трудно было протолкнуться.

— Чего пришли? — спросил усталый маленький капитан по фамилии Кочаров.

— Да вот пришли, хотим против фашистов воевать... — сказал Юрка. — Хорошо бы в один экипаж.

— Вызовем, вызовем, — сказал капитан. — Идите.

«Вот бюрократ чертов!» — хотел сказать я, но сказал иначе:

— Зачем же вызывать, когда мы сами — вот они? Оформляйте, чего уж тут...

— А ну, идите отсюда! — вдруг заорал он. И мы ушли.

— Наверное, мы неправильно вошли, — сказал я, — что-нибудь не так сказали... Все-таки на фронт проситься, а не на базар...

На следующий день мы отправились снова, но нас опять выгнали. И на третий день тоже, и на четвертый... Но на восьмой нас не выгнали.

— Э-э-э, — сказал капитан, — черт вас дери совсем! Надоели, будьте вы неладны...

Я хотел сказать ему, что и он нам надоел тоже, но не сказал. Мы уже привыкли друг к другу, как родственники.

— Куда ты торопишься? — сказал он мне. — Ну куда? Посмотри на себя: ты ведь совсем цыпленок.

— Ничего, — сказал я браво, — легче маскироваться...

— Э-э-э-э, — сказал он, — надоели! — И вручил нам по пачке розовых повесток. — Чтобы к вечеру разнесли. Все!

— А на фронт? — спросили мы.

— Я сказал — все! — крикнул он, багровея, и мы отправились.

Мы ходили по улочкам Сололаки, и по Грибоедовской улице, и по Судебной, и по улице Барнова, и спускались за Александровский садик, и в переулочки за оперным театром.

В одном из дворов среди низко подвешенных сохнущих простынь и рубашек стояла перед нами еще молодая женщина с большим животом и с мальчиком на руках, и за юбку ее держались две девочки. Все, кто был во дворе, увидев нас, замолчали, поэтому стало очень тихо.

— Кого хотите? — спросила женщина, как будто не расслышала фамилию, которую мы назвали, а сама смотрела не на нас, а на розовую, трепещущую под ветром повестку.

— Миацаканов Альберт, — сказал я и протянул листок.

— Это мой муж, — сказала женщина. — А что хотите?

— Вы ему передайте и распишитесь...

— Он на заводе... — крикнула она, оглядываясь на соседей.

— Слушай, Офелия, — сказал старик, — бери...

Одной повесткой стало меньше.

Вот так мы ходили по дворам. Месяц, два. Каждый раз мы спрашивали капитана Кочарова:

— Когда же нас-то?

— Вызовем, вызовем, — говорил он резко. — Идите. Все. Надоели...

На улицах появились первые раненые из госпиталей. Они выбирались погулять, одетые в одинаковые халаты, бритоголовые, перекрещенные бинтами. Бродили по проспекту Руставели, сидели в скверах на лавочках. Мы им завидовали. Патрули их пока не трогали.

Город наполнялся войсками. Помятые грузовики, заляпанные грязью орудия, рваные, мятые гимнастерки на солдатах, офицеры, похожие на солдат. Поползли слухи, что фронт прорван, что в Крыму или где-то в том районе нам пришлось спешно отступать, что было окружение, что многие остались «там». А мы разносили повестки, будь они неладны! И наша отчаянная храбрость, и ненависть к врагу, и героизм, который распирал нас, и все наши удивительные достоинства (мои и Юркины) — все это засыхало на корню.

В один из этих дней появился в нашем доме дядя Борис, младший брат тети Сильвии. От него долго не было известий, и вдруг явился. Он служил водителем грузовика. Я застал его дома, когда он мылся над тазом. На полу валялась его замызганная гимнастерка. В доме пахло потом, бензином, чем-то горелым, невыносимым и восхитительным.

— Что ж вы, — сказал я Борису, — взяли и драпанули?

Он ничего не ответил, только отфыркивался.

— Уж, наверное, можно там было где-нибудь зацепиться, что ли, — продолжал я строго. — Испугались, что ли?

— Заткнись, — сказал он, — будь человеком... — И ушел в другую комнату. И там он сбросил с себя оставшееся на нем военное, вытащил из шкафа свой единственный гражданский костюмчик, оделся и пошел из дома. В окно я видел, как он шел по Грибоедовской — медленно, вальяжно, по-тбилисски... Наверное, он надеялся за несколько часов передышки отыскать кого-нибудь из старых своих знакомых шоферов, кто, может быть, еще был в Тбилиси и кто, может быть, уже не надеялся снова увидеть его живым.

Не успел он пройти и двадцати шагов, как я с лихорадочной поспешностью напялил на себя его гимнастерку, галифе, сапоги, пилотку и, распространяя благоухание окопов, выскочил на Грибоедовскую и двинулся к Юрке Папиняцу. Просто так идти не хотелось — я ударил строевым и так строевым прошел до самых Сололак, козыряя военным и счастливо избежав патрулей...

— Что же делать? — сказал я Юрке. — Когда же мы? Города сдают, земля горит...

— Ничего, — сказал он философски, — все будет.

...Бедный капитан Кочаров! Мы все-таки дожали его в один прекрасный день.

— Ладно, — сказал он, еле сдерживаясь, — черт с вами! Завтра придете с кружкой-ложкой. В 9 00...

— А повестки? — спросили мы.

— Бюрократы! — закричал он. — Какие повестки, когда я вам самим говорю! — Но, увидев наши лица, вывернул розовые листки, отошел к окну и прохрипел оттуда: — Сами будете заполнять, черт вас дери! Моя рука не виновата, запомните. Сами пишите!

Не было ни военкомата, ни капитана Кочарова, ни стен, ни Тбилиси...

— Послушай, — сказал я Юрке, — я побегу домой, а ты принесешь повестку... Как будто я ничего не знаю.

Я ворвался в дом и сел у окна, посвистывая. Душа ликовала, коленки дрожали, на вопросы домашних отвечал невпопад. Наконец в дверь позвонили, и тетя Сильвия пошла открывать. Не помню, что уж там говорили, какие были восклицания, ссорились, или пели, или Юрку Папиняца выталкивали вон, или, наоборот, торжественно несли на руках, не помню. Он, видимо, убежал, а тетя Сильвия вошла в комнату с розовой повесткой в руке.

— Повестка? — сказал я как ни в чем не бывало. — Действительно пора. Засиделся...

— Этого не может быть! — крикнула тетя Сильвия, оглядывая меня с подозрением. — Это ошибка. Тебе только семнадцать... Это ошибка. Я сейчас пойду к военкому...

— Нет, — сказал я со страхом, — это не ошибка. Разве вы не видите, что происходит кругом?

— Я в свое время, — сказал дядя Николай, — хотел убежать к индейцам... А ты, мальчик, знаешь, куда ты торопишься?

— При чем индейцы? — сказал я и сам удивился, как я это сказал.

— Это ошибка, — машинально повторила тетя Сильвия. — Я должна пойти...

— Тетя Сильвия, — сказал я твердо, — не надо идти в военкомат. Я ведь все равно уже решил, вы же это прекрасно понимаете. Сшейте мне лучше вещевой мешок.

Она заплакала. Розовая повестка, покружившись, улеглась на полу.

...Счастливое мгновение! Мы с Юркой получили направление в 10-й ОЗМД (отдельный запасной минометный дивизион). Вечером тетя Сильвия и дядя Николай проводили меня до трамвайной остановки. Трамваи ходили редко, так что я успел все сказать и все выслушать. А потом пришла «десятка» и повезла меня на вокзал. Я стоял на задней площадке, одетый в серые бумажные брюки и футболку. На ногах моих были старые спортсменки. Редкие пассажиры, наверное, думали, глядя на меня, что мальчик собирается в деревню менять вещи на продукты... Наверное, они так думали, но я не волновался: я-то знал, кто я такой на самом деле!

Мы встретились с Юркой Папиняцем на вокзале. Наш путь лежал в Кахетию, где размещался наш переводимый и замечательный 10-й ОЗМД. Поезда ходили редко. Вагоны брались с боем. Кое-кто умудрялся ехать на крыше. А мы с Юркой даже не пытались врываться в вагон, а сразу влезли на крышу. Было страшно, но до утра вытерпели.

Мы думали, что увидим большой военный городок, где ряды минометов перемежаются с рядами танков, орудий, броневиков, а увидели райское местечко с двухэтажной школой, где размещались штаб и столовая да жили командиры. А совсем недалеко, на старом винограднике, были разбиты парусиновые палатки, в которых предстояло жить нам, солдатам. Командиры и сержанты — все были люди бывалые, кадровые, а солдатами предстояло стать нам — девятиклассникам и десятиклассникам из Тбилиси. Нас съехалось около ста человек. Кто в чем. Шли дни, а об обмундировании никто не заикался. Единственное, что всем нам выдали, были широкополые шляпы защитного цвета, предназначавшиеся для горных войск.

Шли дни. Мы обучались минометному искусству с раннего утра до позднего вечера.

Сейчас это вспоминать смешно, а тогда было не до смеха, особенно нашим командирам: когда мы выстраивались по утрам, прежде чем расходиться на занятия, когда стояли, все мятые, не похожие на солдат, в нелепых своих широкополых шляпах, сержантам хотелось плакать.

— Батарея, смирр-рно! — кричал сержант Ланцов, и вдруг его взгляд упирался в кого-нибудь из нас, ну, допустим, в меня, и он багровел и командовал: — Окуджав, два шага вперед шаго-о-о-м марш! (Он никак не мог привыкнуть к моей фамилии: ему все время казалось, что окончание «ва» должно относиться к женщине.)

И я делал два шага вперед. И он подходил ко мне.

— Что это вы расхлябанный какой! — начинал он грозно. — Не выспались?.. — но затем на лице проступала скорбь, и он добавлял тихо и обреченно: — А ну, подтянись...

Я подтягивался из последних сил, я делал все возможное, чтобы выглядеть солдатом, но что я мог? Бахрома на моих брюках подступала к коленям, от футболки оставались рукава да кокетливый воротник. Нынешние хиппи взяли бы меня за образец, но они тогда еще не родились, а мы торопились на фронт. Поэтому сержант Ланцов махал рукой и отправлял меня в строй.

Затем звучала команда: «Шагом марш! Запевай!»

Мы дружно ударяли босыми ногами в алазанскую пыль, и я запевал:

Утро красит нежным светом...

Наконец нам раздали настоящие карабины и брезентовые патронные сумки. Был грандиозный праздник.

— Вот видишь, — философски заметил Папиняц, — я же говорил — постепенно все будет...

И действительно, вскоре мы познакомились с настоящими гранатами, и наши командиры кинули несколько в овраг. Запахло порохом. Однажды вечером после отбоя нам всем раздали по две гранаты, и по два запала, и по брезентовому чехлу с двумя кармашками для гранат и с двумя отделениями для запалов.

— Значит, так, — сказал сержант Ланцов. — Граната сама не взорвется, но ежели мы в нее вставим запал, вот так, затем выдернем чеку, вот так, тогда можно бросать...

— А можно не бросать? — пошутил кто-то.

— Можно и не бросать, — с усмешкой сказал сержант Ланцов. — Сделайте все, как положено, отойдите во-о-он туда и положите гранату в карман...

Охотников, разумеется, не нашлось.

— Все поняли? — спросил сержант.

— Все! — крикнули мы нервно.

— Учтите, — добавил он, — запал — штука нежная... А теперь наденьте гранаты на пояс, как положено, и расходись по палаткам спать.

— Прямо с гранатами?!

— Ага, — сказал сержант, — и чтоб не вздумал кто снять.

Я лежал на своем матрасе и боялся дышать. Гранаты упирались в бок.

— Юрка, — спросил я едва слышно, — ты не помнишь, если запал отдельно от гранаты вдруг взорвется, она тоже взорвется или нет?

— Не помню, — прошептал он.

— Ребята, — сказал кто-то, — главное, во сне на нее не лечь. Главное — не давить на нее, проклятую...

— Разве она от давления взрывается тоже? — спросил я.

— Кто ее знает, — ответили из темноты, — а лучше не давить...

Мы долго крепились, а после усталость взяла свое. Никто не взорвался. Впоследствии я имел возможность оценить мудрость этой жестокой шутки.

...Итак, шутки шутками, огорчения огорчениями, а через двадцать дней мы были уже заправскими минометчиками, ибо учебная жизнь шла своим чередом, фронт не ждал, сердца пылали. Кстати, вместе со мной проходил науку совсем юный Додо Абашидзе, ставший теперь известным киноактером. Недавно я видел его в роли полицеймейстера в фильме «Мелодии Верийского квартала». Там, в Кахетии, он тоже ходил босиком, в широкополой шляпе защитного цвета, и на него тоже, если он не забыл, кричал в огорчении сержант Ланцов.

Прошло еще некоторое время, и внезапно прекрасным, как это говорится, кахетинским утром повели нас в баню, откуда мы вышли обмундированные с головы до ног. Правда, это тоже была не совсем новая форма, и, может быть, маленькая заплатка на левом плече моей гимнастерки была на месте, куда однажды ударила вражеская пуля... Но все равно мы выглядели настоящими солдатами, нам выдали настоящее оружие, и мы были готовы помериться силами с фашистской ордой, и эшелон увозил нас из райского местечка... Вот так это было.

Я рассказал обо всем этом недавно моему знакомому. Мой знакомый, человек пожилой, серьезный, послушал и сказал:

— Наверное, вы не выдумали... Но ведь время какое было — суровое, тревожное, а у вас все какие-то шуточки, смешочки. Вы лучше как-нибудь об этом иначе рассказывайте...

Я пытался, но ничего не вышло: так умею, так помню.

Ну, а потом был фронт, и ранение, и госпиталь, и все, что полагается. А после пришла Победа. Но о фронте я рассказывать не буду, ибо о нем так много рассказано в книгах и в кино, что я начинаю путать: что — мое, а что — чужое; что было со мной, а что — с другими. Что же касается Победы, то, хотя я и не совершил ничего героического и, наверное, был неважным солдатом, особенно рядом с другими замечательными воинами, все-таки живет во мне уверенность, что без меня Победа досталась бы труднее. Труднее на одного рядового...

ТВ

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ: «КАБАЧОК 13 СТУЛЬЕВ»

О. АРОСЕВА

М. ДЕРЖАВИН

З. ЗЕЛИНСКАЯ

Г. ЗЕЛИНСКИЙ

В. КОЗЕЛ

А. КОРЕШКОВ

Р. РУДИН

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»

Б. РУНГЕ

Е. САНЬКО

А. СВОБОДИН

Ю. СОКОВНИН

Н. СЕЛЕЗНЕВА

В. ШАРЫКИНА

Когда речь заходит о самых популярных телевизионных передачах, обычно в ряду других называют «Кабачок 13 стульев». Одно из подтверждений тому — редакционная почта. В письмах о «Кабачке» — разные точки зрения.

«Во время этой передачи времени как-то не замечаешь» [А. Чуйко, Одесса].

«Расскажите, пожалуйста, о том, как создается эта передача. Стабильность персонажей влечет за собой, наверное, определенные трудности! Как они преодолеваются?» [Н. Кузьменко, преподаватель, Ленинград].

«Порой мне кажется, что некоторые миниатюры и шутки «Кабачка», что называется, «с бородой» — мы их уже слышали, это уже было. Не надо ли строже спрашивать с авторов?» [В. Кольцова, Новосибирск].

И во многих письмах содержится одна и та же просьба: собрать за «круглым столом» персонажей «Кабачка» и поговорить о жанре передачи...

Откликаясь на просьбы читателей, за «круглым столом» редакции собрались все посетители «Кабачка», которые находились в тот день в Москве, — Ведущий [М. Державин], пани Моника [О. Аросева], пан Профессор [Б. Рунге], пани Тереза [З. Зелинская], пан Беспальчик [В. Козел], пани Зося [В. Шарыкина], пани Ванда [Е. Санько], пани Катарина [Н. Селезнева], пан Гималайский [Р. Рудин], пан Юрек [Ю. Соковнин]. Вместе с ними пришли режиссер передачи Г. Зелинский, ее редактор А. Корешков, критик и драматург А. Свободин.

А. СВОБОДИН. Мне хочется, начиная наш сегодняшний разговор, задать вам несколько приятных и неприятных вопросов о том, как делается «Кабачок 13 стульев» и каковы, как заметил бы ваш пан Зюзя, где-то, по большому счету, нерешенные проблемы.

Ваша передача — это, так сказать, телевидение в «чистом» виде. Теория и критика его еще молоды. С приходом телевидения человечество впервые получило возможность обращаться сразу ко всем. И в то же время эти «все» — у себя дома. Таков парадокс телевидения...

Не все относятся к «Кабачку» одинаково. Но жизнь идет своим чередом, миллионы зрителей смотрят передачу и смеются. Я вот и пытаюсь понять, определить, на чем основана его популярность.

Конечно, это юмористическая передача, и ее юмор рассчитан на очень широкий круг людей. Но, думаю, есть и еще секреты популярности: например, «Кабачок» необычайно гостеприимен — зритель может «входить» и «выходить» в любой момент. Это делает «Кабачок» одной из самых домашних в этом смысле и демократических передач. Есть и другие вещи, которые как-то не принято учитывать. Например, участие в передаче нескольких, скажем прямо, очаровательных актрис привлекает не только мужчин, но, по моим наблюдениям, в первую очередь женщин. Разговоры о том, кто и как вчера был одет в «Кабачке», что носит пани Моника, я слышу во дворе, в метро, в троллейбусе, то есть обсуждаются таким образом проблемы моды, вкуса, одежды, стиля, поведения. А если говорить о вещах более серьезных, то надо упомянуть, что это, пожалуй, передача-рекордсмен по...

Б. РУНГЕ. Долголетию...

М. ДЕРЖАВИН. По количеству серий...

А. СВОБОДИН. Еще и по устойчивости образов-масок. «Кабачок» доказал их силу. Думается, это произошло потому, что они олицетворяют какие-то устойчивые жизненные типы, пусть отдаленно, но все-таки олицетворяют.

Конечно, в них есть соответствие человеческому типу, который в значительной мере интернационален. Недаром же когда-то в театре возникли амплуа, например: простак, благородный отец, гранд-дам, инженю-кокет — это же и есть то самое, что вы изображаете.

На первый взгляд, скажем, пани Моника не имеет жизненных аналогов. Но если к взгляду прибавить слух... Живу недалеко от станции метро «Аэропорт», я каждый день слышу монологи и диалоги, как две капли воды похожие на те, что ведутся в «Кабачке» с ее участием.

О. АРОСЕВА. Я тоже там живу...

Б. РУНГЕ. Есть откуда черпать...

А. СВОБОДИН. Но самый, наверное, существенный вопрос — это, конечно, репертуар. Не представляю себе, как можно черпать столько лет и не вычерпать до дна? Я в каждой передаче вижу, как это сложно... Конечно, вы овладели юмором, исполненным обаяния. Ряд ваших масок, как я уже говорил, узнаваем — они вышучивают не только общий тип, но и, так сказать, реальные фигуры, взятые прямо из жизни. Скажем, пан Директор, пан Зюзя, пан Вотруба, пан Профессор. Мне кажется, ваш юмор, а следовательно, и ваш репертуар получат дополнительные ресурсы, если все ваши маски сдлнут узнаваемыми. Право же, иногда думаешь: вот здесь бы конкретнее, вот тут бы острее.

А. КОРЕШКОВ. Я считаю, что один из секретов популярности передачи заключается в том, что в «Кабачке» действуют персонажи добрые и приятные. Зритель входит в атмосферу жизни с какими-то житейскими конфликтами и недоразумениями, а не с уголовными проблемами.

А. СВОБОДИН. Когда я говорю о юморе более злободневном, я не имею в виду, что это должно повести к изменению характера маски. Передача, построенная на атмосфере доброжелательности, не может вдруг обратиться в нечто противоположное.

В. ШАРЫКИНА. Мне не хочется быть на телеэкране злой — мне, актрисе и человеку, страшно этого не хочется!

О. АРОСЕВА. Можно мне сказать по этому тему? Я тоже над ней размышляла. Твердого ответа не знаю, но лично для себя решила, что в передаче очень верно найден характер юмора. Что он, не становится, бытовым, конкретным, сатиричным, беспощадным, а — на грани. Вот хотя бы мой образ, пани Моника. Что это — обличение социального зла? Нет ведь?

Вы говорите, Александр Петрович, что слышите монологи Моники «по месту жительства». И я этих «авторов» слышу, они меня «питают». Вообще, пани Моника живет в очень многих женщинах. Но можно ли сделать этот обобщенный образ предметом сатирического обличения? Я считаю, нет. Достаточно сделать персонаж смешным, ведь смех — уже сам по себе лекарство. Так что, понимаете, интуитивно или сознательно, но стиль юмора в передаче найден.

А. СВОБОДИН. Стиль-то найден, а я говорю все-таки о содержании. Можно ли в пределах найденного стиля сделать юмор более конкретным?

А. КОРЕШКОВ. Можно...

О. АРОСЕВА. Но нельзя переходить каких-то граней. Потому что, если пани Моника, предположим, обманет мужа или совершит подлог, исчезнет обаяние — понимаете? — этого женского характера.

А. КОРЕШКОВ. Надо сказать, что мы, в общем-то, замышляли передачу как сатирическую. А нынешний характер юмора был найден в процессе многолетней работы над «Кабачком».

Е. САНЬКО. Ведь мы не только актеры — каждый из нас еще и телезритель. И мы в какой-то мере знаем, чего зрителям хочется. Когда о недостатках говорится в юмористической форме, — это легко смотрится. Понимаете? Сидя дома за чашкой кофе или чая.

А. СВОБОДИН. Взаимоотношения ТВ с адресатом — вопрос, знаете, сложный. Надо ли всецело ориентироваться на зрителей, любящих только «безобидный юмор»? Мне кажется, со зрителем можно завести и более, что ли, мужские отношения.

М. ДЕРЖАВИН. Тут есть еще одно интересное обстоятельство: сохранились снятые на пленку наши старые «Кабачки». И, вы знаете, они гораздо хуже, чем нынешние.

А. КОРЕШКОВ. Многие пишут: ваши прежние передачи были интереснее. Но вот сегодня я пересматриваю материал из прошлых «Кабачков» и думаю, что сейчас из этих юморесок не составила бы передачу, поскольку каждому времени соответствует свой юмор, и телевидение очень чутко к требованиям дня. Скажем, пан Гималайский или пан Спортсмен уже не те, что несколько лет назад.

А. СВОБОДИН. Кстати, почему как-то исчезал пан Спортсмен?

О. АРОСЕВА. Он из Вахтанговского театра, а театр был на гастролях.

А. СВОБОДИН. Почему я об этом спросил? Ваша передача «железно» держится на ансамбле масок, и если один характер исчезает, его не хватает. Тут есть какой-то закон уже вашего маленького театра.

Теперь другой вопрос: как себя чувствует актер в условиях постоянной многолетней маски? Что вам эти маски дают?

О. АРОСЕВА. Мешают...

Б. РУНГЕ. Дело не в том, что мешают. Дело в том, что маску трудно сохранить одной и той же. Я каждый раз думаю как раз над тем, чтобы мой профессор не был глупым. Возможна любая ситуация, я могу попасть в любое положение, профессор может показаться наивным, чудаком, еще кем-то, но он не должен производить впечатление глупца.

М. ДЕРЖАВИН. А у меня очень сложное положение. Если не ошибаюсь, Владислава Третьяка однажды спросили: «Вам не хочется во время матча выйти на ворота и «покататься»?» Он ответил: «Ужасно хочется». Вот и мне иногда невыносимо смотреть, как товарищи играют, а я только изредка вставляю реплики.

З. ЗЕЛИНСКАЯ. Вообще, нужно иметь, конечно, терпение и мужество, чтобы в течение стольких лет существовать в постоянной маске. У каждого из нас свои беды. Например, перед нашей парой, с Владеком, стоит такая проблема. Я вот думаю про себя: «Уж сколько лет мы живем вместе, уж дети у нас выросли, хоть бы редактор меня на работу устроил...» Что-то нужно искать...

Н. СЕЛЕЗНЕВА. А у меня еще вот какой вопрос. Я пришла в передачу, когда мне было 20 лет. Сейчас мне 29...

А. СВОБОДИН. Не верю! Те же 20.

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Да? Спасибо. Но вот я играю эту девушку-невесту — юное, вообще, зеленькое существо — и чувствую, что уже — ой-ой-ой! Трудно. Представляете, десять лет для актрисы? Ой-ой-ой!

О. АРОСЕВА. Тут, я вам скажу, есть и другая сторона: зритель. Мы не учитываем, что у зрителей годы тоже идут. Вот ко мне на улице один молодой человек подошел и говорит: «Боже мой, я вас с детских лет помню!»... Он вырос «под аккомпанемент» «Кабачка», он теперь другими глазами передачи смотрит. Поэтому я думаю, что наш «Кабачок» не умрет никогда.

А. СВОБОДИН. Как я понимаю, вы все-таки ощущаете себя маленьким театром?

З. ЗЕЛИНСКАЯ. Все-таки — да, маленьким театром.

А. СВОБОДИН. А что скажет режиссер трестовского театра?

Р. РУДИН. К своей маске я долго «подбирался». Я пришел в «Кабачок» с миниатюрой «Сказочка о верблюде», которую до сих пор играю и считаю почти что лучшей своей миниатюрой. Тогда явился так называемый маленький человек — забитый проситель с замызганным портфелем — оформлять верблюда. Он не прижился. Потом меня сделали изобретателем, а уже после, исходя из характера, который я как актер принес, «переквалифицировали» в режиссера. Но черты характера «человека с верблюдом» совершенно исчезли в том самоуверенном бездельнике, которого я сейчас играю.

На периферии я попадал в театры, где встречал «прямых» учеников Константина Сергеевича и Владимира Ивановича, личных больших друзей, условно говоря, Аросевой или Плучека... Поразительный материал для вас — это «приплюсовывание» себя к кому-то и чему-то видному...

Скажите, а в пределах маски вы можете импровизировать — ну, скажем, создавать этюды на темы ваших персонажей?

Г. ЗЕЛИНСКИЙ. У нас слишком короткий цикл выпуска каждого спектакля — 26 дней, на импровизацию просто нет времени. Но мне очень хотелось бы поговорить об эстетике передачи.

М. ДЕРЖАВИН. Когда мы наскучим...

А. СВОБОДИН. Когда вы просто естественно выдохнетесь...

А. КОРЕШКОВ. Теоретически мы должны были выдохнуться уже давно — лет пять тому назад. Потому что поглощение материала «Кабачком» чудовищное: с 1966 по 1969 год мы «отжали» всю юмористику за 10 последних лет. Все было «перепахано»... Но эти бесконечные мешки зрительских писем! Письма все время толкают нас к тому, что надо продолжать.

А. СВОБОДИН. Вы попали в положение Ильфа и Петрова, которым читатели не разрешили убить героя в конце первого романа. Но так же как и у них нашлись «фонды» на целый новый роман, так и у вас, я убежден, найдутся новые запасы. Ведь юмору неисчерпаем!

А. КОРЕШКОВ. Маска режиссера-графомана несет в себе больший социальный заряд. Это как раз тот случай, когда мы пошли на превращение юмористического образа в сатирический.

А. СВОБОДИН. Безусловно. Режиссер дополняет всю компанию. Но и в вашей маске можно позволить себе быть более конкретным, потому что в различных учреждениях есть такие фигуры.

О. АРОСЕВА. Энтузиасты в кавычках.

А. СВОБОДИН. Человеку не могут найти реальное дело и дают общественную должность, где он и начинает «фонтанировать», удовлетворяя свое тщеславие, свою потребность быть на виду. А оборотная сторона такая: сотни неудачливых актеров и режиссеров бродят по стране, как когда-то дети лейтенанта Шмидта, что-то организуя и создавая, а главное, режиссируя по собственным системам.

Атмосфера первых «Кабачков» в какой-то степени была связана с моими ощущениями на спектакле «Милый лжец» в исполнении ленинградских артистов. Было очень любопытно на фоне бурного развития динамичного театра и кинематографа попробовать найти какую-то форму, когда люди встречаются на досуге и «просто» говорят друг с другом... Но время идет, и в последние годы появился крен в сторону развлекательного, несколько эстрадного представления: порой мы даже грешим этим.

А. СВОБОДИН. Известно, что все на свете стареет. Стареют театры, стареют передачи, хотя и есть разные способы поддержания жизни в организме. Думаете ли вы об этом? Или по-прежнему делаете передачу и молча ждете...

А. КОРЕШКОВ. Для нас проблема номер один — это, конечно, авторы. Передача задумана как собрание юмористов авторов социалистических стран, однако и зарубежные авторы не успевают «поставлять» нам нужное количество произведений.

А. СВОБОДИН. Может быть, передачу следует поддержать, как говорится, заметными усилиями общественности, в том числе литературной? Может быть, вспомнить и о пишущих актерах, обладающих чувством юмора, может быть, использовать юмористический фольклор — ведь он же колоссален. Может быть, объявлять периодические конкурсы, а?

А. КОРЕШКОВ. Но тут есть еще одна проблема — кабачок-то польский. Иногда нас даже спрашивают: «А польские друзья на вас не обижены?»

Г. ЗЕЛИНСКИЙ. В связи с 30-летием со дня образования ПНР коллективу «Кабачка» было присвоено звание «Заслуженный коллектив деятелей культуры Польши», а персонально это звание присвоено Анатолию Григорьевичу Корешкову и мне.

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Я еще хотела сказать одну вещь, простите меня, конечно. Я буквально две минутки займу...

А. СВОБОДИН. Мы-то не торопимся...

Н. СЕЛЕЗНЕВА. ...Вы сказали, что многие из нас хорошо выглядят, и потом их туалеты, их костюмы обсуждаются зрителями. А нам, как ни странно, наши строгие мужчины говорят: «Ой, нет — брюки нельзя!..»

З. ЗЕЛИНСКАЯ. Иногда у нас бывает такое...

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Секундочку, секундочку! Я, предположим, прихожу в вечернем платье, в котором выступала на концерте, а мне режиссер говорит: «Нет-нет-нет, это слишком нарядно...»

О. АРОСЕВА. Наши мужчины нам не советуют.

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Дайте мне, простите, дайте мне договорить! То, например, мне режиссер говорит...

З. ЗЕЛИНСКАЯ. Вы думаете, это разговор о моде? Ничего подобного — об искусстве! Передача комедийная. Мы должны своим внешним видом подчеркивать характеры своих героинь.

Г. ЗЕЛИНСКИЙ. Мы работаем на огромную аудиторию, и, если смеемся, надо знать точный адрес — над кем и над чем смеемся...

О. АРОСЕВА. Мы смеемся над женщинами...

З. ЗЕЛИНСКАЯ. Которые не знают чувства меры.

О. АРОСЕВА. Например, толстая пани Моника надевает брюки, чтобы подвергнуть осмеянию такую манеру одеваться, чтобы научить наших женщин...

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Может быть, Всесоюзный Дом моделей предложит свою помощь? Чтобы они нам шили...

О. АРОСЕВА. Прежде всего нам нужны не хорошие платья, а хорошие идеи и хорошие авторы.

А. СВОБОДИН. Вырисовывается тема для одной из ваших передач: Лизистрата из «Кабачка».

М. ДЕРЖАВИН. Бунт женщин...

А. СВОБОДИН. Ну, и, наконец, последний неприятный вопрос — меня это как театрального критика волнует и читателей, я уверен, тоже интересует: ваши взаимоотношения с Театром сатиры? И как многолетнее существование в образах-масках соотносится с вашими ролями на сцене? Как вы боретесь с неизбежной коррозией, что ли, которая должна проникать...

Б. РУНГЕ. Она не проникает...

Ю. СОКОВНИН. В редких случаях проникает.

Б. РУНГЕ. Допустим, в «Кабачке» у меня есть борода, есть усы. Я «прикрыт». А Михаил Михайлович Державин не «прикрыт». Значит, если он в театре выйдет без грима, его, конечно, узнают как Ведущего. Но он играет, скажем, Бобчинского или Добчинского и сам за себя, так сказать, постоит: зритель забудет, что он играет в «Кабачке».

А. СВОБОДИН. Это как раз наиболее легкая часть проблемы — внешняя узнаваемость. Но я имею в виду более серьезное, так сказать, внутреннюю конституцию актера.

Б. РУНГЕ. Если артист хороший, на него коррозия не влияет. А если плохой, одноплановый, на него влияет все — он сыграл одну роль и продолжает ее играть во всех ролях.

Г. ЗЕЛИНСКИЙ. Моя точка зрения заключается примерно в том, о чем говорил Борис Васильевич: артист должен играть разные роли — и в театре, и на ТВ, и в кинематографе. Актеры должны играть и в «Кабачке», и в других спектаклях.

Б. РУНГЕ. Но на телевидении смотрят на это иначе...

Г. ЗЕЛИНСКИЙ. Почему? Наша редакция так не считает.

Б. РУНГЕ. Ваша — нет. Но другие нас не занимают.

О. АРОСЕВА. Эта боязнь у режиссеров существует.

А. СВОБОДИН. Боязнь разменять, обесценить ваш образ? Есть желание беречь вас как пани Монику? Или вас боятся как пани Монику, которую все равно узнает зритель?

О. АРОСЕВА. Я сейчас говорю, скорее, о кино. Тот же Эльдар Рязанов — я снималась у него в «Берегись автомобиля», когда еще не была пани Моникой, — предлагая мне роль в «Стариках - разбойниках» сказал: «Я уверен, что вы сможете создать другой образ, но я не знаю, сможет ли публика принять вас в этом образе». На что я сказала то же самое, что Борис Васильевич: «Конечно, мне нужно больше усилий, чем актеру, не зафиксировавшему внимание зрителя». Если бы Папанов, который раньше играл разных отрицательных управдомов, не снялся в роли Серпилина, если бы режиссер не поверил в него, не родился бы, по существу, новый актер.

Н. СЕЛЕЗНЕВА. Вот, знаете, я очень на этом пострадала. Лично я. Я еще не переступила порога театра, как уже попала на репетицию «Кабачка», и я благодарна судьбе, что моя жизнь сложилась именно так. Но в кино я на этом очень пострадала. Вот я снимаюсь у режиссера Гайдая уже в третьей картине, а он мне говорит: «Наталья, я бы тебе не советовал появляться так часто в «Кабачке», потому что другие режиссеры мне говорят: «Что ты снимаешь ее? Она же «зазернилась» в этом образе — ее уже по-другому и не воспринимают!» Но мне настолько дорог наш ансамбль актеров и эта атмосфера творчества, что отказаться от «Кабачка», принести эту жертву?

А. СВОБОДИН. Но все-таки — все-таки! — я хотел бы напомнить о том неприятном вопросе, от которого вы так виртуозно ушли: о ваших взаимоотношениях с театром. Я понимаю: сущая правда, что хороший актер преодолеет инерцию образа. Дело в другом. Дело в том, что с появлением ТВ актер «раздвоился». Как ни странно, даже не так кинематограф претендовал на актера, как телевидение и телекино. А еще есть радио и озвучание фильмов. И чем дальше, тем больше. Теперь даже крупные режиссеры поняли, что кончился век театра как единственного дома актера. Он остается, может быть, как родной дом, в который возвращаются «блудные дети»...

О. АРОСЕВА. Театр привлекает актера больше, чем любая другая площадка.

В. ШАРЫКИНА. Актер без театра не может.

О. АРОСЕВА. Знаете, что я вам скажу по этому поводу, болезненно переживаемому всеми актерами? Ведь нет того, чтоб хоть один актер остался в своей маске. Есть Державин — Бобчинский. Есть прекрасная работа Мишулина в «Белом солнце пустыни». Есть Владимир Георгиевич Козел — пан Беспальчик, — который в «Адъютанте его превосходительства» сыграл полковника, контрразведчи Щукина — и как сыграл!

В. ШАРЫКИНА. Меня однажды остановили просто на улице и спросили: «Как может такой актер, который сыграл Щукина, играть в «Кабачке»? Зачем он туда пришел?» Я сказала: «Ну, как — «зачем»? Актеру надо дальше жить...»

В. КОЗЕЛ. А я получал письма через телевидение, несколько семей даже спорили...

А. СВОБОДИН. Вы это или не вы?

В. КОЗЕЛ. Да. Они очень удивлялись.

А. КОРЕШКОВ. Еще об этой проблеме два слова, если позволите. Уже от лица телевидения. Мне кажется, некоторые режиссеры, мягко скажем, не всегда понимают, что цикловые передачи ТВ — «Кабачок» в том числе — и театру отраженным светом светят. И наши взаимоотношения...

А. СВОБОДИН. По-моему, сложные, да?

А. КОРЕШКОВ. Очень и очень.

А. СВОБОДИН. Что же касается адреса вашего юмора, то, кажется, у нас нет разногласий: он должен быть более конкретным и мобильным, освещенным улыбкой не вчерашнего, а наступившего дня...

Разговор за «круглым столом» записал и участников фотографировал Григорий ЦИТРИНЯК

АМЕРИКА НА ОГРАНИЧИТЕЛЕ

АМЕРИКА на ограничителе. Энергетический кризис, рост цен на бензин, знаки, лимитирующие скорость на автострадах...

Америке на ограничителе. Не потому, что слишком рвется вперед, а потому, что чересчур зарвалась. Будущее предъявляет счет за прошлое, и расплачиваться приходится Америке современной. Недаром фильм «Америка спустя три года»* начинается с рассуждений о времени, о его быстротечности. И хотя непосредственным поводом для подобного пролога служит предыдущий фильм того же автора — «Америка. Осень-71» (в работе над которым довелось участвовать и мне), речь, по существу, идет о более широких временных категориях.

Рецензируемый фильм рассказывает о той исторической трансформации, через которую проходят ныне Соединенные Штаты. Он помогает понять, почему некоторые гарвардские интеллектуалы неожиданно заговорили о преимуществах социализма, а некоторые пентагоновские генералы — о «спасителе на белом коне»; почему президент Кулидж позволял себе роскошь послеобеденного сна, а президент Форд работает четырнадцать часов в сутки; почему «укрощение молодежи» — только затишье перед бурей, а «расовый мир» — все те же гроздья гнева, лишь элегантно расфасованные и разложенные на полках американского пропагандистского супермаркета (кстати, рассказ о вылазках расизма в Бостоне, цитадели либерального истеблишмента Америки, один из лучших кусков картины).

Америка на ограничителе. С ее автострад сняты такие дорожные знаки, как «Новые границы» Джона Кеннеди и «Великое общество» Линдона Джонсона. Мелькают иные: «Инфляция», «Спад», «Безработица». Авторы фильма везут нас мимо этих новых опознавательных знаков, которыми утыканы и уличка под названием Уолл-стрит, и бездорожье Аппалачей. Везут они нас и по нью-йоркской Пятой авеню, задерживаясь перед небоскребом, который строил миллиардер Онассис. Я употребляю глагол «строить» в прошедшем времени потому, что через несколько дней после выхода фильма на экран Онассис умер. Конечно, небоскреб достроят, но у его новых хозяев, как и у предыдущего, будет все, кроме будущего. Я не знал Онассиса лично. Лишь однажды видел его мельком в ресторане «Четыре времени года». Но зато я хорошо знаю другого персонажа рецензируемого фильма — слепого негра с собакой-поводырем. Живя пять лет в Нью-Йорке, я почти каждый день сталкивался с ним в городской сутолоке. Два старика, и оба без будущего: миллиардер и нищий!

Публицистически заостренный образ — главное художественное и политическое достоинство фильма. Он не только убеждает, но и волнует. В результате достигается эффект присутствия. Кажется, что и ты едешь по автострадам Америки, все более превращающимся в дистанцию для гонок с препятствиями.

Пергамент, на котором пишется история капитализма, сокращается, словно бальзаковская шагреневая кожа. Жаклин Кеннеди, рыдающая над гробом президента, — это еще трагедия. Жаклин Онассис, рыдающая над гробом «короля танкеров», — уже фарс.

История не любит повторяться. Если говорить по большому счету, фильм «Америка спустя три года» именно об этом. Трудный путь пришлось проделать Соединенным Штатам, чтобы осознать реальность нашей эпохи. На политику «массированного возмездия» Даллеса наложен ограничительный знак «пределов возможного» Киссинджера; на захватское «нам все нипочем» — опасливое «почем?» и в бакалейной лавке, и на Капитолийском холме. Лихачество в политике и экономике давно уже не поощряется общественностью Америки и не поднимается на щит ее дальновидными капитанами. Автострады, покрытые льдами «холодной войны» или размягченные жаром нездорового экономического бума, ведут в пропасть. Цитируя заключительные слова фильма, можно сказать: «Америка сбавила скорость, вынуждена сбавить». Правильный диагноз.

Мэлор СТУРУА

* Автор фильма В. Зорин, режиссер А. Семенов, оператор П. Федоров. Объединение «Экран».

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ИМЕЕТ В ПРОДАЖЕ
и высылает наложенным платежом (с оплатой на почте при получении)
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСКОЙ ССР. «Советский художник», 1974. Ц. 7 р. 91 н.
ИСКУССТВО ПОЛЬШИ. «Изобразительное искусство», 1974. Ц. 10 р. 03 н.
КАНЦЕДИКАС А. Литовская народная скульптура. «Советский художник», 1974. Ц. 4 р. 42 н.
ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ. Фотоальбом. Текст на русск., англ., нем. и франц. языках. «Советская Россия», 1972. Ц. 9 р. 83 н.
Заказы направлять по адресу: 121019, Москва Г-19, п/я 42, проспект Калинина, 26, МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ.

НАВСТРЕЧУ БРЮССЕЛЬСКОЙ АССАМБЛЕЕ

Альбер ГАЙЯР:

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Альбер Гайяр, член Всемирного Совета Мира, хорошо известен французской и международной общественности. С тех пор, как 26 лет назад возникло Всемирное движение сторонников мира, деятельность А. Гайяра неразрывно связана с борьбой за мир, за утверждение принципов мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем. 65-летний пастор — один из руководителей французского движения за мир, председатель Французского комитета за безопасность и сотрудничество в Европе.

Пастор принял меня в своей квартире на улочке Вэнтимилль, в девятом округе Парижа.

— Вместе со 120 французскими делегатами, — говорит он, — я участвовал в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве в октябре 1973 года. Большое впечатление произвела тогда на всех нас речь Л. И. Брежнева. В ней содержался глубокий и всесторонний анализ международной обстановки, определялись задачи борьбы за становление прочного мира и безопасности, которые служат для всех людей доброй воли ориентиром и руководством к действию. В духе решений московского конгресса и должны настойчиво трудиться сторонники мира!

Этот год особенно знаменателен для народов Европы. Ведь 30-я годовщина Победы над фашизмом имеет для них особый смысл. Хорошо помню день 8 мая 1945 года. Я тогда находился в Париже. Весть о победе вызвала во Франции настоящий взрыв радости. Миллионы жителей столицы и ее пригородов заполнили Елисейские поля, прилегающие к ним улицы и площади. Люди пели, целовались, смеялись... Я думал тогда о своих друзьях, сосланных в концлагеря. Сколько не вернулось! Сколько погибло в нацистском аду от голода, болезней, пыток! Главное, чтобы эти жертвы были не напрасными.

Каждому известно, какую роль сыграл Советский Союз в разгроме третьего рейха: Сталинградская битва и героическое сопротивление Ленинграда живы в памяти у всех. Именно на территорию СССР нацистская Германия обрушила свои самые мощные разрушительные средства. Но именно здесь и было окончательно подорвано ее могущество. Французы, каковы бы ни были их политические убеждения, хорошо знают, чем обязаны Советскому Союзу Франция и вся Европа за избавление от нацизма.

Мы не можем забыть уроки второй мировой войны, не можем допустить, чтобы над человечеством вновь возникла угроза катастрофы. Это было бы безумием! Поэтому все усилия общественности должны быть направлены сейчас на то, чтобы сделать необратимым процесс разрядки, начавшийся в последние годы.

В конце апреля около 600 делегатов из стран Западной и Восточной Европы — политические деятели, ученые, писатели, представители профсоюзов, религиозных кругов—соберутся на вторую Ассамблею общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. Основная цель ассамблеи — высказаться за скорейшее завершение на высшем уровне работы Общеевропейского совещания. Участникам ассамблеи предстоит обсудить такие проблемы, как коллективная безопасность, прекращение гонки вооружений, дополнение политической разрядки военной и т. д. Европейская общественность должна сделать все, чтобы мир на земле восторжествовал навечно. В этом ее священный долг перед будущими поколениями нашей планеты.

Владимир ДМИТРИЕВ,
корреспондент Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ПАРИЖ. (По телефону)

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

Бранко ЧОПИЧ

ТЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

Дальнейшему развитию дружественных отношений между СССР и Югославией способствовал визит в нашу страну члена Президиума ЦК Союза коммунистов Югославии, Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедича. На встрече Л. И. Брежнева с югославским гостем было выражено удовлетворение успешным развитием советско-югославских отношений, взаимное стремление и впредь укреплять всестороннее сотрудничество между двумя государствами, КПСС и СКЮ, братскую дружбу народов наших стран.

О боевом советско-югославском содружестве в годы второй мировой войны говорит сегодня югославский писатель Бранко Чопич.

Как только мы узнали, что в марте 1941 года югославское правительство подписало пакт с гитлеровской Германией, все прогрессивные люди нашей страны поднялись на борьбу и 27 марта 1941 года свергли предательское правительство Цветковича — Мачека. Это был решительный разрыв с гитлеровской коалицией.

Когда вскоре после этого, в апреле 1941 года, Югославия была порабощена, прогрессивные и свободолюбивые силы, руководимые Коммунистической партией, восстали против оккупантов. В этой борьбе нашей первой опорой и союзником был Советский Союз. Он являлся той силой, которая своим мощным моральным и материальным потенциалом давала надежную гарантию того, что человечество добьется победы над гитлеровскими поработителями.

Эта вера в Советский Союз вдохновляла всех наших борцов, она явилась той неизмеримой моральной силой, которая поддержала нас в тяжелой схватке с оккупантами и внутренними предателями.

Никогда не забуду те героические дни, полные энтузиазма, веры и надежды.

Боевое содружество наших народов, рожденное в совместной борьбе против фашизма, всегда наполняло нас уверенностью, что общими усилиями мы победим нашего смертельного врага—фашистскую коалицию. Это боевое содружество помогло нам выстоять в битве с фашистским зверем и создать государство подлинно освобожденного трудового человека, родину рабочих, крестьян и народной интеллигенции.

Нынешнее молодое поколение должна вдохновлять наша славная борьба против фашизма и всех форм тирании, на ее примере оно должно учиться, как надо сражаться за свободу родного народа и всего человечества. Эта борьба есть и будет неиссякаемым источником вдохновения в творчестве молодых деятелей литературы и искусства наших народов, в их работе над созданием художественных произведений о тех великих днях. Чем дальше, тем больше пример борьбы наших народов освещает путь молодому поколению.

В мировой истории Великая Отечественная война Советского Союза остается уникальным, неповторимым примером.

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

21 апреля исполняется 30 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

На снимке: *Гданьская судоверфь, где строятся суда по заказу СССР.*

СЕМЬ ДНЕЙ В АПРЕЛЕ...

ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ:

ВЕСНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Весна 1975 года навсегда войдет в историю национально-освободительного движения вьетнамского народа. Как прорывают дамбы и плотины вышедшие из берегов реки, так вырвалась в Южном Вьетнаме наружу волна народного возмущения. И никакие преграды не в состоянии ее остановить. От ненавистного режима Тхиеу чуть ли не каждый день в марте и апреле освобождалась одна провинция за другой. За короткий срок Сайгон потерял все Центральное плато. Вряд ли там забыли старое вьетнамское изречение: «Кто владеет Центральным плато, тот и контролирует Южный Вьетнам».

Знамя освобождения поднято на высокой мачте старой цитадели Хюэ, крупного исторического, политического и культурного центра Вьетнама. Сотни раз воспет Хюэ поэтами, писателями и музыкантами. Здесь состоялось отречение от власти последнего короля из династии Нгуенов — Бао Дая. Утром 23 августа 1945 года комитет восстания города Хюэ предъявил Бао Даю требование, чтобы он немедленно отрекся от власти и передал ее народу. Днем на стадионе состоялся многолюдный митинг. Председатель комитета восстания, ныне известный во Вьетнаме поэт и писатель То Хыу торжественно провозгласил ликвидацию императорской власти и представил собравшимся членов Временного народно-революционного комитета. Над главными воротами цитадели Нго Мон был поднят красный флаг. Спустя несколько дней по указанию товарища Хо Ши Мина в Хюэ прибыла специальная делегация, которая присутствовала на официальной церемонии отречения Бао Дая. Он передал представителям восставшего народа эмблему королевской власти — массивную золотую печать весом около 10 килограммов и шпагу в ножнах, отделанную нефритом.

По женевским соглашениям 1954 года территория Вьетнама южнее 17-й параллели отошла в сайгонскую зону. Жители Хюэ вскоре начали новую борьбу за свое освобождение. Именно здесь осенью прошлого года зародилось массовое политическое движение среди студентов, преподавателей, буддистов и католиков по разоблачению преступлений Нгуен Ван Тхиеу. Из Хюэ распространился по городам Южного Вьетнама известный обвинительный акт № 1, который изобличал коррупцию, казнокрадство и мошенничество среди группировки Тхиеу. Когда вооруженные силы патриотов подошли к городу, в нем вспыхнуло восстание против сайгонского режима. Хюэ был освобожден.

На день позднее сайгонские войска оставили Дананг — второй по величине город Южного Вьетнама с населением более 600 тысяч человек. Ему тоже суждено было сыграть немаловажную роль в истории борьбы вьетнамского народа. Именно в Дананге 31 мая 1858 года высадились первые французские колонизаторы. Позднее они навязали городу особый статус, чтобы иметь возможность использовать его в колониальных целях. После 1954 года через Дананг стали прибывать в Южный Вьетнам первые американские военные контингенты.

Но не всегда Дананг был воротами, через которые проникали во Вьетнам агрессоры. После подписания парижского соглашения США были вынуждены вывести свой экспедиционный корпус. 29 марта 1973 года последние подразделения американских войск покинули Южный Вьетнам. Они отплыли из порта Дананг. Теперь из него бежали и сайгонские солдаты.

Хюэ, Дананг, Контум, Плейку, Далат, Куангчи — около 20 провинциальных центров вырвалось из-под ненавистной власти режима Тхиеу.

В эти дни в центре Ханоя, на берегу озера Возвращенного Меча у большой карты Вьетнама постоянно собирается много людей. Они обсуждают последние новости с юга. Эти новости для них сейчас самые важные, самые срочные. Ведь в Южном Вьетнаме на глазах меняется политическая ситуация.

Леонид КРИЧЕВСКИЙ,
корреспондент Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ХАНОЙ. (По телефону)

Насильственный вывоз детей из Южного Вьетнама вызывает решительное и всеобщее осуждение международной общественности. Совершенно очевидно, что цель операции — спекулятивными рассуждениями о «милосердии» отвлечь внимание от того факта, что именно Соединенные Штаты несут главную ответственность за бедственное положение большинства населения на территории, пока еще находящейся под контролем сайгонского режима. Ниже мы приводим высказывания зарубежной печати по этому поводу.

ДОСЬЕ «ЛГ»

ПОД КОДОВЫМ НАЗВАНИЕМ «БЭЙБИЛИФТ»

Из Сайгона, где царит нервозная обстановка, в Соединенные Штаты в рамках операции «Бэйбилифт» («Воздушный мост для детей». — Ред.) на самолетах вывозятся южновьетнамские дети. Во время катастрофы «С-5А Гэлакси» — первого самолета, предназначенного для этой цели, — погибло 140 сирот.

Рейтер

Один южновьетнамский лейтенант с горькой иронией сказал: «Приятно видеть, как вы, американцы, захватываете домой сувениры из нашей страны — фарфоровых слоников и сирот. Жаль, что некоторые из них разбились, ну да ничего, у нас их еще много...»

Другой вьетнамец добавил: «То, что произошло,— ужасно. Но в какой-то степени катастрофа с самолетом, в котором находились дети, — символ деятельности американцев во Вьетнаме... Это ваш прощальный привет».

«Нью-Йорк таймс» (США)

Сенатор Дж. Хелмс (республиканец от штата Северная Каролина) призвал использовать 7-й флот для «эвакуации всех беженцев, которые хотят покинуть Южный Вьетнам».

ТАСС

Директор управления международного развития США Дэниэл Паркер заявил, что Соединенные Штаты разместили шесть судов у побережья Южного Вьетнама для эвакуации 200 000 беженцев.

Ассошиэйтед Пресс

Вашингтон так близко принимал к сердцу судьбу этих детей, что в прошлогодних ассигнованиях в бюджете США на «восстановление» Южного Вьетнама на заботу о сиротах и инвалидах войны предназначалось... менее 0,5 процента.

Этих сирот используют сейчас для того, для чего всегда использовали беженцев. Утверждения о том, что половина вьетнамского народа «бежит от красных орд», просто не соответствуют действительности.

«Дейли миррор» (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Группа оппозиционных политических деятелей передала в печать письмо одного высокопоставленного чиновника, в котором он, ссылаясь на американского посла Грэхэма Мартина, писал, что нынешняя эвакуация сирот «поможет произвести в американском общественном мнении сдвиг в пользу Южного Вьетнама» (имеется в виду сайгонский режим. — Ред.).

В заявлении, приложенном к этому письму, оппозиционные политические деятели во главе с адвокатом Чен Нгок Лиенгом охарактеризовали эту эвакуацию как «бесчеловечный план американского и южновьетнамского правительства...»

Ассошиэйтед Пресс

После пяти лет помощи феодальному правительству, которое они презирали, и ведения войны, которая, как они знали, являлась безнадежной, Соединенные Штаты не могут продемонстрировать ничего, кроме печальной эвакуации.

«Нью-Йорк таймс» (США)

Акция «Воздушный мост для детей» встречает сильную критику не только в самом Вьетнаме, но и в государствах Востока и Запада.

«Зюддойче цайтунг» (ФРГ)

Перед лицом катастрофической для сайгонских войск военной ситуации правительство США обсуждает возможность вмешательства во Вьетнаме... Из информированных кругов сообщили, что морская пехота США готова высадиться в Сайгоне...

«Франкфуртер рундшау» (ФРГ)

Что касается так называемой «гуманной эвакуации», то это попросту чисто военная мера с целью обеспечить отступление разгромленных сайгонских войск в районы, еще контролируемые Сайгоном, для того чтобы позволить клике Тхиеу продолжать войну. С другой стороны, эти действия направлены на то, чтобы принудить многих жителей, в частности семьи солдат и служащих, покинуть свои родные города, что причинило безмерное горе и страдания этим насильственно перемещенным людям. На кораблях, на которых их перевозили, эти жители подвергались серьезным притеснениям, насилиям и убийствам со стороны сайгонских войск. Многие дети, оставленные без воды и пищи, умерли в страшных мучениях.

Более 100 детей погибли в результате падения американского самолета, который перевозил их в Соединенные Штаты. Правительство Соединенных Штатов и клика Нгуен Ван Тхиеу должны целиком нести ответственность за эти смерти, за эти страдания и несчастья.

Из заявления представителя ВРП РЮВ

Этих ребятишек в аэропорту Сайгона отправят сейчас на чужбину.

Фото из газеты «Франкфуртер альгемайне» (ФРГ)

ХА-ХА!

ОСТАЛИСЬ ОТ КОЗЛИКА...

Мораль детской сказки о козлике, который пошел в лес, не зная волчьих повадок, еще раз подтвердилась в истории незадачливого «поэта и коллекционера» Александра Глезера, недавно отправившегося на поиски «красивой жизни» за пределы нашей страны.

Сейчас трудно сказать, как и когда познакомился он в Москве с двумя бойкими шведскими журналистами У. Стенхольмом и С. Фредриксоном. Известно одно: знакомство это сделало Глезера «знаменитостью». О нем стали писать на Западе, в его «салон» захаживали богатые иностранцы, пожелавшие купить картины из коллекции так называемого «советского авангарда», ему дарили заморские сигареты и вина.

Может быть, Глезера иногда и беспокоило, что «слава» его была с душком, но «друзья» были рядом и старательно развеивали все сомнения. Они заботливо опекали Глезера и не раз за бутылкой джина втолковывали ему, что «здесь», на Востоке, его не понимают, что настоящая жизнь и полная свобода — только «там», на Западе.

Вышедшая из-под пера Стенхольма и Фредриксона слезливая история о страданиях «непризнанного поэта и знатока живописи» была с восторгом встречена буржуазной прессой. Оба журналиста неплохо на ней заработали. У Глезера тоже все шло, как ему хотелось: «салон» процветал, а сам «коллекционер» готовился к новой жизни, которую обещали устроить новые друзья, как только он окажется за рубежом.

Но дальше дела пошли, как в старой сказке. Глезер со своей «коллекцией» оказался в краях, куда его настойчиво зазывали «доброжелатели». Первое же знакомство западной публики с его картинами, на которых он надеялся разбогатеть, принесло разочарование и той, и другой стороне. Реклама, созданная «известному пропагандисту неконформистского искусства», при ближайшем рассмотрении оказалась рекламой залежалого товара. На Западе, как указывала в статье о выставке картин из «коллекции» Глезера швейцарская газета «Нойе цюрхер цайтунг», подобный товар не имеет ни политического, ни художественного значения. Следовательно, и финансового. Вот вам и «красивая жизнь» Александра Глезера! Как говорится в нашей сказке, остались от козлика...

Впрочем, до этого еще не дошло. Можно ведь обратиться за помощью к своим «благодетелям». Тем более что один из них, Стенхольм, раньше времени покинул нашу страну за деятельность, несовместимую со статусом иностранного журналиста. Но, увы, он поспешил публично отмежеваться от нуждающегося путешественника, не пожалев, вероятно, разделить с ним гонорар, заработанный описаниями «трудностей поэта».

Другой же приятель, Стиг Фредриксон, пока молчит. Да и что он может сделать, если Глезер теперь «там», а он пока «здесь», в Москве, в ожидании новых серых козликов.

В. КАЗАКОВ

СУДИТЕ САМИ

«КОЛОННА 88» ТРУБИТ СБОР

В местечке Уорнингланд (Сассексе), известном до сих пор тем, что здесь когда-то жил знаменитый поэт Теннисон, намечено отпраздновать 20 апреля день рождения Адольфа Гитлера.

«Явиться на торжества следует в парадном мундире, при орденах и медалях, пряжки, ремни и сапоги должны сверкать...»

В руки полиции попало приглашение, разосланное фашистской организацией «Колонна 88» единомышленникам в Италию, ФРГ, Швецию, Испанию. В Англию должны прибыть делегаты от НДП, итальянского социального движения, испанского «круга друзей» и прочих «союзов» коричневой масти. Стало известно также, что подобное сборище уже устраивалось ровно год назад в строжайшей тайне, с соблюдением нацистских ритуалов. «Меня встретили на станции Свиндон, — рассказал один из тогдашних участников, — повезли в незнакомый дом. С телефонных аппаратов там были откручены наборные диски — не позвонишь... Тем, кто оказался в цивильном, были выданы кителя, брюки, сапоги. Среди гостей был племянник Мартина Бормана...»

О вновь намеченной встрече фашистов рассказывают короткие, подчеркнуто информационные сообщения. Без намека на гнев или иронию по случаю столь необыкновенного юбилея. Это характерно: о нацизме, Гитлере, прошедшей войне буржуазная пресса, кино, расхожая литература чаще всего говорят так, что не понять ни истоков этой войны, ни причин поражения фашизма. Точнее, суть этих истоков затуманена и извращена. Все мы люди, все мы человеки, у каждого есть и слабости, и достоинства — вот главный «психологический» мотив, объясняющий деятельность «фюреров» разного калибра.

В тот же день в тех же газетах, где были тиснуты заметки о «Колонне 88», напечатаны рецензии на очередную книгу об Освальде Мосли — родоначальнике британского фашизма. Можно узнать, что это был «блестящий оратор», «несгибаемый патриот», даже «романтик». В 30-е годы английские рабочие били чернорубашечного «романтика», когда тот появлялся на улицах во главе своей колонны. Сегодня «Обсервер» изобретает для него такую формулу: «человек огромных талантов, погубивший себя своим упрямством и нетерпеливостью». Как «тонко»! И как бесхребетно...

В подобных взглядах на историю почти не маскируется тенденция взглянуть на нее не с высоты прошедшего времени, а сквозь «интимную», через замочную скважину. Объявлено, что лондонское телевидение скоро покажет фильм о любовных приключениях Муссолини. Актер Роберт Харди поначалу думал отказаться от участия в съемках лишь потому, что сомневался, достигнет ли портретного сходства с дуче. Оказалось, что достигнет, что нечто общее есть. Тогда он заявил, что постарается «вызвать симпатии к своему герою».

И «фюреры» любить умеют. Они, как все, их надо понять и, может быть, простить. Таков оправдательный лейтмотив целого косяка фильмов о бесноватом ефрейторе, прошедших за последние год-полтора по лондонским экранам. Как особо интересная лента преподносится «Свастика», смонтированная из любительских фильмов, снятых когда-то Евой Браун. Добродушный, мещанистый господин с отвислым животом и округлыми жестами — таким и увидел Гитлера на экране. Трезвый, воздержанный, уравновешенный. Фильм хочет убедить — это очень важно для «понимания всех особенностей личности Адольфа Гитлера». Ну, а для понимания нравственного суда над гитлеризмом?

Жизнь отвечает на этот вопрос жестко, недвусмысленно: несколько дней назад едва не был убит английский школьник Кристофер Пирсов. Его покалечил гаечным ключом учитель Майкл Сеньор. На суде выяснилось, что учитель приобщал детей к нацизму. Сеньор прокручивал школьникам записи речей «фюрера». Иногда декламировал их сам наизусть.

Мать Кристофера говорит: «Когда мой сын приезжал домой на каникулы, он безостановочно выпаливал антисемитские лозунги». Мистер Сеньор бил Кристофера потому, что заподозрил его в предательстве.

И кого-то еще потопчет сапогами «Колонна 88», трубящая сбор в эти дни?

Эдгар ЧЕПОРОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

ЛОНДОН. (По телефону)

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

КАК НАГРАЖДАЛИ «ОСКАРОМ»

Каждую весну американская Академия киноискусства присуждает премии «Оскар» за высшие достижения в области кино.

Лучшим фильмом 1974 года признан «Крестный отец — часть вторая» режиссера Фрэнсиса Копполы. Лучшей актрисой — Эллен Барстин за роль в фильме «Алисе здесь больше не живет». Лучшей актрисой вторых ролей — Ингрид Бергман. Фильм Федерико Феллини «Амаркорд» был назван лучшим иностранным фильмом.

«Крестный отец — часть вторая» собрал рекордное число «Оскаров» — в общей сложности шесть, по разным категориям. В связи с этим некоторые критики не без основания замечают, что «изображение на экране насилия — дело беспроигрышное».

Итак, во Дворце искусств в Лос-Анджелесе состоялась пышная церемония чествования победителей.

Три тысячи зрителей предвкушали увидеть традиционное «шоу» с речами, поклонами, тостами и шутками. Все шло как по маслу — главный церемониймейстер голливудский комик Боб Хоуп называл имена, и на сцену один за другим выходили режиссеры, сценаристы и актеры, чтобы получить вожделенную золотую статуэтку «Оскар» — символ признания в американском киномире.

Вышел и Берт Шнайдер, режиссер документального фильма «Сердца и головы», рассказывающего о недавней войне во Вьетнаме. Но вместо обычных приветствий в адрес академии режиссер сказал, что празднество в Лос-Анджелесе он воспринимает с иронией, так как во Вьетнаме народ все еще борется за свою независимость. Далее Берт Шнайдер огласил телеграмму, полученную им от представителя Фронта освобождения Южного Вьетнама на переговорах в Париже Динь Ба Тхи, в которой выражалась благодарность создателям фильма за поддержку справедливой борьбы вьетнамского народа.

И тут «ястребы», спокойно восседавшие в своих академических креслах, нахохлились. Первым вскочил Боб Хоуп (уж кто, как не он, потрудился на ниве этой позорной для американцев войны — сколько раз летал во Вьетнам, чтобы своими ура-патриотическими шуточками поднять дух солдат). Боб Хоуп подлетел к Фрэнку Синатре и протянул ему клочок бумаги. Синатра, который, по мысли устроителей, должен был пропеть что-нибудь подобающее случаю, вместо этого зачитал своим бархатным голосом официальное заявление академии: «Мы не несем ответственности за какие бы то ни было политические высказывания и выражаем сожаление по поводу того, что они имели место».

Известная американская актриса Ширли Маклейн резко возразила Синатре, что она тоже член академии, но подобное заявление противоречит ее убеждениям. Популярный актер Уоррен Бити также выступил против «сочинения» Боба Хоупа и Фрэнка Синатры.

Сценарий торжеств затрещал по всем швам. Честные деятели американского киноискусства не захотели играть роль статистов в этом «шоу», которое, по мысли его устроителей, должно было символизировать голливудскую традицию «невмешательства» в политику.

«Нет машины, которая сыграла бы за актеров»,—говорил Карел Чапек. Даже машина пропагандистская не в состоянии заставить замолчать тех, кто не верит лживым заверениям, будто Пентагон снова «защищает» интересы вьетнамского народа, посылая корабли и самолеты для спасения марионеточного режима Тхиеу.

А. ИВАНОВА

ТЫЛ — ФРОНТУ!

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Говорить сегодня о подвиге тыла в Великой Отечественной войне — это значит говорить о прекрасных советских людях-тружениках, которыми так богата наша страна, говорить о рабочих, колхозниках, нашей интеллигенции. Они боролись за металл, уголь, хлеб, за производство оружия и военных машин с таким же самопожертвованием, упорством и героизмом, с каким сражались на полях войны солдаты Красной Армии.

Вторая мировая война по своему размаху и напряженности, по количеству людей и боевой техники, в ней участвовавших, по невиданным материальным разрушениям превзошла все войны прошлого. На службу ей были поставлены гигантские производственные мощности. В фашистской Германии и зависимых от нее странах производилось тогда в 1,5 раза больше стали, в 2,5 раза больше угля, чем в СССР.

Когда в начале войны гитлеровские стратеги «списали» со счетов более 1500 советских заводов, они и представить себе не могли, что в фантастически короткие сроки эти заводы возродятся и дадут военную продукцию. Перелом в экономике, начавшийся в 1942 году, получил дальнейшее развитие в 1943 году, когда промышленность и транспорт добились замечательных успехов. А 21 июня 1944 года на пороге четвертого года войны, Советское информбюро с гордостью сообщало, что наша страна обладает могучим военным хозяйством, которое удовлетворяет потребности Красной Армии в вооружении, боеприпасах, продовольствии и снаряжении. Былое превосходство врага в количестве танков и авиации осталось позади, а экономические возможности Советского Союза растут изо дня в день.

«Великий подвиг совершили рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые своим самоотверженным трудом вместе с воинами Вооруженных Сил ковали победу над врагом, на протяжении всей войны фронт и тыл представляли собой единый боевой лагерь» — так оценивается в постановлении ЦК КПСС «О 30-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» героическая деятельность тружеников тыла.

Из поколение в поколение будет передаваться слава о тех, кто в годину грозных испытаний защищал Советскую Родину с оружием в руках, и о тех, кто ковал это оружие, кто строил танки и самолеты, кто варил сталь для снарядов, кто своими трудовыми подвигами был достоин воинской доблести бойцов.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ТАНК «МАРФА БЕЛОГЛЯДОВА»

...Май сорок третьего, военного года. На площади села Манино Калачеевского района Воронежской области выстроились новенькие танки-«тридцатьчетверки». Тут же, рядом — сколоченная наскоро трибуна...

Колхозницу Марфу Ивановну Белоглядову пригласили на митинг: первому механизированному корпусу передавался танк, построенный на ее трудовые сбережения. В то суровое время, когда собирали средства на танковую колонну «Воронежский колхозник», Белоглядова одна из первых внесла сто тысяч рублей в Фонд обороны.

А после митинга Марфу Ивановну подвели к танку, еще пахнувшему свежей заводской краской. На башне было выведено: «Марфа Ивановна Белоглядова». Перед боевой машиной выстроился экипаж — молодые, подтянутые танкисты, и один из них, двадцатилетний командир Михаил Власенко сказал:

— Уважаемая Марфа Ивановна! Нашему экипажу выпала большая честь — громить фашистов на вашем танке. Мы клянемся, что будем бить врага до полной победы!

Колхозница подошла к лейтенанту, обняла его по-матерински, поцеловала. Затем обратилась к экипажу:

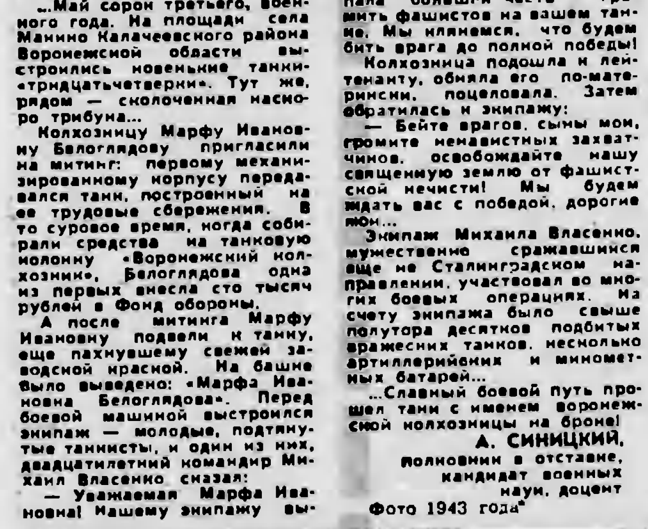
— Бейте врагов, сыны мои, громите ненавистных захватчиков, освобождайте нашу священную землю от фашистской нечисти! Мы будем ждать вас с победой, дорогие мои...

Экипаж Михаила Власенко, мужественно сражавшийся еще на Сталинградском направлении, участвовал во многих боевых операциях. На счету экипажа было свыше полутора десятков подбитых вражеских танков, несколько артиллерийских и минометных батарей...

...Славный боевой путь прошел танк с именем воронежской колхозницы на броне!

А. СИНИЦКИЙ, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент

Фото 1943 года



«Свердловский комсомолец» — эти слова выводили на башнях боевых машин члены ударных фронтовых бригад, работавшие на наших заводах в грозовую военную пору. Имя «Свердловский комсомолец» носили три танковые колонны, построенные на средства, собранные молодежью Среднего Урала и сработанные руками молодых уральцев.

И вот вновь, как и три десятилетия назад, комсомольцы Свердловской области ведут сбор средств на колонну «Свердловский комсомолец». На этот раз речь идет о мирной колонне — эшелоне цельнометаллических вагонов для Байкало-Амурской магистрали.

Уже прошло много субботников, девизом которых стал нестареющий лозунг: «Даешь «Свердловский комсомолец»!» Заработаны сотни тысяч рублей в фонд создания эшелона.

И мы уверены, что в канун всенародного праздника — 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне — с подъездных путей Уралвагонзавода уйдет мирный эшелон, воплотивший в себе трудовой энтузиазм молодых уральцев, свято хранящих традиции отцов.

А. ФИЛИППОВ

«ВАШЕ ДЕЛО ДАЛЕКО ВИДНО»

В Рубцовске, в музее Алтайского ордена Ленина тракторного завода имени М. И. Калинина на почетном месте висит памятная фотография: писательница Мариэтта Шагинян среди руководителей и рабочих завода в военном 1943 году. И письмо, адресованное коллективу завода. Мариэтта Сергеевна писала:

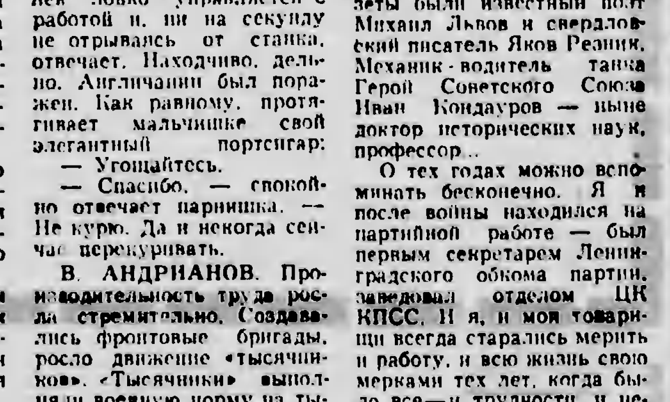
Дорогие товарищи! Поздравляю вас с блестящей работой и высокой наградой, знаменем ВЦСПС и Наркомсредмаш за июль 1943 года. Поздравляю лучший из лучших цехов — механосборочный. Ваша работа тем ценнее в нужнее стране, что вы находитесь на отлете, в районе, где почти нет техники, и таким образом сами становитесь очагом и проводником нашей советской технической культуры. А это много значит. На вас обращены глаза страны, ваше дело далеко видно... У вас есть замечательные работники, на некоторых, например на 15-летнюю Нюсю КОНЬКОВУ, хочется смотреть не отрывая глаз, так она ладно и быстро работает...

Пусть уже выросший здесь, на Алтае, молодой АТЗ покажет сейчас, в решающие месяцы войны, еще больший патриотизм, еще большую любовь к родной земле и заслужит славу передового, лучшего завода, помощника фронта!

Мариэтта ШАГИНЯН
18 августа 1943 г.

— Эта старая фотография, — рассказывает М. И. Воронин, нынешний директор завода, — напоминает нам о титаническом труде людей, приехавших в буквальном смысле слова на голое место, в далекий малоизвестный сибирский город, да и не город вовсе, а на маленькую станцию Рубцовка, чтобы в небывало короткий срок пустить эвакуированный из прифронтового тогда Харькова тракторный завод. Страна думала о своем завтрашнем дне. Он был единственным в годы войны, наш завод, с конвейера которого сходили мирные сельскохозяйственные машины.

С тех пор прошло более тридцати лет. Если бы Мариэтта Шагинян приехала к нам сейчас, то, конечно, порадовалась бы вместе с нами. Алтайский тракторный превратился за послевоенные годы в крупное промышленное предприятие, стал центром тракторостроения Сибири.



Мариэтта Шагинян среди тракторостроителей, 1943 г.

ВОЙНУ ОТ СТАЛЕВАРА

Уважаемая редакция!

Хочу рассказать вам об основателе замечательной династии кузнецких металлургов — Александре Яковлевиче Чалкове. Его комсомольско-молодежная бригада за два первых военных года дала столько металла сверх плана, что из него можно было изготовить 24 тяжелых танка, 36 пушек, 15 тысяч минометов, 100 тысяч гранат и 18 тысяч автоматов.

В 1943 году за достижение высоких показателей Александру Яковлевичу Чалкову, одному из первых кузнечан, была присуждена Государственная премия. Тогда он написал в Москву: «...В эти суровые дни я считаю своим первейшим долгом давать больше металла фронту, нашей героической Красной Армии, чтобы быстрее разгромить фашистских бандитов. Даю слово, что в 1943 году выдам сверх плана 4 тысячи тонн высококачественной продукции и сварю 70 скоростных плавок. Прошу из причитающейся мне премии перечислить в фонд Верховного Главного командования 30 тысяч рублей, и вооружение, изготовленное на эти деньги, вручить моим землякам, бойцам 22-й Сибирской гвардейской дивизии. Пусть наши сибиряки еще крепче и беспощаднее бьют врага!»

Вскоре во многих подразделениях прославленной дивизии появились новенькие автоматы с надписью: «Сибиряку — от сталевара Чалкова». Это оружие вручалось лучшим воинам как награда за подвиг.

Приехал на комбинат молодой воин, на митинге зачитали приказ командира о зачислении сталевара А. Я. Чалкова почетным гвардейцем Сибирской дивизии. Тут же, в цехе, на митинге сталевару вручили боевой гвардейский значок.

Сегодня ветеран на заслуженном отдыхе. И по сей день его грудь украшает значок гвардейца — рядом с двумя орденами Ленина и другими почетными наградами.

И. ЧИРКОВ

На снимке: А. Я. Чалков с сыновьями Юрием, Валентином, Александром, Борисом, Валерием. Все пятеро — металлурги, работают на комбинате.

РАТНЫЙ ПОДВИГ УРАЛА

В первые месяцы Великой Отечественной войны на Урал были переброшены многие оборонные заводы страны из районов, которым угрожал враг. От того, как скоро будет налажен выпуск танков, пушек, снарядов, зависели победы Красной Армии. Огромная ответственность легла тогда на плечи уральских коммунистов.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Тот груз, до срока зачехленный,
Стволов и гусениц везли, —
Тогда, бывало, поголовно
Весь фронт, широкий повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
— Батюшка Урал...

Так писал Александр Твардовский в поэме «За далью — даль».

И «батюшка Урал» не подвел. Рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины, коммунисты и комсомольцы, объединенные единой волей, в небывало короткие сроки поставили промышленность Урала на военные рельсы. На фронт пошли первые эшелоны.

Прошло тридцать лет... За «круглым столом» редакции собрались ветераны героического тыла Великой Отечественной, свердловские коммунисты, которым партия поручила в грозном сорок первом создать оборонную мощь Урала.

Василий Михайлович Андрианов был тогда первым секретарем Свердловского обкома партии, а Александр Павлович Панин — вторым секретарем, ведающим вопросами промышленности. Парторгом ЦК ВКП(б) на славном Уралмашзаводе работал Михаил Леонтьевич Медведев.

В. АНДРИАНОВ. В трудные дни осени сорок первого мы получили срочную правительственную телеграмму. Лаконичные строки звучали приказом. Враг подходит к Москве. Красной Армии жизненно необходимы танки и самолеты. Сейчас. Сегодня. Срыв задания равносилен проигранному сражению.

Обком обратился к рабочим. На Уральском заводе тяжелого машиностроения я прочитал правительственную телеграмму на заводском собрании. Дочитав до конца, спросил:

— Как, товарищи, сможем мы это выполнить?

Люди молчали: думали. И вдруг слышу негромкий, спокойный голос:

— Сможем.

— Как?

— Поставьте в цехах койки, — ответил немолодой рабочий, — да организуйте питание. Будем работать круглые сутки.

М. МЕДВЕДЕВ. На «Уралмаше» рабочие неделями не уходили из цехов. Нужно фронту — других объяснений не требовалось.

Уралмашзавод был крепостью обороны в глубоком тылу. Именно крепостью. Громадина, мощнейшее предприятие, каждый цех — сложный комплекс. И удивительный коллектив. Лучшие кадры страны — это мое глубокое убеждение. Что поражало: сотни людей приходили в незнакомые для них цехи — юные ремесленники, рабочие эвакуированных предприятий. Им приходилось осваивать новые, по существу, профессии, работать в непривычных условиях, в напряженном ритме. Но — никакой лихорадки, никаких сбоев. Новички легко входили в коллектив. Именно потому, что это был коллектив «Уралмаша». Он воспитывал людей, он становился их родным домом.

Работа на оборону — это не только танки, не только пушки или картеры авиационных моторов, которые мы выпускали для фронта. Без продукции «Уралмаша» не смогли бы работать многие крупные заводы, электростанции страны. Наше предприятие снабжало их запасными частями, уникальными деталями. Темпы работы были стремительны. Я приехал из Ленинграда на «Уралмаш» в ноябре сорок первого, и уже тогда — только вдумайтесь, война шла всего четыре месяца! — завод начал выпускать танки...

В. АНДРИАНОВ. Правительственное задание, о котором говорилось в телеграмме, область выполнила в срок. Я доложил об этом в Москву. Когда я сказал Верховному Главнокомандующему о том, что надо бы наградить людей, он только спросил:

— Сколько человек?

— Тысячи полторы.

— А всего работало сколько?

— 75 тысяч.

— Тогда не полторы — пятнадцать тысяч надо награждать!..

А. ПАНИН. Производство на новом месте осваивали в невероятно сжатые сроки. Всего за две недели, например, был построен механический цех для производства танков. За две недели! Причем зимой. Люди выполняли задания, на первый взгляд, невыполнимые.

М. МЕДВЕДЕВ. Да, порой казалось: это сделать невозможно. Помню случай в штамповом цехе. Нужны штампы, много новых штампов — иначе остановится весь процесс. Вообще, по моему глубокому убеждению, судьба продукции решалась именно в этих, «неглавных», заготовительных цехах. Когда на завод приезжали комиссии из Москвы, они, естественно, сразу шли на сборку: смотреть, как сходят с конвейера готовые танки. А ведь рождались они задолго до сборки, в заготовках.

Так вот, штампы. Их нужно было вчетверо больше, чем мог дать этот маленький цех, где не хватало и оборудования, и площадей. Начальником цеха был инженер Попов, именно он нашел решение проблемы. Переставил станки — так, что получилась поточная линия. Не терялось ни секунды зря. Это сейчас кажется: подумаешь, станки переставил — всего-то! Но задача была решена. Просто и, я бы сказал, изящно. Смелые инженерные идеи рождала, казалось, сама жизнь.

В. АНДРИАНОВ. Каждый старался принести как можно больше пользы. Помню, в конце сентября сорок первого раздается в обкоме звонок: со Свердловского вокзала звонит президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров. Я даже замер: откуда он тут? Меня никто не предупреждал, что он приедет! Через полчаса Владимир Леонтьевич появился у меня в кабинете и с ходу, чуть не от двери, заявил:

— Мы, ученые, считаем, что наше место здесь: Урал — основная промышленная база. Мы никуда отсюда не уедем!

Тут же связались с Москвой, настояли на своем, остались. Урал стал своего рода научным центром страны.

А. ПАНИН. А какую неоценимую помощь мы получали от них в трудные дни! Помните, Василий Михайлович, историю с марганцем? А с алюминием?

В. АНДРИАНОВ. Для танкового производства нужна марганцевая руда, а марганцевые месторождения Украины у врага в руках! Иду за советом к Комарову. Он подумал, подумал и говорит:

— Помнится, когда-то здесь, на Урале, было марганцевое месторождение, я со студенческих лет и район примерно помню. Надо бы слетать, посмотреть.

А в тех местах, куда он рвется, — тайга, топи. Как я туда президента Академии наук отправлю! А он твердит одно: «Без меня это место не найдут».

С трудом убедил его пометить на карте предполагаемый район и послал разведку. Подтвердилось — месторождение есть! Тут уж все двинулись в путь: и Комаров, и Бардин, и Байков, и Ферсман... Меньше чем за месяц там был создан поселок — со школой, с детским садом. И пошла марганцевая руда...

А. ПАНИН. А алюминиевые заводы остались в Волхове и Запорожье. Самолетов и танков без алюминия не выпустишь. В Каменск-Уральском тогда только начиналось производство алюминия. Опять-таки с помощью ученых ввели в строй это предприятие. Был создан и второй завод — Богословский. Так получили мы необходимое количество алюминия.

Своими рекомендациями ученые, академик Патон и его товарищи, помогли нам ускорить производство танков: посоветовали не клепать, а сваривать танковую броню. Это оказалось почти в семь раз быстрее.

М. МЕДВЕДЕВ. Я уже говорил, что в цехах «Уралмаша» работало много ребят из ремесленных училищ. Мне запомнился разговор «на высшем уровне» между главой английской делегации и рабочим парнишкой. На «Уралмаш» приехала делегация союзников (к концу войны они часто посещали наш завод, мы вели гостей по цехам, а в заключение вывозили из заводских ворот на новеньком танке).

Идут по цеху англичане, и вдруг руководитель группы — крупный профсоюзный босс — видит: из-за станка торчит светлый хохолок. Только чубчик, больше не видно ничего. Заинтересовался, подошел, а у станка — парнишка лет пятнадцати, не старше. Удивился англичанин, стал задавать вопросы. А паренек ловко управляется с работой и, ни на секунду не отрываясь от станка, отвечает. Находчиво, дельно. Англичанин был поражен. Как равному, протягивает мальчишке свой элегантный портсигар:

— Угощайтесь.

— Спасибо, — спокойно отвечает парнишка. — Не курю. Да и некогда сейчас перекуривать.

В. АНДРИАНОВ. Производительность труда росла стремительно. Создавались фронтовые бригады, росло движение «тысячников». «Тысячники» выполняли военную норму на тысячу (а иногда и больше) процентов.

В канун 42-го рабочие-уральцы приняли обязательство: в наступающем году удвоить и даже утроить выпуск вооружения и боеприпасов. Скептики сомневались: возможно ли в два-три раза увеличить производство? Но уральцы не только выполнили — перевыполнили обязательство. Выпуск продукции был увеличен вдвое уже за полгода.

А. ПАНИН. Пушки, танки, боеприпасы — это была главная продукция военного Урала. Но ведь нужен был и хлеб, нужно было зерно — и его давали уральские деревни. А работали в деревне в основном женщины. Чтобы облегчить их труд, надо было механизировать основные работы. Нужно электричество. За время войны мы полностью электрифицировали деревни и села Свердловской области. Причем не взяли на это ни копейки у правительства. Все своими силами. Реки, даже мелкие речушки, все до одной использовали. Там, где речек не было, ставили дизели. Была в области деревня Темная — так и называлась. Люди понятия не имели о свете. Поставили там дизели, дали ток... После этого приняли решение: деревню переименовать в Светлую!

М. МЕДВЕДЕВ. Что поразительно: война шла, бои еще гремели на нашей земле, а люди смотрели в завтрашний мирный день. Помню, как зашагал на моем столе первый шагающий экскаватор. Конструкторы принесли в партком модель этой машины в конце 1944 года. Во время войны была спроектирована и буровая установка для глубокого бурения. На заводе были прекрасные конструкторы, люди творческие, в суровые военные годы видевшие завтрашний день.

Они очень нужны были здесь, в тылу, хотя многие рвались на фронт, хотели сами принять участие в боях. Помню, как провожали мы наших товарищей, уходивших добровольцами в Уральский танковый корпус...

В. АНДРИАНОВ. Уральский добровольческий корпус — явление, конечно, особенное. Он состоял из трех бригад: Свердловской, Пермской и Челябинской. Все снаряжение для них было сделано в сверхурочное время, на средства самих уральцев, сверх плана. Все — и танки, и боеприпасы, и обмундирование. И добровольцами в корпус шли лучшие рабочие. Трудно было их отпускать, но не отпустить тоже нельзя.

Уральский танковый корпус прошел с боями от Курской дуги до Праги — через Берлин. И, заметьте, многие из тех, кто воевал в Уральском добровольческом, стали потом известными людьми: в науке, в литературе. Автоматчиком был Вадим Очеретин, теперь он известный писатель, главный редактор журнала «Урал»; санинструктор Пермской бригады Надежда Малыгина — писательница, автор нескольких книг о войне. Корреспондентами корпусной газеты были известный поэт Михаил Львов и свердловский писатель Яков Резник. Механик-водитель танка Герой Советского Союза Иван Кондауров — ныне доктор исторических наук, профессор...

О тех годах можно вспоминать бесконечно. Я и после войны находился на партийной работе — был первым секретарем Ленинградского обкома партии, заведовал отделом ЦК КПСС. И я, и мои товарищи всегда старались мерить и работу, и всю жизнь свою мерками тех лет, когда было все — и трудности, и небывалая ответственность, но когда все задачи решались на таком взлете, таком подъеме, напряжении всех сил, которые не забудутся никогда.

НАМ БЫЛО ПО ПЯТНАДЦАТЬ

М. ЕСИН в годы войны

Сибирь. Новокузнецк. Глубокий тыл. Идет пятая неделя Великой Отечественной. У входа в заводской тоннель — плакат: «Кузнецкие металлурги, зальем металлом глотку фашистской гадине!»

Мы, вчерашние семиклассники — сегодняшние «рэушники», почти бежим, чтобы не отстать от размашистого шага взрослых рабочих. Да, наше детство кончилось. Всего две недели назад стали мы учениками ремесленного училища. Напутствие было коротким: «Сынок, заводу нужны сталевары и разливщики. Пойдешь на мартен».

Война продолжалась. С нашего вокзала один за другим уходили эшелоны на фронт. На наших глазах редели ряды металлургов. На место ушедшего разливщика встал вчерашний подручный: место подручного предложили занять мне.

И все-таки в чем-то мы оставались детьми. Помню, когда меня решили перевести «с повышением» в другую бригаду, я плакал, умоляя не разлучать меня с дядей Гошей — первым моим учителем на производстве, который казался мне могучим и пожилым. Уже значительно позже я узнал, что в то время дяде Гоше было всего двадцать пять. А слезы мне не помогли: меня повысили.

Родина приравнивала труд металлургов к труду ратному, и потому десятки мартеновцев в годы войны были награждены не только трудовыми, но и военными орденами и медалями. На всю страну стало известно имя Николая Прудникова. Кавалеру трех орденов Трудового Красного Знамени сталевару Николаю Прудникову в то время было всего двадцать лет, но слава о нем гремела по всем металлургическим заводам и комбинатам.

Что стало теперь с мальчишками и девчонками, в пятнадцать лет управлявшими огненными потоками стали?.. Почти все, кого я помню, на всю жизнь связали свою судьбу с нелегкой профессией металлурга.

М. ЕСИН, главный металлург Орско-Халиловского комбината

ПОДАРОК БОЙЦУ

Дорогая редакция!

Много разных событий, больших и малых, радостных и горестных, оставила в памяти Великая Отечественная война. Но одно из них занимает в моей памяти особое место.

...Декабрь 1941 года. В канун предстоящего большого боя и нам, танкистам, пришли подарки из Куйбышевской области. Мне выпал жребий получить небольшую коробку, в которой были шерстяные варежки, кисет с табаком, кусочек копченой колбасы и... конфета, привязанная ниточкой к письму.

В письме сообщалось: «Дорогой боец! Пишет тебе воспитательница детского сада № 7 гор. Куйбышева Е. С. Кротова. Мы сегодня раздали детям по одной конфете. В это время шла местная радиопередача о событиях на фронте и о ходе сбора подарков фронтовикам. Света Глушенкова, слушая радио, завернула свою конфету снова в обертку, подошла ко мне и сказала: «Тетя Дуся, отправьте эту конфету красноармейцу на фронт, ведь им там трудно». Дорогой боец! Я выполняю просьбу своей воспитанницы. Будь здоров и невредим! Бейте фашистских гадов и помните, что о вас думают и не забывают наши дети. С приветом Е. Кротова».

Письмо короткое, но как много в нем сказано! Я носил его в кармане гимнастерки рядом с партийным билетом. В момент тяжелого ранения в грудь партбилет был перебит осколком пополам, вместе с ним пострадало и письмо. Обрывки письма, тоже обильно залитые кровью, берегу как самую дорогую реликвию военных лет.

Н. КОШАЕВ, Герой Советского Союза

ЧЕРЕЗ ЛАДОГУ

...Тяжело раненный на фронте инженер-майор А. Городецкий был отозван для работы в Управление ремонта и эксплуатации автобронетанковой техники. Буквально на следующий день утром его вызвал к себе начальник управления А. Сосенков.

— Вы ленинградец, майор, — сказал он. — А Ленинград находится в кольце. Никаких данных о состоянии бронетехники на Ленфронте нет. А нам надо знать все! И ремонт организовать надо прямо на месте, там, в Питере. Придется вам на самолете прорываться! Вылет сегодня, в четырнадцать ноль-ноль...

На аэродроме майора ждал «ЛИ-2», который доставил его в Тихвин, оттуда после небольшого перекура в сопровождении шестерки истребителей вылетели в Ленинград.

Городецкий, сидя на откидной скамеечке, смотрел в отверстие, где стояла турель пулемета. Сверху свесился стрелок:

— Закурить не найдется, товарищ майор?

— Найдется.

Вдруг в отверстии мелькнул желтоносый удлиненный крест — «мессер»!

«ЛИ-2» сверху плотно прикрыла шестерка истребителей. Завязалась воздушная схватка. В крохотный иллюминатор майор увидел тяжелые взрыхленные волны — «мессеры» совсем уже прижали «ЛИ-2» к озеру, вот-вот и вода коснется плоскостей, вот-вот и самолет «зароется». В нескольких местах самолет был уже просечен очередями, моторы начали работать на сбое, но он упорно, буквально огибая каждую волну, приближался к берегу, приближался к Ленинграду. На берегу им помогли отбиться от наседающих «мессеров» зенитки, и «ЛИ-2» благополучно приземлился.

На трамвае (больше всего майора поразил действующий трамвай) добрался до Управления Ленфронта. Там его встретил генерал В. Ба[illegible]нов, старый знакомый.

— Городецкий? Ты что, с неба свалился?

— Так точно, товарищ генерал-майор, с неба... Приехал вот с тыловым заданием — ревизию танковой техники производить...

— Ничего себе тыловик. Смотри, у тебя же фуражка прострелена!

Через несколько дней Городецкий вернулся с обстоятельным докладом в Москву, в управление. Не раз ему приходилось вылетать на фронт, в тот же осажденный Ленинград, в другие города, очень часто прорываться с боем, рисковать собой — он делал все, чтобы покореженная в схватках техника могла вернуться в строй.

Так, в том же 1942 году в полевых условиях было восстановлено 75 процентов танков (от общего числа поврежденных), в 1943-м — 81,1 проценте, в 1944-м — 84,8 процента, а в 1945-м (по данным за 4 месяца) — 91,8 процента...

И в этом большая заслуга А. Городецкого и его товарищей, офицеров «глубокого тыла».

В. ПОВОЛЯЕВ

СТРАНИЦУ ПОДГОТОВИЛИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЛГ» А. АРУСТАМОВА И Е. БОЛДЫРЕВА.

Вот уже несколько лет на Московском электроламповом заводе имени Владимира Ильича существует «Ленинская тетрадь». [illegible] своеобразной летописью трудовой славы ильичевцев. Лучшим из лучших предоставляется право рассказать о [illegible] и [illegible] своего коллектива. Эта тетрадь переходит из цеха в цех.

Фоторепортаж А. ХРУПОВА

Рабочее утро ильичевцев

Передовая бригада слесарей-сборщиков — В. Овчинников, Н. Дубков, В. Сошников, М. Кисин — свой трудовой рапорт заносит в «Ленинскую тетрадь».

На участке сверхточных станков

Ветеран труда токарь В. Прокофьев

КУДА ВЛЕЧЕТ НЕВЕДОМАЯ СИЛА?..

П. ВОЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВОЗВРАЩАЯСЬ К СВОЕЙ СТАТЬЕ «ПЛАТА ЗА СТРАХИ», АВТОР ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР О ГРАНИЦАХ ИНИЦИАТИВЫ, О ФИРМЕ «ПОИСК» И ПРАВЕ НА ПОИСК...

«Дайте институту завод!» — так называлась статья академика А. Целикова («ЛГ», № 10, 1975), начавшего разговор о путях ускорения научно-технического прогресса. «Дайте заводу институт!» — так озаглавил свое выступление вступивший с ним в полемику известный руководитель производства, в недавнем прошлом генеральный директор Ленинградского станкостроительного объединения имени Свердлова Г. Кулагин («ЛГ», № 33). Суть их позиций достаточно ясна из названий публикаций.

Выступления ученого и хозяйственника вызвали широкий отклик среди читателей. При этом участники дискуссии, как свидетельствует редакционная почта, не ограничиваются альтернативой, кто у кого должен быть в подчинении — институт у завода или завод у института. В письмах затрагивается широкий круг аспектов и тем, относящихся к многогранной проблеме быстрейшей реализации научных идей и технических новшеств. И не удивительно. Эта проблема имеет не только чисто хозяйственное, экономическое значение, но и глубокий нравственный смысл. Человеку свойственно искать и создавать новое. Быстрое внедрение в производство достижений новейшей науки и техники рождает в людях удовлетворение и радость от своего труда, вдохновляет их на еще более творческое и самоотверженное отношение к делу.

— Ну, что вам сказать? — Я в то время работал главным инженером завода, и мы так обрадовались, когда договорились с ними, прямо духом воспряли! А уж когда они изготовили первую пресс-форму... Знаете, как до этого было? Делать пресс-формы нам негде, и ни одна организация не берется, все по горло загружены. Мы говорили заказчику: вам нужны наши изделия? Пожалуйста, отштампуем хоть двадцать тысяч, хоть сорок. Но о пресс-форме позаботьтесь сами. Вот вам чертежи, вот документация — делайте. А где делать? Вот он, бедняга, и мучается, ищет. Как же поступил «Поиск»? Там собрали специалистов, выяснили, что на одном из заводов имеется специальное оборудование для изготовления пресс-форм. Договорились с этими специалистами и с заводом — вечером-то машины все равно простаивают — и стали делать для нас пресс-формы. Скажу вам прямо, это было настоящей находкой.

— И качество удовлетворяло?

— Отменное качество!

Николай Васильевич Панин, директор одного из северодонецких конструкторских бюро, еще долго расхваливает работы, сделанные научно-производственной фирмой «Поиск».

Подобные отзывы о ней я слышу не впервые. Половина моего блокнота исписана хвалебными характеристиками, взятыми — откуда бы вы думали? — из уголовного дела! Да-да, из того самого, по обвинению руководителей «Поиска» в хищениях, о котором я писал в статье «Плата за страхи». Что и говорить, нечасто в ответ на строгие запросы следователей и ревизоров встретишь в материалах дела столь лестные отзывы, подписанные руководителями крупнейших предприятий, НИИ, КБ, учебных заведений... «Заказ выполнен в полном объеме и в срок...», «Экономический эффект 1,5 миллиона рублей...», «Качество хорошее... Применение новых технических средств повысило эффективность в пять — десять раз...», «Работы ведутся успешно...», «Проект сделан интересно, качественно и своевременно...» и т. д. и т. п.

Но я сейчас не об этом, то бишь не о самом уголовном деле. Оно пересматривается. Прокуратура УССР сообщила редакции, что МВД республики поручено провести новое расследование — с необходимой тщательностью и полнотой, чего, как явствует из этого и других ответов, не было сделано в первый раз.

Взяться за перо меня заставила статья академика А. Целикова «Дайте институту завод!» («ЛГ», № 10, 1975), ставящая одну из самых животрепещущих проблем нашей жизни: как ускорить осуществление технических новшеств, укоротить путь от идей до изделия?

Проблема возникла не сегодня, и «ЛГ» посвятила ей не одно выступление. Вспоминается давнишняя статья кандидата экономических наук В. Стороженко «Кредит на изобретение», в которой говорилось о том, что прикладные НИИ, не знающие подлинного хозрасчета, не будучи никак заинтересованы в рациональном расходовании средств, имеющие к тому же устаревшую, окаменелую структуру, не оправдывают своего назначения, работают крайне неэффективно. Автор заканчивал статью страстным призывом поставить эксперименты, где все будет не так, как в нынешних НИИ, а совсем наоборот. Но какие еще нужны эксперименты, если во время опубликования статьи молодежные научно-производственные фирмы, где как раз и было «совсем наоборот», блистательно доказали свою практическую целесообразность, высокую экономическую эффективность и... на том закончили свое существование? Задумаемся: не делаем ли мы в подобных ситуациях завораживающее слово «эксперимент» удобным, спасительным щитом для тех, кто не желает — или не решается — что-либо менять, ломать старое, вводить новое?..

«ЛГ» писала о тех фирмах достаточно много, и здесь нет нужды повторяться. Хотелось бы только еще раз обратить внимание на одно обстоятельство: родившись как плод молодежной инициативы и самодеятельности, существовавшие при общественных, главным образом при комсомольских органах, фирмы не были прикованы к какой-либо одной отрасли, «болтались» между многими. Это было и их счастьем, и их бедой... Перенос опыта из одной отрасли в другую, синтез наук, интеграция знаний — вот что происходило в фирмах. Надо ли говорить, как это важно в наше время, когда на стыках наук чаще всего зарождаются наиболее значительные открытия и изобретения, возникают новые возможности и плодотворные направления развития!

НИИ и КБ в этом отношении имеют гораздо меньше перспектив и шансов на успех, чем те фирмы. Естественно. Первые специализированы в какой-то одной, узкой сфере, их творческие силы и возможности ограниченны (я уже не говорю об издержках ведомственной разобщенности). А вторые, напротив, отличаются более широким подходом и к научным проблемам, и к производственным задачам, поскольку объединяют представителей разных специальностей. В этом, собственно, и состоит одно из главных их преимуществ.

Но мне возразят — и вполне резонно: общественные, комсомольские организации не могут обеспечить действенного и квалифицированного руководства научно-производственными фирмами. Разумеется, такое руководство куда более под силу, скажем, Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике. Но почему бы не перенести великолепный, ценнейший опыт этих фирм в обычные НИИ и КБ? Почему бы не возродить, не воссоздать такие фирмы на государственной основе? Ведь их полезность для страны неоспорима!

Однако полезность не только в узкопрактическом, утилитарном смысле. Пожалуй, они еще более ценны для самого человека — я имею в виду человека как творческую индивидуальность. Опять вспоминаю разговор в Северодонецке, с тем же Паниным.

— «Поиск» представлял собой интересный опыт сближения науки с производством. Полезный, на мой взгляд, опыт... Но это только одна сторона дела. А есть еще и другая. По-моему, такая фирма очень помогает молодым людям найти себя. Когда для решения какой-то проблемы объединяются разные специалисты — химики, машиностроители, инженеры-исследователи, инженеры-конструкторы, — да к тому же люди неспокойные и одаренные, они очень обогащают друг друга, открывают в себе новые способности, новые качества... Вот у нас на заводе был инженер Мищенко, металлист. Неплохой инженер. Но как отличный конструктор он сформировался именно в «Поиске». На заводе он делал — ничего не скажу, вполне добросовестно, — но изо дня в день одно и то же. А в фирме каждый день надо было что-то искать, придумывать, подходить ко всему по-новому. Он рос буквально на глазах.

Я слушал Николая Васильевича и вспоминал, что многие хозяйственники говорили то же самое: «Поиск» не только отлично выполнял научно-технические работы, но и воспитывал, формировал настоящих новаторов, исследователей, подлинных энтузиастов и организаторов технического прогресса. Надо ли доказывать, как это важно для нашего общества?

Иной читатель, наверное, подумает: не пересаливает ли автор? «Новаторы, энтузиасты!..» Ну прямо-таки ангел, а не фирма, этот «Поиск» — только крылышек ему и не хватает, а то бы так и вспорхнул в небо.

И не «наверное, подумает», а так именно и подумал. Сел да написал в «Литературную газету»: почему же ваши новаторы-энтузиасты столь прекрасно проявляли себя в «Поиске», а не на основной своей работе, а?

Москвич Н. Гнитиев хотя и согласен, что никаких оснований «для уголовного преследования сотрудников «Поиска» не было», однако убежден, что «можно обвинять их с общественной точки зрения. Вероятно, сотрудники этой фирмы хотели показать на практике, как преодолеть организационный застой, рутину, которые свойственны некоторым нашим НИИ и конструкторским бюро. Почему же они не вели борьбу за более совершенное в самих государственных учреждениях?».

«Разве творческий работник, имеющий ненормированный рабочий день, не должен отдавать все свои силы по месту основной работы? — спрашивает ленинградец В. Мартынов. — Или в существующих НИИ, ОКБ невозможно организовать напряженную, с полной загрузной работу?»

Та же мысль в письме волгоградца М. Наумова: «А почему бы им (то есть «поисковцам». — П. В.) не поработать с там же усердием на своей основной работе? Там для поисков непочатый край дел! Дерзай, приноси как можно больше пользы государству».

В самом деле — почему? А собственно, что — почему? Разве в «Плате за страхи» хоть одним словом обмолвлено, что в своих НИИ и КБ эти люди работали недобросовестно, нестарательно? Нет, в статье говорилось совсем иное: к участию в молодежной фирме не допускались — и тому есть немало примеров — работники даже высокой квалификации, но не получившие «добро» от своего руководства. Право и возможность сотрудничать в «Поиске» сначала надо было заслужить!

Между тем в приведенных письмах, хотя прямо и не сказано, но между строк можно прочесть (а мне приходилось слышать и прямо от некоторых решительных противников молодежных научно-производственных объединений), будто организаторы и активисты этих фирм на своей основной работе — бездельники. Днем, дескать, «сачкуют», ничего не делают, берегут силы, а вечером бегут в фирму и там «вкалывают», чтобы заработать побольше. Один из собеседников даже нашел «образ»: «Они словно совы: днем дремлют, а как вечер — сил не жалеют». Я на секунду мысленно представил и вполне разделил возмущение: ишь, хитрецы, пройдохи!.. Но тут же сбросил оцепенение, пришел в себя: ведь все не так! Ничего похожего, повторяю, в «Поиске» не было. А было совсем иначе: сперва прояви себя на основной работе, своим трудом докажи, что достоин работать в фирме, а уж потом получай туда рекомендацию — так было поставлено дело, и этот принцип соблюдался неукоснительно. Не случайно же от руководителей НИИ, КБ, предприятий, где работали «поисковцы», я слышал о них самые добрые слова. Даже от тех, кто был принципиальным противником такого рода фирм.

«Сердитых» писем среди откликов на «Плату за страхи» совсем немного, всего несколько. Но я хочу, пытаюсь понять их авторов... В самом деле, чего бы это — после целого дня работы или в субботу, воскресенье, вместо того чтобы удочки в руки и куда-нибудь на озеро — тишь, благодать... Или спрятаться подальше от всех с интересной книгой... Так нет, в руки не удочки, а рейсфедер, не роман, а толстую монографию с таблицами... Ну, действительно, не странно ли? Кто же тут поверит в чистоту помыслов?

Между тем в «Поиске» не просто работали, а образцы труда показывали! Если хотите, демонстрировали эталон самозабвенной творческой работы... Согласен, иного возьмет сомнение, иной же и вовсе не поверит. Что в конце концов толкало людей на такую самоотреченность? Мне думается, это очень серьезный вопрос, о котором стоит всерьез и поразмыслить.

В чем причины столь редкой притягательности фирм, подобных «Поиску», «Факелу», «Новатору» и другим, о которых писала «ЛГ», для молодых ученых, инженеров, рабочих? В том, что часть молодежи не удовлетворена своей основной работой. И эта неудовлетворенность вполне объяснима.

Специалист, отмеченный талантом да к тому же по натуре человек неспокойный, как мы говорим, тормошной, особенно молодой специалист, мечтавший о новаторстве со студенческой скамьи и еще не закостеневший в производственной текучке, в служебной толчее, — такой специалист непременно придумает что-то новое, свое, оригинальное и постарается тут же, без промедления, воплотить это оригинальное в ощутимую, осязаемую реальность. Ему нет дела, что у завода, КБ, института, где он работает, напряженнейший план, жесткие сроки и на все твердые лимиты. Ему подавай то, что нужно для осуществления его замысла. Но в ответ он слышит: за нереализованное новшество нас, на крайний случай, пожурят, за сорванные сроки — строго спросят, за проваленный же план — голову снимут! (И это так, так!) Поэтому вы с вашими гениальными идеями подождите-ка (в лучшем случае — «подождите-ка», нередко же — «идите-ка...»). А он-то мечтал, а он-то надеялся!

И вдруг этот молодой человек узнает, что есть место, где в нем, в его идеях и даже в его беспокойном характере крайне нуждаются. Можете представить состояние этого молодого человека? Да его ночью разбудите — и он побежит туда без оглядки.

В Северодонецке мне рассказали о таком случае. Инженер Научно-исследовательского института управляющих вычислительных машин В. Трофименко в процессе одной разработки увидал возможности применения жидких кристаллов для создания приборов управления технологическими процессами. Его захватила идея. Но заняться ею он не мог, поскольку она «не вписывалась» в профиль института. Об этом прослышали в «Поиске» и сказали Трофименко: «Приходи к нам. Создадим в помощь тебе бригаду, будешь разрабатывать свою идею».

Удивительно ли, что у молодых северодончан загорались глаза, как только речь заходила об их научно-производственной фирме? Нет, она не сулила ни высокого или хотя бы постоянного заработка, ни блистательной служебной карьеры, ни каких-либо иных благ — ничего, кроме возможности приложить ум, энергию, знания к интересному и полезному делу. Вот это-то — неведомая и неудержимая сила творчества, исканий и созидания — и привлекало больше всего. Звало, тянуло, словно магнит.

Но что это — плохо? Плохо быть увлеченным, влюбленным в новую идею, захваченным интересным замыслом? Наверное, Циолковскому надо было посоветовать заниматься «своим делом», да?..

Или, может, плохо — без оглядки стремиться воплотить задуманное в жизнь? Или, наконец, плохо, что нашлось неожиданно место, где молодые люди могут отдаться целиком творчеству, преданно служить любимому делу? Не пойму: что, что конкретно плохо? Неужто лучше, правильнее знать лишь «свое», «от сих до сих»? Только то, что предписано с девяти до восемнадцати ноль-ноль? Вот там — пожалуйста! Старайся, «вкалывай» хоть до седьмого пота. А дальше — не твоя забота, дальше не лезь, не моги. Так, что ли? А если кто-то может? И хочет?

Да это же прекрасно, что хотят и могут!

...Мы говорим о всестороннем развитии личности как одной из главных задач коммунистического воспитания и коммунистического строительства вообще. Мы призываем и немало делаем практически, чтобы создавать людям возможность проявить с наибольшей полнотой свои силы и дарования, помня: от каждого — по способностям. Но вот появляется новая форма, новый плацдарм, где могут проявиться творческая энергия, талант, инициатива, самодеятельность тысяч людей, и нас вдруг начинает терзать сомнение: а можно ли? а так ли? а правильно ли? Хороший кружок — это да, это пожалуйста — привычно и вполне узаконено! Спорт — тем более. Патрулировать в дружине охраны общественного порядка — сколько угодно! А заниматься после работы своим же или близким ему профессиональным делом? Непонятно, непривычно...

Маркс подчеркивал, что истинное богатство общества — свободное время его членов. Но ведь каждому ясно, что свободное время — это вовсе не значит «плевать в потолок» или «забивать козла». Хотя мы и не всегда ясно, четко представляем себе: а что же все-таки оно означает?.. Между тем ученые, не говоря уж о фантастах, вполне серьезно прогнозируют: в будущем люди, помимо основной работы, станут часть времени посвящать и другим, побочным. Эти побочные занятия могут быть разными — одни ближе к твоей специальности, другие — дальше. Возможно даже, человек сменит в течение жизни не одну профессию... Разумеется, все это — по собственной инициативе, в свое, как говорится, удовольствие. Увлечения, хобби, как мы говорим нынче, станут диктовать перемены в жизни индивидуума. Так вот, не являются ли наши фирмы в некоторой степени зародыш такого будущего? Ведь в них молодые люди работают и по своей специальности, и не совсем по ней. Днем он, допустим, технолог на заводе или конструктор в НИИ, а тут — и исследователь, и управленец, и экспериментатор... Надо ли говорить, как это способствует разностороннему развитию личности?

Кто-то мне возразит: ну, это прогнозы, фантастика, будущее... А кто знает, как и когда оно наступает? Задумываемся ли мы всерьез о том, где проходит рубеж между настоящим и будущим? И существует ли вообще такой рубеж? Возможен ли? Как оно начинается, это будущее? Не по декрету же с такого-то числа!..

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«Организатор, а не «супердиспетчер»!»

В статье под таким названием («ЛГ», № 8, 1974) кандидат экономических наук В. Липатов правильно ставит вопрос о необходимости совершенствования и механизации управленческого труда.

Вместе с тем в статье говорится, что «отчетность, принятая ЦСУ, позволяет судить о качественном составе аппарата управления, но не о численности работников по всей номенклатуре должностей». Хотелось бы сделать некоторые уточнения. Следует иметь в виду, что форма отчетности, утвержденная ЦСУ СССР для учета численности работников аппарата управления, содержит широкую номенклатуру должностей. Что же касается начальников конструкторских отделов и бюро, руководителей технологических служб и т. п. (о них упоминал автор статьи), то они к работникам аппарата управления не относятся. И тем не менее во втором разделе бланков учета, где показываются данные по отдельным должностям, не относящимся к управленцам, речь идет и о специалистах названных выше категорий. Так что фактически учет ведется.

Естественно, учет нуждается в совершенствовании, особенно учет численности работников аппарата управления. В этом отношении замечания В. Липатова вполне справедливы.

ЦСУ СССР и Министерство финансов СССР систематически проводят по отдельным отраслям народного хозяйства работу, связанную с уточнением номенклатуры управленческих должностей. Имеется в виду тот контингент работников, фонд зарплаты которых включается в расходы на содержание аппарата управления.

Л. ВОЛОДАРСКИЙ,
заместитель начальника ЦСУ СССР

«ПИСЬМО МИНИСТРУ»

Статья Евг. Богата «Письмо министру», опубликованная в номере «Литературной газеты» от 2 апреля с. г., была обсуждена на коллегии Министерства просвещения Удмуртской АССР.

Как сообщил редакции министр просвещения республики А. Тубылов, факты, изложенные в статье, подтвердились. Решением коллегии заведующему Сарапульским гороно тов. Драйту З. М. за неудовлетворительную организацию учебно-воспитательной работы в школах города объявлен выговор.

Директор школы № 1 города Сарапула тов. Королева Р. М. за недостатки в руководстве школой и злоупотребление служебным положением освобождена от работы.

Инспектор министерства тов. Молчанов Г. В. за неправильные действия при разборе письма учителя Сарапульской школы № 1 тов. Захарова В. В. от занимаемой должности освобожден.

Заместителю министра просвещения Удмуртской автономной республики тов. Шальнялову А. И. за несвоевременно принятые меры по письмам тов. Захарова В. В. объявлено взыскание.

ПОЧТА РЕДАКЦИИ

С большим волнением прочитал статью И. Ирошникова «Неприметное мужество» («ЛГ», № 10, 1975). Спасибо! Я тоже много лет знаю одну героическую женщину. Сапер, сержант Ковтун, расчищая минное поле в полосе наступления наших войск под [illegible] в 1944 году, подорвался на мине. Он ослеп, и ему оторвало кисти обеих рук. Искалеченного Федора Иосифовича доставили из госпиталя домой в марте 1945 года. С этого дня жена Федора Иосифовича — Елизавета Григорьевна Ковтун, оставив любимую работу, с редкой преданностью ухаживает за мужем.

Я согласен с автором статьи: жен инвалидов войны несправедливо относить к категории неработающих. Жизнь этих женщин, их [illegible] самоотреченный уход за искалеченными войной мужьями, их неприметное мужество, что сродни подвигу, по праву и по справедливости заслуживают признания общественного и государственного.

А. ЦГОЕВ
гор. ОРДЖОНИКИДЗЕ

■

Обращаемся в «Литературную газету» за помощью: она не раз выступала в защиту памятников архитектуры, литературных памятников.

Недалеко от Москвы, всего в часе езды на электричке, находится мемориальный ансамбль Вязёмы — Захарово, тесно связанный с именем великого русского поэта А. С. Пушкина. Да и не только Пушкин — многие русские писатели бывали в Вязёмах. Здесь можно было бы создать многоплановый музей. Впрочем, что сейчас мечтать о музее! Сохранить бы то, что есть...

О Вязёмах и Захарове пишут во всех туристских путеводителях по Подмосковью, издают красочные буклеты. И при этом... Туристские автобусы не останавливаются около Захарова, экскурсоводы скажут лишь несколько слов о пребывании здесь Пушкина и через окно быстро идущей машины покажут кусты, за которыми скрыт памятник Пушкину. Скрыто и то, что вокруг памятника все заросло; флигель — старая развалюха, веревки с развешанным бельем.

Вот автобус идет мимо «Дворца пиковой дамы», что в Больших Вязёмах, мимо церкви, которая построена при Борисе Годунове и около которой похоронен брат Пушкина, мимо голицынского парка, в котором гулял юный Пушкин. Стоянки автобуса нет. Но некоторые туристы просят свернуть в парк и посмотреть то, что дорого каждому. И тогда перед ними открывается безотрадная картина.

Нижняя часть церкви полуразвалилась, территория рядом с ней превращена реставраторами в склад, хотя за три-четыре года в стены церкви не вложено ни одного кирпича. Парк захламлен, в нем не убраны сараи, расплодились погреба, сам парк вымирает.

У мемориального комплекса нет хозяина. Видимо, в этом причина бедственного положения.

А. ВИНОГРАДОВ
БОЛЬШИЕ ВЯЗЁМЫ

От редакции. В Большие Вязёмы выехал наш корреспондент. К сожалению, факты, о которых говорится в письме Александра Ивановича Виноградова, подтвердились. Редакция предполагает вернуться к этой теме, предложенной читателем.

■

В вашей газете от 2 апреля (заметьте, не от первого, а от второго апреля) помещена фотография усадьбы, под которой подпись: «Здесь родился М. Ю. Лермонтов». Верить ли глазам своим! Я еще до войны был в доме, где родился великий поэт. Он помещался тогда у Красных ворот в Москве. Или верить печатному слову! Может быть, проведены новые научные изыскания и вскрылись неизвестные факты биографии поэта!

А. ПАРШИН
гор. ЛЫТКАРИНО

От редакции. Товарищ А. Паршин прав: 2 апреля в подписи под снимком (на котором изображена усадьба в Тарханах, где поэт провел свое детство) допущена досадная ошибка. Приносим свои извинения читателям.

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПИСЬМА

«КОГО МЫ РАСТИМ?»

Сотни откликов получила редакция от участников дискуссии «Кого мы растим?». Напомним, что этот вопрос задал инженер из Саратова В. Серов («ЛГ», № 41, 1974). Разговор о воспитании подрастающего поколения, о том, каким мы хотим его видеть, начал писатель Ю. Нагибин («ЛГ», № 45, 1974). Затем в спор вступили читатели.

Письмо кандидата технических наук М. Негодаева, можно сказать, типичное в читательской почте, полемизирующее с В. Серовым по основным спорным положениям его первого письма. Однако В. Серов полагает, что он неправильно понят участниками дискуссии, и считает необходимым в повторном письме, которое мы публикуем ниже, разъяснить свою позицию.

Думается, что это разъяснение не оставляет больше места для спора с В. Серовым по тем пунктам, по которым его ведут М. Негодаев и другие читатели. Конечно, многие по-прежнему будут возражать против слова «жестокость» как необходимого условия воспитания. Но это уже спор о словах, который вряд ли стоит вести: В. Серов говорит о мужестве, героизме, самоотверженности, риске и других высокого смысла качествах личности, но упрямо объединяет все их словом «жестокость».

Для дальнейшего же обсуждения остаются другие, более существенные проблемы, которые можно бы свести по крайней мере к двум следующим:

1. КАК ДОБИТЬСЯ ПРАВИЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ В ВОСПИТУЕМОМ ТАКИХ РАВНО НЕОБХОДИМЫХ КАЧЕСТВ, КАК «БОЙЦОВСКИЙ ХАРАКТЕР», МУЖЕСТВО, ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, С «ДЕЛИКАТНОСТЬЮ», ЧУТКОСТЬЮ, ДОБРОТОЙ!

2. КАКОВЫ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ, КАК ДОБИТЬСЯ ИХ ЕДИНСТВА, НЕ РАЗРУШАЯ СПЕЦИФИКИ КАЖДОЙ ИЗ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ!

Второго вопроса, кстати, касается публикуемая на этой странице статья социологов З. Янковой и Ю. Рюрикова «Архимедов рычаг!..».

Пусть меня научат...

Фото В. ЛАГРАНЖА («Советский Союз»)

РЕПЛИКА В СПОРЕ

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ — НЕ СЛАБОСТЬ

Образец воспитания, предлагаемый инженером В. Серовым из Саратова на примере его дочери, в которой он выращивает прежде всего «бойцовские» качества, остальное же относит на «потом», вызывает недоумение. В пору, когда внимание общественности обращено на недостаток этического воспитания у некоторой части молодежи и осознается, что это — причина не только бескультурья в поведении, но порой и преступлений, «педагогическая концепция» инженера В. Серова выглядит веянием, направленным против течения.

Моральное начало — атрибут первостепенной важности не только для маленьких, но и для больших. Без доброго в душе и талант становится орудием зла. Сильная личность с нравственными устоями ведет за собою и других к свету, к счастью. И наоборот. Сильные, но аморальные личности не раз причиняли большие страдания людям...

Инженер В. Серов прав, когда обращает внимание на необходимость воспитания в подростке стойкости, любви к труду и обращает также внимание на пагубные последствия изнеженности. Прав и С. Марейко из Владивостока («ЛГ», № 48, 1974), когда говорит о значении инициативности, предприимчивости в характере человека. Без инициативы и трудолюбия могут оказаться нераскрывшимися, остаться без применения даже выдающиеся способности. Но С. Марейко ошибается, когда оценивает «принципы добра, гуманизма, совести, долга» как ненадежные средства личного успеха.

В письме В. Серова есть упоминание о врагах, хотя и не говорится, что это за враги. Непонятно, против кого В. Серов берет на вооружение отнюдь не украшающие человека неделикатность, черствость и даже жестокость, воспитывая в таком духе свое дитя. Не получится ли, что недругом номер один для своей дочери в результате окажется он сам?

«Силовые» приемы (термин, встречающийся в дискуссии) допустимы в хоккее, но не в повседневной созидательной деятельности людей.

Ошибается инженер В. Серов, как и другие участники дискуссии, рассуждая, будто жестокость обеспечивает победу. В чем и когда? Какую победу? В личных отношениях жестокий человек отвратителен. В общественной же деятельности, отдавая себя чувству жестокости, он плохой стратег. Тактический успех, выигранный за счет неоправданной жестокости, таит в себе зародыш морального поражения, который не преминет сказаться в последующих боях.

Если «этику» черствости, силовых приемов и жестокости примут все, то нет гарантии, что против каждой пары «крепких локтей» не найдется пара еще более крепких. Тогда придется обратиться к «дубине». Но всегда найдется еще более крепкая и тяжелая. Нет гарантии, что эта более крепкая и тяжелая в руке воспитанника при достатке «бойцовства» и недостатке деликатности» не прогуляется и по лбу воспитателя (разумеется, не в буквальном смысле). Воспитатель возмутится. «А где же справедливость? Где благодарность?» — скажет он. Но ученик неумолим. Его же учили жестокости. Если учитель в такой критический момент не лишится разума, как его лишился пушкинский толоконный лоб от щелчка Балды, он поймет свою ошибку и пожалеет, что недооценивал чувства добрые. Поймет, что чувства добрые, которым учили гуманисты, — не слабость, а подлинная сила, они покоряют умы и сердца.

М. НЕГОДАЕВ,
кандидат технических наук
НОВОКУЗНЕЦК
Кемеровской обл.

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

СЛАБЫХ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!

Неисповедимы пути дискуссии. Меньше всего я думал, когда писал письмо «Кого мы растим?», что во главу угла встанет вопрос, стоит или не стоит растить эгоистов и неглецов... Недвусмысленно отвечаю: не стоит! В нашем обществе таких людей били, бьют и будут бить, и, учитывая эту, в частности, цель, и хотим мы воспитывать своих детей мужественными и сильными. Больше на тему петушиных бойцовских качеств я говорить не намерен, потому что меня волновало и волнует совершенно другое.

Я писал, что «хочу, чтобы моя дочь выросла мужественным человеком», и не подозревал, что так быстро меняются понятия. Еще совсем недавно слова «мужество» и «боец» сами собой включали в себя и благородство, и честность, и смелость — отличные человеческие качества, и даже кулачные бойцы времен Ивана Грозного вызывали к себе уважение, точно такое же, как и сегодняшние боксеры-любители.

Многих ввела в заблуждение моя фраза, где я, голосуя за воспитание мужества, все остальные качества отложил на потом. Но, по-моему, это совсем не значит, что я открываю зеленую улицу всем неблаговидным поступкам, — я просто имел в виду, что если бы мне представилась возможность, как в старые пушкинские времена, о которых мне столь любезно напомнил Юрий Нагибин, выбрать для дочерей гувернера, я бы предпочел, пожалуй, не шаркающего ножкой учителя светских манер, а менее изысканного человека, примерно такой закалки, как Рахметов. Нуждается, видимо, в пояснении и моя мысль о жестокости. Смею заверить читателей, что отрывать хвосты у братьев наших меньших и натравливать собак даже на личных своих врагов я не намерен сам и дочери не позволю. Жестокость жестокости рознь, но вряд ли кто будет отрицать, что элементы ее присутствуют в нашей жизни.

Правильно, товарищ Жуховицкий, спартанского воспитания нам не надо! ни рабов, ни рабовладельцев мы воспитывать не собираемся. Но ведь и для того, чтобы вырос коммунист, нам тоже нужно точно представить, какие черты и качества мы хотим видеть в человеке, и что в первую, что во вторую очередь.

До тех пор, пока существует империализм, в области идеологии будет продолжаться непримиримая классовая борьба — борьба за умы и сердца людей. Вот какую борьбу я имел в виду, и каким образом мои слова были поняты как призыв к борьбе за поиски теплого места в жизни — ума не приложу!

Вы можете сказать: к чему же тогда весь сыр-бор? Кто спорит с такой точкой зрения?

Ну, во-первых, оказалось, что есть такие, кто спорит, — это видно из опубликованных в «ЛГ» писем и комментариев к ним; а во-вторых, и это главное: людей, борющихся с враждебным нам мировоззрением, нужно растить сознательно и постоянно везде — в рабочем коллективе, в школе, в армии, в семье. В первую очередь в семье! Здесь закладываются основы личности. Много значит для будущего человека даже то, под какую песню он рос, какая песня считалась любимой в семье: мужественная «Трансвааль» или жестокий романс о разбитом сердце?

Но самым главным для ребенка, пожалуй, является выбор идеала. На кого он захочет быть похож: на Любу Шевцову или на некрашеную девицу из соседнего подъезда? Такое тоже может произойти, что выбрана за идеал будет вторая, может быть, и потому, что мы с вами вовремя не рассказали детям о героической жизни краснодонцев.

Для меня на всю жизнь останется примером и идеалом человек, который внешне ничем бы не мог походить на героя: сгорбленная, маленькая больная старушка, моя тетя, Александра Васильевна Груздева. Ничего она в жизни не совершила и даже под понятие «В здоровом теле — здоровый дух» не подходит: с двадцати лет повредила позвоночник и всю жизнь не имела возможности передвигаться без помощи людей — только с табуреточкой по дому. Одна война, другая, голод, старуха-мать. Сама инвалид, тетя Шура научилась шить и кормила семью. Где она черпала силы и от кого смогла взять эту мысль, что пронесла через всю жизнь и впервые высказала вслух за пять минут перед смертью: «Для людей я сделала все, что могла!»

И это не были просто слова. Сколько я помню детство, все время к нам в дом шли люди — с [illegible], с письмами с фронта, с радостью, с печалью, шли к больной старушке здоровые, сильные люди за советом, за помощью: перешить что-нибудь из старых тряпок, написать вместе письмо, порадоваться пришедшей весточке с фронта. И уходили успокоенные, снова обретшие веру в себя, с немудреными подарками военного времени: лучком, кусочком маслица, лепешкой... Всю войну стучала швейная машинка у нас в доме.

Вот что я называю мужеством.

Не бицепсы — хоть и они не помешают (потому и скрываю беспокойство, когда дочь приходит в синяках — не с кулачных боев, разумеется, Юрий Маркович Нагибин, а с тренировок в гимнастической секции, с велосипедных «прогулок», где она гоняет, как бешеная), не железное здоровье (хорошо бы, конечно, но тут уж не все от меня зависит); а вот эта самая сила души, способность выдержать все, не пасть духом и остаться полезным обществу. То самое мужество, которого не хватило девушке с химкомбината.

Меня беспокоит и то, что некоторые мои сверстники уже погасли в тридцать лет, научились «гибко и тонко» приспосабливаться к обстоятельствам, все реже поднимают свой голос, когда видят несправедливость. И в этом я тоже вижу недостаток мужества, хотя здесь как раз имеется, по-моему, достаточный повод для дискуссии. Что, борьба за высокие идеалы и принципы — удел только юных и судьба избранных? Или, может быть, в наше время уже не положено иметь индивидуальную высокую цель, достаточно одной общей, которая делится потом на конкретные маленькие задачи?

Вот о чем, по-моему, должен быть разговор.

Как воспитывать детей, чтобы в двадцать пять лет личная трагедия не заслонила им все, не выбросила бы из жизни или из общества, что в конце концов все равно?

И как сделать, чтобы у других — их наверняка больше, — у кого в семейной жизни все обстоит благополучно, как сделать, чтобы и они не погибли духовно, не зарылись в свой уют, не погасли!..

Вот о чем я писал письмо...

Ну, а как все эти рассуждения мои вяжутся с тем фактом, что мне действительно не жаль девушку-аппаратчицу, покончившую с собой, не знаю, но это так.

Прав Л. Жуховицкий — есть, конечно, в этом моя вина, и не настолько уж платоническая. Похоже, что я видел, куда она идет, и не мог перешагнуть через какую-то грань. Может быть, неудобство вмешиваться в чужие личные дела, может быть, и равнодушие...

Вину свою вижу, а вот жалости все-таки нет. Может, еще и потому, что не такой уж и Джульеттой была погибшая, и великой любви не было в помине, а еще вернее — потому, что поступок ее был насквозь эгоистичен: оставила после себя дряхлую, растерянную мать, которая недолго после этого прожила. Погибшую, видимо, надо было жалеть немного раньше, а вот мать ее, старушку, действительно, жаль: кинуть упрек ей в плохом воспитании язык не поворачивается — слишком жестоко она поплатилась за это.

И вот теперь я снова вернусь к жестокости...

Дочь по отношению к матери поступила жестоко, но не жестоко ли вела себя тетя Шура, на попечении которой была восьмидесятилетняя старуха мать? Смерть дочери была бы для нее страшнейшим ударом, и тетя Шура знала это, и больше того, именно так и получилось: она умерла раньше своей матери, потому что не жалела себя, работала на износ, ради других. Ее сердце не выдержало такой нагрузки. Жестоко? По отношению к себе — да! По отношению к близким — да! По отношению к обществу — нет!

И я приветствую такую жестокость. Приветствую жестокость Седова, из последних сил идущего к полюсу, — не забывайте: вместе с ним шли матросы, его подчиненные. Приветствую жестокость сегодняшних неизвестных пока по именам героев научно-технической революции, которые, не жалея себя (и своих близких — так уж получается), не щадя себя, ищут новые пути в науке, в производстве.

Вот о такой жестокости, думаю, может быть разговор на страницах «ЛГ».

С уважением
В. СЕРОВ

P. S. Что же касается выступившего в мою «поддержку» С. Марейко, то могу сказать, что если искренно его письмо и правильно понята и борьба за теплое место в жизни стала его нормой поведения, думаю, что он воспримет как должное, если с ним тоже будут бороться. Не справится один человек — поможет общество, потому что рано или поздно, но такой психологии на нашей земле должен прийти конец.

Участнику дискуссии А. Солипатрову, приведшему пример с группой людей на морозе и пришедшему к выводу, что кто-то же окажется с краю, я могу ответить только одно: с краю окажутся самые сильные, самые мужественные. И греться в середину они не полезут. А слабых все-таки быть не должно, мы их должны помочь сделаться сильными.

Много лет не ослабевает интерес к опыту воспитания детей в семье супругов Никитиных. В печати публикуются статьи, репортажи, вышел фильм, рассказывающий об одном дне в этой необыкновенной семье. Может быть, из-за этого особого, неугасающего интереса в оценке «никитинского эксперимента» господствуют крайности — от неумеренного, некритического восхваления до полного отрицания самого метода воспитания, избранного Никитиными. Пять лет назад Т. Снегирева выступила в «Литературной газете» со статьей «Осторожно: детство!» («ЛГ», № 3, 1970), в которой она не разделила чрезмерного оптимизма как самих родителей, так и их восторженных приверженцев... Сегодня мы печатаем статью социологов, придерживающихся противоположного мнения, и, как нам представляется, снова достаточно полемическую в своих крайностях.

Однако прошло, по-видимому, достаточно времени для глубокого и всестороннего анализа опыта Никитиных и его объективной, спокойной оценки. Надо полагать, это и будет сделано на заседании Президиума Академии педагогических наук СССР, где в ближайшее время намечено обсудить эксперимент семьи Никитиных. С материалами этого обсуждения «Литературная газета» познакомит своих читателей.

З. ЯНКОВА, Ю. РЮРИКОВ, научные сотрудники Института социологических исследований АН СССР

АРХИМЕДОВ РЫЧАГ?..

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

О Лене Алексеевне и Борисе Павловиче Никитиных слышали многие, но правду о них знают немногие. Иногда о них говорят так:

— Это которые гоняют детей босиком по снегу? У которых ребята заморыши?

— Видел фильм о них. Плановое выращивание вундеркиндов, бизнес на детях.

— Экспериментов над детьми не признаю: дети не морские свинки.

Все это — полюс истины. У Никитиных нет ни атома холодного экспериментаторства. Они очень любят детей. Их семеро: Алеше 16 лет, Антону — 14, Оле — 13, Ане — 11, Юле — 8, Ване — 6, Любе — 4. Супруги Никитины хотят, чтобы у них было по-настоящему счастливое детство. Но они думают, что старое воспитание (полная беззаботность до школы и полная забот школьная жизнь) чересчур рано обрывает у детей счастливое детство и готовит им тусклую взрослость.

Что касается «бизнеса» и «выгод», можем сказать: у семьи Никитиных трудная жизнь, маленький бюджет — рубль с копейками в день на человека. Никаких «выгод» ни от кого они не получают — живут на зарплату.

Никитины называют свою систему «ранним, вернее своевременным» воспитанием. Детский мозг, говорят они вслед за физиологами, пластичнее всего в первые годы жизни — в годы, когда дети овладевают опорными человеческими навыками: прямохождением, работой рук, речью, мышлением, основами чувств. Именно тогда в их мозгу рождаются сложнейшие системы психофизиологических механизмов, которые потом всю жизнь управляют человеком.

В это время, думают Никитины, в детской психике легче всего начать пробуждать все заложенные в ней способности — физические, эмоциональные, умственные, нравственные, волевые. Можно сказать, добавим мы, что в это время в человеке сильнее всего способность к развитию способностей. Потом она постепенно слабеет, делается с годами меньше.

ЗДОРОВЬЕ

Ключ к системе Никитиных — ранняя разносторонность. Родители с первых лет жизни развивают в детях их тело, ум, дух, чувства, волю.

С первых же недель жизни Никитины учат малышей проситься — держат над тазиком. Поэтому стирки пеленок у них в 10—15 раз меньше обычного.

С трех месяцев в кровати у малыша перекладина: он цепляется за нее, подтягивается, руки у него крепнут, а в мозгу рано созревают механизмы, ведающие работой рук. В 3—4 месяца малыш может провисеть, держась на пальцах, полминуты. В 2—3 года держится на турнике одной рукой. В 2—3 года ребята могут поднимать тяжесть, равную их весу. В 4 года могут пройти в походе 20 километров в день.

Здоровье у ребят редкостное. До года они совсем не болеют (кроме врожденного диатеза, от которого они избавляются к 3—4 годам). Потом болеют раз в 10—15 меньше сверстников и куда легче их.

Ловкость, сила, закалка — все это дает им радостное ощущение своего тела, рождает бодрость, уверенность в себе — очень важные опоры для свободного и раскованного развития душевных сил.

УМ

Никитины создали для детей особую развивающую среду. Эта «усиленно воспитывающая среда» состоит из множества вещей-воспитателей, игр-воспитателей, инструментов-воспитателей — умных вещей, с которыми дети занимаются сами. Особые игры, изобретенные родителями, спортивные снаряды, инструменты из мастерской — все они полны сгущенным зарядом человеческого ума и именно поэтому хорошо пробуждают ум в детях.

Дети, играя и в игре — без всякого нудного заучивания, — пробуждают в себе самые разные способности и умения. Незаметно и без усилий они научаются читать и считать (в 3—4 года), писать (в 4 года). В 5—6 лет они понимают план, карту, умеют делать чертеж с модели.

Все это им интересно, все хочется делать, так как это — игра, то есть естественный для детей вид жизни. От этого у них появляются повышенная любознательность, молниеносная сообразительность, цепкая память. Школьный материал они усваивают без труда. Устных уроков часто совсем не делают — хорошо запоминают объяснение учителя. Велика у них и быстрота схватывания — новое ловят на лету, на домашние задания тратят мало времени.

В прошлом году уровень способностей у ребят проверяли по особым тестам для взрослых. Старшие мальчики дали результат, которого добивается только 0,5 процента взрослых, старшие девочки — результат, которого достигают только 3 процента взрослых.

ДУХ

Но сила мышц и ума может быть и доброй, и злой. Сила — как бы мотор, двигатель для человека, но чтобы идти верным курсом, нужен и руль — нравственная высота.

Нравственное воспитание — самая, пожалуй, трудная часть воспитания для Никитиных. В физическом и умственном развитии их детей много заманчивого: ребята развиваются, как бы играя, и в их творческой игре мало скучного, неинтересного — мало обязанностей. В нравственном развитии многое строится именно на обязанностях, часто неинтересных, скучных. Поэтому так много души и нервов отдают нравственному развитию детей родители, особенно Лена Алексеевна.

Малыши у Никитиных делают вместе со старшими все: носят воду, готовят еду, моют пол, стирают, помогают топить печки... Трудовое воспитание, привитие детям вкуса к домашнему труду, к помощи друг другу стало стержнем нравственного воспитания у Никитиных.

При этом родители не заставляют детей делать какую-нибудь работу. Они приохочивают к ней, учат детей хотеть то, что нужно, стараются сладить в их душах «надо» и «хочу». Дети должны свободно, без принуждения, делать все, в том числе неприятные работы, — так считают родители.

Выращивая в детях эту свободную потребность, Никитины, как они сами говорят, дают им иногда чересчур много поблажек, не загружают их непреложными обязанностями. Иногда это ведет к отлыниванию от скучных дел (особенно у мальчиков), и эта естественная огреха в воспитании, от которых никто не застрахован.

Ошибки и огрехи встречаются у них, конечно, и в других сторонах воспитания. Обычная неизбежность ошибок усиливается еще тем, что Никитины часто идут по целине. Но они чутко — и без самолюбия — относятся к своим промахам, стараются поскорее исправлять их.

РАЗНОСТОРОННОСТЬ

Одновременность в развитии мышц, чувств, ума, воли оберегает никитинских ребят от уродливой однобокости.

В наш век нервных перегрузок и физических недогрузок разносторонность имеет элементарное медицинское значение: она избавляет людей от дефицита движений, этого бича здоровья, избавляет и от умственных перегрузок, давая быстроту и легкость усвоения.

Это системное, комплексное развитие личности. Все стороны человека растут здесь соразмерно, без раздувания и выпячивания. И это по-настоящему здоровое и по-настоящему нормальное развитие человека — свободное выявление всего того, что заложено в него природой.

Из-за своей разносторонности (и игрового характера) раннее развитие отнюдь не изнуряет мозг ребенка непосильными нагрузками, а делает этот мозг более сильным, а сами нагрузки — посильными для него.

Впрочем, вопрос о пределах детских нагрузок и теоретически не ясен, и давно бы пора найти эти пределы в особых медико-педагогических исследованиях. Никитины практически — на своих детях — доказали, что ранние и разносторонние нагрузки приносят не вред, а пользу. Но этот практический опыт — а в нем, возможно, есть и слабые места — должна проверить и узаконить наука. И чтобы результаты были общезначимы, проверку, видимо, придется вести на большом числе детей.

Что же дает детям Никитиных раннее и разностороннее развитие? Оно дает им добавочное здоровье, добавочную физическую и нервную энергию. Оно избавляет их от постоянных простуд, которыми обычно страдают дети, от болезней, рождаемых сидячей жизнью.

Оно дает им много добавочного времени — на любимые занятия, любимые игры, отдых. Оно избавляет их от умственных перегрузок, от напряженности и озабоченности несделанным — нервной атмосферы, в которой живут многие школьники.

И еще один важный вывод. Воспитание у Никитиных — сплав лучших традиций из многих старых систем воспитания: спартанской — с ее физической закалкой; афинской, которая соразмерно развивала крепость тела, силу ума, высоту духа; русской общинно-крестьянской — с ее ранним приучением к посильному труду, к коллективизму, с ее закаливанием (крестьянские дети тоже бегали босиком по снегу). Много у Никитиных и от макаренковского демократического коллективизма. Словом, их система — уравновешенный сплав из смелого новаторства и хороших традиций.

НУВЭРС

Так сокращенно назвал Борис Павлович Никитин новую теоретическую гипотезу развития способностей. Упрощенно эта гипотеза выглядит так.

В деятельности людей есть два типа задач: старые, которым человека учили и которые он раньше решал; и новые, которым его не учили и с которыми он не сталкивался.

Способности людей тоже делятся на две группы: исполнительские — способности к решению старых задач, и творческие — к решению новых. Эти разные способности по-разному и развиваются. Исполнительские сначала растут быстро, потом — с нарастающим замедлением. Творческие сначала растут медленно, незаметно, потом их развитие все ускоряется.

Дошкольное детство, считает Б. П. Никитин, — это самое благодатное время для пробуждения всего комплекса творческих и исполнительских способностей. Со временем «способность к развитию способностей» угасает. Если ребенок не упражняет свои задатки, они начинают таять, причем тем сильнее, чем меньше их упражняют.

Этому тормозу в развитии способностей Б. П. Никитин дал имя нуварс (необратимое угасание возможностей эффективного развития способностей). По его мнению, нуварс особенно сильно тормозит творческие способности и меньше — исполнительские.

Именно нуварс (из-за нынешнего запаздывающего развития) не дает большинству людей стать творцами; если нейтрализовать его — творческий потенциал человечества может резко вырасти.

Эта гипотеза очень интересна, но она пока только гипотеза. Она подтверждена в основном на «материале» никитинских детей и тех нескольких сотен ребят, с которыми сами Никитины смогли сравнить их.

Окончательно еще не установлено, какая именно доля успеха Никитиных зависит от их системы раннего развития, какая — от наследственной одаренности, которую дети могли получить от родителей, какая — от личных качеств самих воспитателей.

Чтобы более или менее точно выяснить это, нужны широкие и комплексные исследования многих детей и семей — психофизиологические, генетические, медицинские, педагогические, социальные.

Медлить с такими исследованиями больше, видимо, нельзя: если гипотеза подтвердится, это может привести к коренным поворотам во всей системе воспитания, к резкому скачку в духовных возможностях большинства людей.

Кстати говоря, неверно думать, что раннее разностороннее развитие может существовать только там, где много детей. Оно впору любой семье — были бы только хорошие воспитатели. Его с успехом применяют сейчас в семьях с одним, двумя, тремя детьми. Есть уже и детское учреждение, в котором воспитание во многом основано на таких принципах, — это химкинская студия эстетического воспитания для дошкольников. Б. П. Никитин работает в ней около 8 лет, и развитие способностей у детей идет там примерно вдвое быстрее обычного. Это первый опыт коллективного раннего развития, и в этом его принципиальная важность, весомость для будущего.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Недавно группа по изучению семьи Института социологических исследований АН СССР взяла шефство над семьей Никитиных и начала изучать систему их воспитания и ее возможные социальные следствия.

Что может дать обществу раннее разностороннее развитие детей (если выяснится, что главный залог успеха — именно оно, а не наследственная одаренность)?

Прежде всего — освобождение от умственных перегрузок, которые утяжеляют жизнь десятков миллионов людей во всех звеньях обучения. Давая людям большую скорость и легкость усвоения, раннее разностороннее развитие может стать новым лекарством от новых болезней времени, одним из противоядий от взрыва информации. Это будет особенно важно, когда научно-техническая революция развернется на полную мощь и когда постоянное обучение и переучивание может стать уделом большинства людей.

Никитинское воспитание — первая серьезная попытка вырастить разностороннего человека-творца. Возможно, что такое воспитание — это рождающийся в самой жизни практический путь к будущему, практический воспитательный рычаг решения этой огромной социальной задачи.

Какие минусы могут быть у раннего разностороннего развития? Среди его сторонников найдутся, наверно, и ретивые [illegible], и [illegible] воспитатели, которые могут сильно повредить детям. Уменьшить эту опасность можно только целеустремленным воспитанием самих воспитателей, постоянными призывами к осторожности.

Десять лет идут у нас разговоры о Никитиных. Пора бы установить и настоящее шефство науки над семьей — рабочее сотрудничество психологов, физиологов, врачей, педагогов, социологов.

БЕСЕДЫ С УЧЕНЫМИ

СЕРЬЕЗНОЕ БЕСПОКОЙСТВО, ОБОСНОВАННЫЕ НАДЕЖДЫ

М. А. Стырикович

● *Корреспондент «ЛГ» А. УДАЛЬЦОВ беседует о некоторых проблемах глобальной экологии с Героем Социалистического Труда, академиком М. СТЫРИКОВИЧЕМ.*

Рисунок Е. ПЕСИНОВА

— За последнее время появилось невиданное количество статей и книг, посвященных настоятельной необходимости защиты природы. Но почему именно сейчас? Ведь в истории человечества не было таких периодов, когда бы люди, борясь за лучшие условия существования, не наносили ущерба окружающей среде. Достаточно вспомнить о лесных запасах планеты, которые безжалостно эксплуатировались во все времена и во всем мире и теперь уже более чем на половину уничтожены. Однако прежде в обществе не было сколько-нибудь существенного беспокойства за будущее Земли. В последнее же десятилетие полная безмятежность сменилась всеобщей тревогой. Ученые, писатели, журналисты, общественные деятели, словно сговорившись, начали писать об угрожающем истощении природных ресурсов, о перенаселенности планеты, об ужасающей загрязненности окружающей среды и нарушениях биологического равновесия в системе «человек — живая природа». Они продолжали большую работу...

— Да, разумеется. В обществе появилось беспокойство за судьбы окружающей нас природы, люди начали постепенно проникаться идеей взаимосвязанности всех процессов, происходящих на Земле. Раньше большинство населения на имело об этом никакого представления. Теперь же создается впечатление, что общественное сознание достигло определенной грани. Люди все больше ощущают: происходит что-то очень существенное и зачастую необратимое во взаимоотношениях человека и окружающего его мира. Сила, глубина, размах вмешательства в сложившийся на Земле порядок приняли глобальный характер. Этим и вызван тот повышенный интерес и теме «человек и природа», о котором вы говорите.

Так что итоги работы, проведенной общественными деятелями, учеными, писателями, журналистами, налицо. Вспомните, как много сделала общественность, в том числе и авторы «Литературной газеты», чтобы на озере Байкал наконец установили тройную систему защиты, хотя и она не решает всей проблемы...

— Михаил Адольфович, воздадим должное достигнутому, но перейдем упомянутую вами грань и поговорим сегодня не о частностях, а о некоторых коренных проблемах глобальной экологии. Вы выступили на общем собрании АН СССР с докладом «Взаимодействие топливно-энергетического комплекса с окружающей средой», и читателям «Литературной газеты» было бы интересно узнать вашу точку зрения на эти проблемы.

— Я не биолог, а энергетик и поэтому связан только с вопросами истощения энергоресурсов и нарушения антропогенного равновесия под влиянием топливно-энергетического комплекса. Но вот как раз этот-то комплекс и является ответственным за значительную, определяющую долю загрязнения окружающей среды. Он же играет и заметную роль в нарушении биологического равновесия. Поэтому за последние годы я уделял большое внимание установлению роли энергетики в системе взаимодействия человека и природы и счел необходимым выступить на общем собрании Академии наук СССР, наиболее крупном научном форуме страны.

САМАЯ ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ — ЯДЕРНАЯ

— Начнем с энергетики, Михаил Адольфович, несмотря на ее на какие кризисные явления в природе, человек продолжает и будет продолжать заботиться о своем благосостоянии. Одним из главных факторов, определяющих уровень жизни, считается возможность широкого использования энергетических ресурсов Земли. Еще совсем недавно, в 20-е годы нашего столетия, топливом служили практически только каменный уголь и дрова, теперь основное место занимают нефть и природный газ, а доля угля снизилась до 25 процентов. Бурно развивается атомная энергетика. Казалось бы, поводов для беспокойства нет. Но вот мы стали свидетелями, как в развитых капиталистических странах разразился энергетический кризис. Меры, применявшиеся для выхода из тупика, были подчас анекдотичными. На улицах западных столиц вновь появились конные экипажи немца прошлого столетия. Казалось, технический прогресс повернул вспять. Разумеется, причины этого кризиса не экологического свойства. Но сразу же активизировались заговорили, с одной стороны, об истощении запасов химического топлива, с другой — о ненадежности и даже опасности дальнейшего развития электростанций с использованием ядерных реакторов. Так ли это? Не грозит ли нам энергетический кризис? Как ученые оценивают запасы химического топлива?

— Да, действительно, одна из главных, глобальных проблем экологии связана с энергетикой. Запасы органических ископаемых — нефти, природного газа и даже угля — ограничены.

Несколько десятков лет назад величина ежегодно потребляемых ресурсов казалась несопоставимо малой по сравнению с имеющимися запасами топлива. И хотя вопрос об истощении в будущем этих запасов возникал, казалось, что он относится к весьма и весьма отдаленному будущему. В последнее время тревога усилилась.

И все же запасы нефти и природного газа могут считаться гораздо большими, чем это недавно предполагалось, если, конечно, включить в них те ресурсы, которые недавно, в период очень дешевой нефти, считались экономически нерентабельными; интенсификация разрабатываемых и вновь открытых промыслов, добыча нефти в прибрежных мелководных и даже глубоководных районах, получение нефти из нефтеносных песков, переработка угля на жидкое топливо и газ. Запасы же угля всегда считались во много раз большими, чем запасы нефти. В общем, если допустить возможность извлечения ресурсов, считавшихся доселе нерентабельными, что, безусловно, приведет к некоторому повышению стоимости всех видов энергии, то при неизменном темпе роста, а это означает удвоение мирового потребления энергоресурсов каждые 20 лет, органических ископаемых хватило бы, по всей вероятности, всего на 150 лет.

Однако, помимо органического, во все нарастающей доле используется ядерное топливо. Поэтому уже в ближайшие десятилетия рост потребления органических ресурсов замедлится. Запасы же ядерного горючего — урана и тория — достаточно велики, даже если их использовать только на 1—1,5 процента, как сейчас на атомных электростанциях с реакторами на медленных нейтронах. Если же учесть, что, по-видимому, к началу XXI века основным станет реактор-размножитель, где использование применяемого сегодня топлива будет идти полнее в 20—30 раз, то эти ресурсы энергетики значительно возрастут.

Так что имея в виду ядерное горючее, а в далекой перспективе — и термоядерную энергетику, ресурсы можно считать практически неисчерпаемыми. Во всяком случае, на целый ряд столетий. Но тут возникает единственно спорный на сегодня вопрос: а сможет ли человечество в массовом масштабе переключиться на атомную энергетику?

Вопрос об опасности ядерной энергии сейчас широко дискутируется в зарубежной печати. Тут возникают «крестовые походы» против нее, возглавляемые буржуазными журналистами, такими, как, например, Р. Нейдер из США. Этой же точки зрения придерживаются лауреаты Нобелевской премии Л. Полинг и Х. Альвен, не являющиеся, правда, специалистами в ядерной технологии. Но сегодня даже наиболее ярые оппоненты ядерной энергетики не говорят о загрязнении атмосферы или гидросферы в процессе нормальной эксплуатации атомных станций. Подчеркиваю: нормальной. Для всех ясно, что при современных методах ядерной технологии ядерная энергия является наиболее чистой, практически не загрязняющей атмосферу.

Если говорить о захоронении отходов, то следует сказать, что, несмотря на значительные успехи в разработке методов захоронения, этот вопрос не снимается с повестки дня. Однако нельзя забывать, что отходов на АЭС примерно в миллион раз меньше, чем золы на обычных электростанциях. Такое маленькое количество отходов можно захоронить даже при самых строгих мерах предосторожности.

Есть два основных опасения, которые рассматриваются. Первое — это возможность крупной аварии на атомной станции. Надеюсь, читатели «Литературной газеты» понимают, что на современной ядерной электростанции атомный взрыв невозможен в принципе. Никакие технические средства не могут там заставить взорваться ядерное горючее.

Но говорят о возможности крупной аварии с выбросом радиоактивного содержимого реактора, которое рассеется по окружающей местности, и при этом пострадает некоторое количество людей, находившихся вблизи от станции. Ни один ученый не скажет, что такая авария не может произойти нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах. Однако для ее возникновения необходимо, чтобы, во-первых, взорвался прочный металлический корпус реактора, во-вторых, чтобы защитная оболочка, окружающая помещение, в котором находится этот корпус, не удержала продуктов взрыва (а она рассчитана как раз на такое удержание) и сама разорвалась. И, в-третьих, чтобы три последовательные системы, поглощающие вырвавшийся пар, отказали. Расчеты показали, что статистическая вероятность такой аварии при наличии, скажем, ста крупных атомных электростанций равняется одной аварии в десять тысяч лет.

На 200 мощных реакторах, которые сейчас работают в разных странах, не было ни одной сколь-нибудь крупной катастрофы. Разумеется, это нельзя считать научно обоснованным доказательством полной безопасности, потому что станций пока еще слишком мало. Доказательством является оценка статистической вероятности опасности крупной аварии.

Расчеты показали, что если к 2000 году половина всей энергетики США или Японии будет состоять из атомных станций современного типа, как это и предполагается, то вероятность погибнуть в результате такой аварии среди американцев будет много меньше, чем вероятность погибнуть от удара молнии, а среди японцев — в сотни раз меньше, чем возможность погибнуть в результате землетрясения или тайфуна.

Но общественность гораздо острее реагирует на эмоции, чем на цифры, в поэтому даже такая малая вероятность аварии многими рассматривается как недопустимая. А между тем подсчеты показывают, что суммарное количество возможных жертв, приходящееся на киловатт-час выработанной энергии на атомной станции, включенной в цепочку от добычи топлива до захоронения отходов, будет в десять раз меньше, чем на угольной станции, включая всю цепочку добычи угля.

Лично для меня это служит доказательством, что современные меры предосторожности делают атомную энергетику более безопасной, чем другие виды энергии. Так же считает и большинство западных ученых-специалистов в области ядерной энергетики.

Вторая опасность, которая обсуждается, — возможность похищения группой злоумышленников плутония. Вариант шантажа широко рассматривался в западной печати, он стал сюжетом многих детективных романов, мне их приходилось читать.

Хочу подчеркнуть: речь идет не о настоящем времени, а о будущем. Действительно, плутоний может быть выделен из тепловыделяющих элементов атомной станции ближайшего будущего чисто химическим способом. Иначе говоря, злоумышленники, похитив какое-то количество тепловыделяющих элементов, состоящих из тех или иных соединений, содержащих уран и плутоний, могли бы в химической лаборатории выделить и собрать несколько килограммов плутония, которые необходимы для изготовления бомбы. Но при этом надо иметь в виду, что во всех циклах производства будет всего лишь один момент, когда такая операция станет возможной. И, конечно, данный участок технологической цепочки должен быть обставлен соответствующими мерами охраны. Разумеется, это относится к странам, где подобные явления шантажа являются широко распространенными. Я же твердо верю в то, что человечество сумеет достаточно надежно оградить себя от подобного рода действий каких-либо преступных организаций.

Таким образом, если считать развитие атомной и термоядерной энергетики допустимым — а я именно так и считаю, — то запасы топлива практически не ограничены сроками. Опасность может нас подстерегать с другой стороны. Человечество будет обеспечено энергоресурсами в таком количестве, что они смогут нагреть земной шар до уровня, когда существование на нем современных форм жизни стало бы невозможным.

МЫ УМЕЕМ ВЛИЯТЬ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ КЛИМАТ ЗЕМЛИ, НО

— Есть мнение, что климат Земли изменяется, наоборот, в сторону похолодания. И вообще в последние годы метеорологи разных стран приходят к выводу, что во всеобъемлющей системе погоды на земном шаре что-то расстроилось. По их мнению, климат на Земле начинает меняться. И не в лучшую сторону. К последствиям этого процесса, по мнению западных специалистов, следует отнести многие факты. На Британских островах вегетационный период уменьшился приблизительно на две недели. Осенняя буря уничтожила в 1973 году посевы пшеницы на большой территории Канады. Уже сейчас во многих странах урожая зерновых не увеличиваются, участились засухи. В Перу, где теплые массы воды отгеснили от побережья холодное течение, улов анчоусов сократился на 55 процентов, между тем смог в Перу и Аргентине нормится мукой из анчоусов. Некоторые метеорологи считают, что приближается всеобщая стихийная катастрофа, которую трудно предотвратить. Что же ожидает нас: засухи, неурожай, голод или, наоборот, постепенное улучшение погоды и возвращение к климатическим условиям первой половины XX века, считающимся наилучшими в мировой истории? Каковы перспективы целенаправленного воздействия человека на глобальное изменение климата Земли?

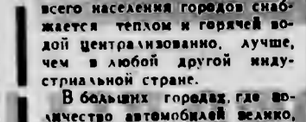
— Я уже говорил, что человечество в перспективе будет иметь достаточно энергоресурсов, чтобы сделать землю в результате перегрева по крайней мере необитаемой, но до этого еще очень далеко. Сегодня в процессе деятельности человека в окружающее пространство выделяются примерно одна-две сотые процента той энергии, которую Земля получает от Солнца и соответственно рассеивает в мировое пространство. Однако если темпы развития энергетики сохранятся — а они увеличиваются в 100 раз за каждое столетие, — то через сто лет цифре будет равняться 1—2 процентам. Само по себе это было бы не очень страшно. Но глобальный механизм климата—крайне чувствительная и неустойчивая вещь, и многие метеорологи приходят к выводу, что уже один процент был бы опасным и привел бы к серьезным климатическим нарушениям. Кроме того, человеческое воздействие на природу не ограничивается только выделением тепла. Изменяется и так называемое альбедо Земли, то есть доля солнечных лучей, которые отражает земной шар в мировое пространство. Все это может чрезвычайно существенно перераспределить тепловой баланс по разным зонам.

Многие считают, что глобальные изменения климата, которые имели место за последние 70—80 лет, являются результатом деятельности человека. Действительно, примерно с 70-х годов прошлого века и до конца 40-х годов нашего столетия средняя температура на земном шаре медленно повышалась. Повышение, конечно, сопровождалось большими колебаниями температуры от года к году, но в среднем отмечалось глобальное потепление. Ряд ученых связывает это явление с прогрессирующим выбросом углекислоты. Но обратите внимание: за последние тридцать лет выброс углекислоты в атмосферу возрос в два-три раза, однако с конца 40-х годов температура поползла вниз. В результате этого процесса возросла площадь арктических льдов. Началось похолодание (хотя, естественно, опять, происходят значительные колебания, и наглядный тому пример — зима и весна нынешнего года). Скорее всего понижение температуры связано с выбросами аэрозолей—мельчайших частиц, сопровождающих сжигание топлива. Крупные частицы быстро выпадают на земную поверхность или вымываются осадками. Небольшая доля мельчайших частиц прорывается выше облачного покрытия, может существовать там годами и обусловливать некоторое помутнение атмосферы, ведущее к снижению температуры на Земле. К сожалению, мы не умеем детально анализировать результаты подобных процессов. Только глобальная программа исследований верхних слоев атмосферы при помощи спутников сможет полностью ответить на этот вопрос. Но пройдет еще довольно много времени, прежде чем мы надежно свяжем результаты наших замеров в атмосфере с изменением климата на Земле.

Сейчас же можно с уверенностью сказать, что есть два основных направления изменения климата, вызванных действием человека. Они ведут к разным глобальным результатам: углекислота повышает температуру, а мельчайшие частицы в верхних слоях атмосферы снижают. Мы, конечно, можем уже сейчас влиять на климат. Если бы, например, температура начала угрожающе повышаться, то ее легко было бы искусственно понизить за счет специального запыления верхних слоев атмосферы. Технически это сегодня возможно и не слишком дорого. Но прибегать к такого рода мерам было бы сейчас опасно. Еще раз подчеркиваю: механизм погоды очень чувствителен, и пока мы твердо не понимаем, что такое хорошо и что такое плохо в этом вопросе, прибегать к искусственным действиям недопустимо.

Впрочем, я думаю, что в ближайшие десятилетие ничего катастрофического ожидать нельзя. Если температура несколько повысится, то мы вернемся к 40-м годам этого века. Если она чрезвычайно понизится, мы сможем этот процесс несколько придержать, хотя повысить температуру гораздо сложнее, чем понизить. Безусловно, уже сейчас необходимо расширить исследования, которые позволили бы создать полноценный метод изучения мирового климата. И тогда можно будет определить, в какую сторону изменение желательно, в какую нет. Ведь вопрос о том, как влияет небольшое потепление или небольшое снижение температуры на мировой урожай (а в этом корень проблемы!), требует очень внимательного рассмотрения. Нельзя забывать, что оценку первой половины XX века как наилучшего периода в истории последних веков ряд специалистов не разделяет. Потепление вызвало, скажем, улучшение урожая в Индии, но увеличило число засушливых лет в степных районах северного полушария.

Таким примером можно еще раз подчеркнуть взаимосвязанность и взаимозависимость всех процессов в природе — и в этом основа экологии. Если бы увеличилось количество осадков в Подмосковье или в нечерноземной полосе, то кому это нужно? А если увеличивается количество осадков в степной полосе, то какое это для вас благо! Важно сделать так, чтобы при изменении глобального климата зоны недостаточного увлажнения получили больше осадков, а наоборот.



— Вы говорили об аэрозолях — продуктах сгорания, выбрасываемых в приземные слои атмосферы и влияющих на климат. По мнению специалистов, 80 процентов загрязнения атмосферы в развитых странах падает на долю продуктов сгорания, обеспечивающего процессы производства и получение энергии, движение автомобилей. Каковы реальные пути борьбы с этим неприятным явлением и хорошо ли мы изучили вредные последствия тех или иных выбросов? Располагает ли наука надежными, научно обоснованными данными о влиянии загрязнения на здоровье людей, животный и растительный мир?

— Как мы уже с вами выяснили, нагрев атмосферы в ближайшем будущем, по-видимому, не принесет существенных неприятностей, и основным является вопрос о ее загрязнении. Наименее полно сжигают топливо автомобили. В странах с большим автомобильным парком машины — основной источник отравления атмосферы. Так, например, в ФРГ на долю электростанций приходится 25 процентов всего топлива и 9 процентов вредных выбросов, а на долю автомобилей всего 12 процентов топлива, но 50 процентов загрязнения атмосферы. Интересно, что на втором месте в ФРГ стоит отопление жилищ, которое дает более 30 процентов загрязнений. В этом отношении положение в СССР, где до 80 процентов всего населения городов снабжается теплом и горячей водой централизованно, лучше, чем в любой другой индустриальной стране.

В больших городах, где количество автомобилей велико, а условия рассеивания выбросов (особенно в безветренные дни) плохие, уже сейчас нередко загрязнение воздуха на магистральных улицах (особенно у перекрестков — вы, наверно, это чувствуете сами) значительно превышает санитарные нормы.

Поэтому исключительно важно иметь надежные научно обоснованные данные о масштабе вредности тех или иных выбросов, об их влиянии на здоровье людей, животный и растительный мир и всю биосферу.

Сложности таких исследований заключаются в том, что в отдельных местах и а целых районах концентрации ряда вредных примесей могут достигать угрожающих и даже опасных значений в некоторые периоды, особо неблагоприятные по условиям рассеивания, хотя среднегодовые их значения обычно остаются значительно ниже предельно допустимых. В этих условиях необходимо знать степень вреда, причиняемого здоровью людей в зависимости не только от концентрации, но и от длительности в повторяемости.

Однако существующие санитарные нормы дают лишь значения предельно допустимых концентраций. Выделить влияние отдельного вредного выброса на ту или иную болезнь пока еще очень трудно. Правда, современная мощная статистика заболеваний в соединении с частыми замерами — а в одном Советском Союзе делается свыше 3 миллионов анализов воздуха в год, — вероятно, позволит в ближайшее время методом многофакторного системного анализа с привлечением электронно-вычислительных машин дать расчетные уравнения, связывающие концентрацию тех или иных примесей с уровнем заболеваний. На их основе мы получим достаточно надежно обоснованные данные о влиянии загрязненной атмосферы на здоровье людей. Но для этого нужно проделать громадную работу. Речь не идет об ослаблении норм — весьма вероятно, что их придется сделать еще жестче, но надо же знать, против чего бороться!

Технические-то средства борьбы с загрязнением существуют. Но вот стоят они пока очень дорого. Уже сейчас во всем мире на борьбу с выбросами израсходованы миллиарды долларов, а в ближайшее время счет пойдет на десятки миллиардов! Поэтому надо сопоставлять расходы с тем ущербом, который мы получаем при определенном повышении загрязнения. Может быть, ущерб не так и значителен, и эти миллиарды могли бы существенно способствовать улучшению здоровья людей во всем мире, если бы они были брошены на улучшение жилищных условий и санитарно-медицинского обслуживания.

С научной точки зрения, все время надо сравнивать, куда лучше направить те ограниченные средства, которыми человечество располагает. Все время помнить о той взаимосвязи, которая существует в мире. Надо реально знать, где воны наиболее ущербные и как с ними наиболее дешево можно справиться. С моей точки зрения, это единственно правильный научный подход.

В ШКОЛЕ НЕОБХОДИМ УРОК ЭКОЛОГИИ

— Михаил Адольфович, я все-таки, что следует понимать под часто употребляемыми словами «экологический кризис» и действительно ли на человечество стоит надвигающаяся катастрофа, как утверждают некоторые западные ученые?

— Думаю, что локальные кризисные явления в системе «человек — живая природа» существовали и в прежние времена. Только масштабы их были меньше. Под кризисом я понимаю такие нарушения в сложившейся живой природе, вызванные деятельностью человека, которые принимают угрожающие размеры и вызывают в крупных масштабах необратимые явления.

Своего рода экологический кризис вызвала наряду с другими причинами массовая распашка земель на Западе США, которая привела к пыльным бурям. В некоторых местах земного шара и сейчас есть критические ситуации по отношению к отдельным сообществам. Например — китов. Типичная рыба прежнего лова, когда ловили на мелководье, — сельдь, треска. Их улов в последнее время снижается.

Так что если попытаться объективно разобраться во всей массе накопленных ученными данных, то становится ясно, что основания для серьезного беспокойства, безусловно, есть. При этом, как мы выяснили, воздействие человека на глобальный климат или угроза исчерпания энергетических и сырьевых ресурсов, видимо, дело довольно отдаленного будущего, а вот во взаимодействии человека с биологической средой уже сейчас есть все основания для беспокойства. Загрязнение атмосферы во многих городах мира достигло угрожающего уровня. Я имею в виду не только отдельные случаи катастрофического «смога» при особо неблагоприятных погодных условиях. Статистика заболеваний, особенно болезней верхних дыхательных путей, четко показывает, что среди людей, проживающих в районах с наиболее загрязненной атмосферой, частота заболеваний существенно выше, чем в районах с более чистой атмосферой. Это как раз свидетельствует о том, что средний уровень загрязнения а таких районах является недопустимым, кризисным. Так что, как это ни печально признать, общий экологический кризис уже в какой-то степени имеет место.

Тяжелых его последствий избежать, конечно, можно, однако ученым и специалистам в области экологии, биологии, физиологии, санитарии надо во много раз увеличить масштаб своих исследований, направленных на разработку новых, более эффективных и более дешевых путей борьбы с загрязнением атмосферы, борьбы с загрязнением наших рек, борьбы с нежелательным воздействием локальных тепловых сбросов в водоемы. Результаты этих исследований позволят нам говорить не об охране природы от человека, а гораздо более широко — об оптимизации сложных взаимосвязанных и взаимовлияющих процессов в системе «человек — природа».

Экологию надо начинать изучать еще в школе, столько бы уйти от природоведения времен Линнея, когда главным было знать, какие существуют виды растений. Теперь эта часть природоведения играет второстепенную роль; сегодня недостаточно знания того, как работают отдельные организмы растений и животных. Важно представлять себе, как живет каждый отдельный организм а сложной экологической системе. У нас же до сих пор слишком много изучают строение человеческого тела, строение животного тела, органы растений. Все это, наверное, полезно и необходимо, но нельзя упускать из виду, что организмы существуют не отдельно, а в сложных комплексных сообществах. Уже в школе следует давать понятие об экосистемах, а в вузах изучать процессы изменения природы, вызванные той или иной промышленной технологией.

ТЯЖЕЛЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ КРИЗИСА МОЖНО ИЗБЕЖАТЬ

— Социалистическая организация народного хозяйства в своей основе предполагает постоянную заботу об охране окружающей среды. Свидетельство тому — принятое в 1972 году постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». Крупные природоохранительные мероприятия проводятся и в капиталистических странах. В чем заключается социально-политический аспект проблемы? Что предпринимается для ее успешного решения и международном масштабе и что может сделать каждый человек, где бы он ни жил и какими бы делом ни занимался, для сохранения своего дома — маленькой планеты Земля? Что может сделать общественность, и в том числе писатели, для того чтобы вся изобретательность, талант, самоотверженность, трудолюбие человека были обращены в конечном счете на предотвращение тяжелых последствий «экологического кризиса»?

— Не случайно острые кризисные явления начались прежде всего в развитых капиталистических странах, где сам тип общества способствует стихийному, не контролируемому воздействию на окружающую среду. О последствиях такого воздействия общественность широко информирована, и нет необходимости приводить примеры. Однако было бы нелепо не замечать проблем, возникающих и у нас. Защите Байкала уделили много внимания, а вот Онежское озеро и сейчас под угрозой.

Так что проблемы есть. Не гораздо легче они решаются все-таки в социалистических странах, где государства имеют полную возможность, полное право распоряжаться любыми мероприятиями, направленными на охрану окружающей среды.

В США, Японии, ФРГ и многих других капиталистических странах эта проблема в последнее десятилетие приобрела острейший характер и стала проблемой века, проблемой номер один. Ученые западных стран чаще всего пессимистически смотрят на возможность аффективной борьбы. Частная собственность, а в ряде стран и отсутствие единого законодательства, регламентирующего мероприятия в этой области, мешают добиться существенных успехов. Но все же природоохранительные акции вынуждены проводить и развитые капиталистические страны, где под влиянием общественного мнения государства начинают активно вмешиваться в дела частных компаний и заставляют их осуществлять достаточно крупные мероприятия. Такие мероприятия, как я уже говорил, включают в себя дорогостоящие научные исследования и разработки новых технологических методов. Поэтому международное сотрудничество стран с равным социальным строем в этой области весьма полезно. И свидетельство тому — соглашение, которое заключено по вопросу охраны окружающей среды между Советским Союзом и США. Сотрудничество в этом направлении развивается достаточно успешно.

Но, как мне кажется, самое важное, что надо немедленно делать и сделать, так это добиваться того, чтобы каждый человек на Земле ясно понимал или хотя бы чувствовал сложный механизм взаимодействия живой природы, основные закономерности экологии, чтобы люди знали, как можно изменять природу и как ее изменять недопустимо. Еще раз напомню о необходимости уроков экологии в школе.

Без широкого участия общественности никакие государственные природоохранительные мероприятия не будут достаточно эффективными. Потому что только широкий действенный контроль обеспечивает полное выполнение государственных мероприятий и соблюдение санитарных норм. Контроль нужен и для того, чтобы некоторые хозяйственники, озабоченные выполнением плана и режимом экономии, не наводили неразумной экономии на защитных мероприятиях.

Однако я глубоко убежден, что лозунги «не изменять природу», «не трогать Байкал», «не трогать Онежское озеро» совершенно не реалистичны. Конечно, человечеству нужно сохранить в первозданном виде типичные ландшафты на определенной части территории. Для этого создаются заповедники. И, вероятно, они будут расширяться с каждым годом. Но превратить всю планету в заповедник было бы делом не реалистичным и не нужным.

Не надо перегибать палку и считать, что всякое вмешательство человека в природные дела недопустимо.

Мне пришлось в Соединенных Штатах проезжать через одну зону в штате Пенсильвания, где живет несколько тысяч сектантов, которые по своим убеждениям отрицают электричество, автомашины и тракторы и применяют для производства энергии лишь ветер да маленькие водяные колеса на свободно текущих реках. Живут там люди скудно, но жили бы куда беднее, если бы такой образ существования в высокоразвитой индустриальной стране не стал модным туристическим аттракционом, на котором прямо или косвенно они неплохо зарабатывают. И кроме всего прочего, эти люди ведь используют в быту вещи, изготовленные на фабриках и заводах с применением электричества.

Тем, кто пишет об окружающей среде, об экологическом кризисе, о взаимодействии человека и природы, следует пожелать осторожнее использовать зачастую недостаточно научно обоснованные публикации, которые в громадном количестве появляются сейчас, особенно в зарубежной прессе. В выступлениях на эту тему слишком много общих рассуждений, демагогической риторики и даже погони за сенсациями и слишком мало научного профессионального подхода.

Чем скорее общество научится отличать псевдонаучные сенсационные выступления от действительно острых проблем современности, тем эффективней будет вестись работа по предотвращению нежелательных воздействий человека на природу.

Проблема слишком важна и сложна, чтобы ее решать с использованием только общих лозунгов и дешевых сенсаций. «Я всегда а таких вопросах предпочитаю лозунгам цифры» — этой фразой я и закончил свое выступление на мировой, энергетической конференции, говоря о вопросах международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в сентябре 1974 года в Детройте.

РИТМЫ СОЦИАЛИЗМА

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Сборка тепловозов на комбинате «ЧКД».

ВЕНГРИЯ. С помощью Советского Союза в городе Секешфехервар построен и успешно работает алюминиевый комбинат.

Фото специального корреспондента «Литературной газеты» Михаила ТРАХМАНА

Аверелл ГАРРИМАН: «ОПИРАЯСЬ НА СОТРУДНИЧЕСТВО»

Это не первое интервью, данное Авереллом Гарриманом нашему нью-йоркскому корреспонденту Г. Герасимову. Не единожды за последние годы формулировал он и свою точку зрения на советско-американские отношения. Американский посол в Москве военных лет, Гарриман считает, что разрядка напряженности между США и Советским Союзом отвечает интересам обеих стран. Мнение его имеет тем больший вес, что в прошлом он занимал крупные посты в вашингтонской администрации. Был губернатором штата Нью-Йорк. Возглавлял делегацию США на переговорах о частичном запрещении ядерных испытаний. Общеизвестна также и его роль в американском деловом мире. Публикуемое сегодня интервью Аверелл Гарриман дал в связи с приближающимся 30-летием Победы над гитлеровским фашизмом.

ВОПРОС. Присутствовали ли вы при создании антигитлеровской коалиции?

— После вероломного нападения Гитлера 22 июня 1941 года британский премьер-министр Черчилль в своем заявлении в английском парламенте объявил о поддержке Советского Союза. Хотя Соединенные Штаты тогда еще не вступили в войну, президент Рузвельт уже в середине июля направил своего ближайшего советника Гарри Гопкинса в Москву, чтобы обсудить, чем Соединенные Штаты могли бы помочь Советскому Союзу в те тяжелые дни, когда нацисты глубоко вторглись на территорию Советского Союза.

Вернувшись, Гопкинс высказал твердое убеждение, что русские выстоят, и рекомендовал президенту как можно скорее принять меры для оказания поддержки Советскому Союзу. В результате было решено направить в Москву англо-американскую миссию, чтобы подробно выяснить, в чем нуждался Советский Союз. Для участия в переговорах Черчилль назначил члена английского военного кабинета лорда Бивербрука, а президент Рузвельт — меня. Мы прибыли в Москву в конце сентября. Эти первые трехсторонние встречи и положили начало той коалиции, которая в конечном счете разгромила Гитлера.

По возвращении Бивербрук и я рекомендовали начать максимально возможные поставки военных материалов, сырья и продовольствия, чтобы поддержать усилия русских. Вскоре начались поставки за счет тех запасов, которые в то время имелись в нашем распоряжении. Позднее они увеличивались по мере того, как набирало силу военное производство.

Два месяца спустя, 7 декабря, японцы напали на Пирл-Харбор, и Гитлер тоже объявил войну Соединенным Штатам. С этого момента наши три страны объединились в великую антигитлеровскую коалицию. Впервые руководители трех стран встретились в Тегеране, а затем в Ялте для согласования наших военных планов. Эти встречи сделали возможным то тесное сотрудничество, которое привело к поражению Гитлера и вынудило германские войска пойти на безоговорочную капитуляцию.

ВОПРОС. Как вы оцениваете роль Советского Союза в победе союзных сил?

— Несмотря на неожиданное нападение нацистов, которое принесло столь огромные разрушения и потребовало столь колоссальных жертв, несмотря на то, что фашистские войска приблизились к Москве, окружили Ленинград и продвинулись на значительное расстояние в направлении Кавказа, героизм советского народа позволил остановить фашистское наступление. Твердая решимость народа и его руководителей позволила провести реорганизацию и перевооружение Советской Армии. Затем, когда Советская Армия [illegible] военными действиями.

А тем временем на западе бомбардировщики союзников наносили сильные удары по промышленности в городах Германии. Немецкие и итальянские войска были разбиты в Северной Африке и в Италии.

В июне 1944 года западные союзники осуществили высадку в Нормандии. Одновременно Советская Армия развернула очередное наступление на советско-германском фронте. В результате тяжелых боев фашистские войска были отброшены в глубь Германии, союзники встретились на ее территории и заставили фашистские войска безоговорочно капитулировать.

Все это стало возможным благодаря несокрушимой доблести советского народа, который был преисполнен решимости любой ценой отстоять свою Родину.

Сейчас, в канун 30-й годовщины Победы, мы, американцы, воздаем должное исторической роли советского народа в победе над Гитлером.

ВОПРОС. Что вы можете сказать о развитии советско-американских отношений в наши дни и как вы представляете себе будущее этих отношений?

— Я рад разрядке в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В наших странах разный общественный строй, но я убежден, что, опираясь на разрядку, нам следует добиваться договоренности повсюду, где только возможно [illegible] потенциалы. Поэтому [illegible] важно расширить сферу действия соглашений, могущих положить конец гонке ядерного оружия [illegible] расходы на них должны быть резко сокращены. Подобные соглашения позволили бы также свести к минимуму опасность ядерной войны и использовать наше влияние, дабы положить конец дальнейшему распространению ядерного оружия среди других стран. По моему глубокому убеждению, к сокращению ядерных сил, к прекращению гонки ядерного оружия и сводится в перспективе наша главная задача.

Сотрудничество между нашими двумя странами могло бы принести огромную пользу не только благодаря развитию торговли, но и благодаря обмену научной и иной информацией. Мы должны сотрудничать в деле охраны мировой экологической системы, охраны рыбных ресурсов и, разумеется, в совместном проведении космических исследований. Есть много и других областей. Достижение успеха в одной из них будет способствовать успеху в других.

Разом всего не сделаешь, но я глубоко убежден, что наши задачи могут быть шаг за шагом решены, если обе стороны проявят добрую волю. Я верю, что руководители и подавляющее большинство людей в обеих наших странах надеются на успех такого сотрудничества. И все мы должны проявить настойчивость в достижении поставленных перед собой целей.

НЬЮ-ЙОРК

ЮБИЛЕЙ ХАНСА ШЕРФИГА

Известному датскому писателю Хансу Шерфигу исполнилось 70 лет.

Оружие Шерфига — сатира, обличение.

В его романах всегда фигурирует Дания, образы и ситуации всегда взяты из настоящей жизни. «Пропавший чиновник», «Загубленная весна», «Скорпион» — это трагические [illegible] повествования об [illegible] людях, искалеченных буржуазным воспитанием, буржуазным строем. В романе «Пропавшая обезьяна» он зло и беспощадно высмеивает ценителей «от искусства», для которых главное не творчество, а прибыль.

«Мы должны оставить землю в лучшем состоянии, чем мы ее получили» — эти слова Шерфига можно поставить эпиграфом к его литературному творчеству, к его живописи и графике, к его работе коммуниста, члена ЦК Компартии Дании.

Хансу ШЕРФИГУ,
ФРЕДЕНСБОРГ,
ДАНИЯ

В день Вашего славного юбилея шлем Вам, выдающемуся писателю, самобытному художнику, активному антифашисту, неутомимому борцу за мир, наши самые сердечные поздравления. Ваши замечательные книги — свидетельство лучших устремлений датского народа — давно уже снискали в нашей стране широкое читательское признание.

Желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья, новых книг, новых картин, новых встреч с читателями.

С братским приветом

Правление Союза писателей СССР

ПИСЬМО И. ШОТОЛЫ

В чехословацкой печати опубликовано письмо бывшего первого секретаря Союза чехословацких писателей Иржи Шотолы, направленное им Союзу чешских писателей. Приводим текст этого письма с небольшими сокращениями.

ЛЕТОМ 1964 года я стал первым секретарем тогдашнего Союза чехословацких писателей и занимал этот пост до июня 1967 года. Затем, вплоть до прекращения его деятельности, оставался членом комитета этой организации. Два других, более коротких периода я был главным редактором «Литерарних новин», еженедельника Союза чехословацких писателей, в течение ряда лет входил в его редакционную коллегию. Хотя мое участие во всех делах Союза писателей в эти годы нельзя считать решающим и инициативным (я всегда старался прежде всего писать и лишь потом заниматься организационной деятельностью), тем не менее я, несомненно, внес свою долю во многое, что Союз чехословацких писателей в те годы делал и что он собой представлял.

Я приобрел достаточно знаний и опыта, чтобы из них можно было извлечь определенные выводы и главным образом стать на критическую точку зрения, которая, разумеется, относится и ко мне лично. Время, прошедшее с 1964 года,— достаточно большой срок. Для меня оно включает не только почти шесть лет моего участия в ответственной деятельности писательской организации, но и еще почти четыре следующих года, когда в результате быстрого и последовательного развития событий я оказался не у дел и когда я имел возможность и чувствовал необходимость вновь проанализировать свою общественную деятельность и сделать из этого выводы.

Бывший Союз чехословацких писателей был организацией с большими амбициями, которые непрерывно возрастали. Однако со временем эти честолюбивые стремления все менее нацеливались на проблемы и условия самого литературного творчества; чем дальше, тем больше они направлялись не то, чтобы навязать писательской организации роль политической силы. И, насколько возможно, — роль самобытной, независимой, исключительной политической силы. Подобным образом, а часто и более резко поступал и еженедельник союза.

В основном это происходило потому, что преобладал непрофессиональный подход к организации, на основе отдельных импульсов, случайных догадок, при отсутствии необходимой квалификации и главное — без соответствующей заботы о практических возможностях и положительных результатах. И, что еще хуже, не было необходимого контакта с реальными, основными событиями в общественной жизни нашей страны.

В определенных кругах интеллектуалов стать членом Союза писателей считалось признаком «хорошего тона», означало вступление в своего рода клуб для избранных; литературным творчеством там мало кто интересовался. Большой интерес проявлялся к модным течениям, воспринимавшимся с провинциальным восторгом. Искусственно формировалась какая-то группа национальных авгуров, которые не имели представления о действительных потребностях и жизненных проблемах народа. Их подход к делу был субъективным, пренебрежительным и во многом безответственным. Они чувствовали себя пророками, что могло бы показаться смешным, если бы не привело к такому печальному концу и к таким результатам.

В том же направлении со временем стали развиваться и другие творческие союзы. И когда позже наконец был образован координационный комитет творческих союзов, начавший выступать от имени всего культурного фронта (хотя собственно отдельные творческие союзы непосредственно не определяли его деятельность, так как в стиле работы координационного комитета недостаточно соблюдались принципы демократии), по существу, возник котел, который подогревался добрым именем чешского искусства, хотя его содержанием было не искусство, а политика.

Я не гонюсь за личной популярностью. Я не страдаю и «комплексом пророка», тем не менее ответственным работником Союза писателей я был и вытекающую из этого свою долю ответственности не могу не нести.

Десять лет — это достаточно большой срок, чтобы человек мог понять разницу между подлинными и фальшивыми, деструктивными ценностями.

Настоящей ценностью для писателя является его литературная работа. В ней заключается смысл жизни, ее ничем нельзя заменить и ни на что променять. Само собой разумеется, имеется в виду лишь такая работа, которая может быть полезной читателям. Нельзя писать без уверенности в том, что написанное кто-то прочтет. Нельзя писать и в то же время не учитывать то, что над написанной книгой склонится читатель, который распознает ложь, фразерство, фальшь, снобизм, расхождение с жизнью и идеалами человека. Литературная работа — это деятельность общественная, ответственная перед обществом и в свою очередь участвующая в его формировании. При этом наше общество — общество социалистическое. И поэтому необходимо, чтобы и литература несла ответственность перед социалистическим обществом, чтобы она принимала участие в его формировании. Я не считаю, что это уточнение каким-то способом ограничивало бы понятие литературы. Это, конечно, предъявляет к ней большие требования. К ее идейной глубине и новаторству, а также к ее художественному уровню. Собственно говоря, мое поколение всю жизнь пытается выполнить эту задачу. С переменным успехом. Были также и поражения. Теряли мы и людей. Сегодня эту задачу решить труднее, чем когда-либо, легче не будет и в будущем. Но я не думаю, что литературе сделало бы честь, если бы она не стремилась выполнять свое предназначение.

Действительная ценность — жить в этой стране, в этом обществе и не быть в нем лишним. Я родился в Чехии, я хочу здесь и умереть. Я учился на литературном наследии Карела Гинека Махи, Яна Неруды, Ярослава Гашека и Владислава Ванчуры и хочу отстаивать это наследие, хочу также в скромной, небольшой мере это богатство приумножить. Я вчитывался в чешскую историю и хочу хотя бы в скромной мере проследить в ней судьбу человека, судьбу простого, обыкновенного жителя этой страны, который прошагал по чешской земле через драмы чешской истории и классовых боев от древних времен до наших дней. Я наследовал от своих деревенских предков дар чешской речи, и чем больше я живу, тем больше восхищаюсь ее красотой и многообразием, ее древностью и жизнеспособностью, стремлюсь ее понять и применить так, как она этого заслуживает. Никогда я не мог бы писать на каком-либо другом языке, кроме чешского. Никогда я не смог бы писать для других читателей. Я никогда не смог бы писать в чужой стране, будучи изолирован от среды, жизни, людей этой земли, а также от чешского языка, который звучит вокруг меня. Только жизнью своего народа и хлебом родного языка жив писатель. Если у него этого нет, то он будет опустошен, содержание его книг обеднеет, и речь его станет бесплодной.

Этим я, кроме того, хочу сказать, что считаю ошибочным путь своих коллег, которые покинули нашу страну, жизнь и работу в ней променяли на судьбу эмигрантов. Никому из них я не завидую и удивляюсь дерзости, с какой некоторые из них пытаются рассуждать о здешних делах, которые они, очевидно, перестали или не хотят понимать. И меня возмущает наглость, с которой некоторые из них стали выступать против интересов своей страны, едва перестав быть ее гражданами, забывая при этом подчеркнуть, что со спокойной совестью пользовались всеми благами, которые им предоставляла их социалистическая родина, когда они были ее гражданами.

В 1964 году я еще принадлежал к литературному поколению, представителей которого (возможно, уже не совсем точно) называли «молодыми писателями». Сегодня я уже писатель немолодой. Однако я хотел бы быть полезным писателем. Моя работа в качестве одного из руководителей писательской организации не принесла ни мне много счастья, ни пользы обществу; итог этой работы, без сомнения, негативный. Но я не хочу причитать «над разлитым молоком». И чего я вообще не хочу, так это оказаться в так называемой «внутренней эмиграции»; подобное состояние считаю для себя совершенно невыносимым. Я не хочу выступать в роли пострадавшего индивида, стоящего в стороне от живого человеческого общества; подобная роль совсем не совпадает с моими представлениями о смысле жизни. Я был бы рад снова найти контакт с чешским читателем [illegible] политике, во области культуры и тому будущему, к которому оно ведет наше общество.

КИТАЙ СЕГОДНЯ

«Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила» — таково часто цитируемое китайской прессой изречение Мао Цзэ-дуна. Но ведь на самом деле в нынешнем Китае ни сельское хозяйство не является настоящей основой, ни промышленность — эффективной ведущей силой. И такое положение — прямое следствие осуществления идейных указаний «великого кормчего».

Э. КУЛЬПИН

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

В СОВРЕМЕННОМ Китае, через четверть века после революции 1949 года, серьезной задачей по-прежнему остается решение продовольственного вопроса, причем разрешение его, если верить китайской прессе, весьма не скоро осуществится. «Сельское хозяйство находится еще на сравнительно низком уровне, степень механизации незначительна... товарного зерна оно дает не так много», — писал журнал «Хунци». «Потребуются десятилетия упорных усилий, чтобы из бедности построить великое социалистическое государство с современным сельским хозяйством», — утверждал журнал.

Подобные признания перемежаются с ежегодными объявлениями о сборе «небывалого урожая», а последние, в свою очередь, не мешают призывать к жесткому нормированию продовольствия в стране. Эти призывы создают впечатление, что речь должна идти не о «небывалых урожаях», а о длинной череде тощих лет. Так, «Жэньминь жибао» пропагандировала создание в деревнях специальных групп контроля для ежедневной или еженедельной проверки расхода продовольствия крестьянами. Если учесть, что после распределения зерна между крестьянами они еще вынуждены докупать его, чтобы дожить до следующего урожая, нетрудно увидеть, дело может дойти до подсчета рисовых зерен в чашке, регламентации ложек супа.

Известно, что до «большого скачка» труженики деревни кормили себя и горожан. Попытка во время «скачка» перевести часть рабочей силы из деревни в город в конце концов закончилась высылкой из городов в общей сложности 20 миллионов человек, ограничением, а затем и запрещением передвижения сельских жителей. В последующие годы начались кампании по высылке в деревню молодежи, интеллигенции и рабочих. По всей вероятности, из городов было выслано за все минувшие годы около 40 миллионов человек.

НАЛИЦО заколдованный круг: с одной стороны, в силу низкой производительности труда в сельском хозяйстве оно способно кормить ограниченное число горожан. С другой стороны, не созданы материально-технические условия для повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Короче: нет зерна — нет и машин, нет сельскохозяйственных машин — нет и зерна.

Безвыходно ли положение на самом деле или ситуация создана искусственно? Ответ настолько очевиден, что этого не скрывают даже «доброжелатели» — буржуазные друзья нынешнего руководства КНР. Правый американский журналист Дж. Олсоп писал после поездки по Китаю: «Развитие китайского сельского хозяйства является несколько замедленным. Было бы, несомненно, гораздо больше сельскохозяйственных машин, так же как и искусственных удобрений, если бы этим категориям капиталовложений не приходилось конкурировать с капиталовложениями в оборону».

Массовые кампании, связанные с «подготовкой к войне», с милитаризацией экономики, стали обычными для страны, руководители которой вот уже на протяжении многих лет внушают своему и другим народам мира: «Война неизбежна, и мы полны решимости претворить в жизнь наставление председателя Мао Цзэ-дуна: «готовиться к войне» и подготовиться надлежащим образом».

Однако, как видим, подобная «решимость» уже завела китайскую экономику в тупик, привела китайский народ к материальным потерям, моральным издержкам, к девальвации духовных и идеологических ценностей. Перед китайским руководством второе десятилетие стоит сложнейшая проблема: как, не отказываясь от великодержавных, милитаристских амбиций, сдержать растущую экономическую дистрофию?

Китайское руководство выдвинуло «генеральную стратегическую установку» — «опираться на собственные силы». Что означает эта установка в маоистском понимании для Китая?

Для китайской деревни — принудительно-«добровольный» отказ от помощи со стороны современной индустрии. Сегодня китайская деревня практически не получает сколько-нибудь существенной промышленной продукции. В крайнем случае она может что-то купить на собственные накопления. Если учесть, что деревня большую часть производимого в ней основного продукта — продовольствия — вынуждена сама же и потреблять, то становится ясным, что «саморазвитие» деревни не может решить проблемы китайского общества в обозримом будущем.

Но у этой проблемы есть и другая сторона. Если в деревне делают все для себя сами, то как должен поступать город? В подобной ситуации лозунг: «Опираться на собственные силы» означает для китайских городов самостоятельное производство сельскохозяйственной продукции, превращение горожан в крестьян.

Экспериментальным полигоном для отработки системы «от горожанина к крестьянину» стал официально пропагандируемый образец китайского пути индустриализации — нефтедобывающий и нефтехимический комплекс Дацин. Здесь, как утверждает китайская пресса, рабочие и члены их семей полностью обеспечивают себя продуктами питания и значительной частью предметов потребления. Здесь, казалось бы, удалось в миниатюре решить проблему обеспечения продовольствием городов. Однако для того, чтобы можно было сделать такой вывод, необходимо выяснить, какую цену приходится платить за подобное «самоснабжение». Если бы результатом эксперимента было резкое повышение производительности труда по сравнению с уровнем производительности в целом по стране, при незначительных первоначальных затратах, то можно было бы считать, что китайский вариант пути «назад в деревню» по крайней мере экономически оправдан. История Дацина свидетельствует об ином.

В Дацин прибыло около 100 тысяч человек из 30 с лишним промышленных и горных предприятий, университетов и частей НОАК. (Сами эти цифры показывают, что сюда ехали не добровольцы - энтузиасты, что в массовом порядке мобилизовывались крупные контингенты — в среднем по 3 тысячи человек от каждой организации.) Из данных следует, что 80 процентов тружеников Дацина занято сельскохозяйственным производством и подсобными промыслами, то есть тем, чем должна заниматься китайская деревня согласно указаниям пекинского руководства. Только 20 процентов трудящихся Дацина работают на основном производстве и в различных учреждениях городского типа. По всему Китаю соотношение городского и сельского населения примерно то же (15 : 85). Но ведь Дацин — это промышленный город!

Китайская печать утверждает, что жилища дацинцев не отличаются от хижин окрестных деревень, а образ жизни — от крестьянского. В Дацине было запланировано только два каменных здания городского типа: больница и научно-исследовательский центр. Для нового поколения дацинцев — это социальный регресс, шаг назад в культурном и духовном развитии.

С НЕУДАЧЕЙ дацинского эксперимента де-факто вынуждено считаться руководство КНР. В стране, по существу, больше не создаются другие крупные предприятия, которые представляли бы собой самообеспечивающиеся автономные социально-хозяйственные комплексы. «Опыт» Дацина недвусмысленно показывает, что маоистские установки, направленные на аграризацию городов, ведут лишь к потерям. Единственный выход, который соответствовал бы чаяниям китайского народа, — это интенсивное развитие сельского хозяйства и создание современной промышленности, отвечающей и потребностям растущего сельского сектора. Однако в этом случае пришлось бы отказаться от наращивания военной «мускулатуры», милитаризации всех сторон экономики страны. Маоисты не были бы маоистами, если бы пошли на это. Напротив, в стране по-прежнему рекламируется Дацин. В одном из праздничных номеров «Жэньминь жибао» ему была посвящена вся вторая полоса газеты. В целом неукоснительно проводится в жизнь программа аграризации городов.

С конца 50-х годов крупным городам административно подчинены окрестные уезды. В 60-е годы перед городами была поставлена задача: добиться возможно большего самообеспечения продуктами питания. Китайская пресса 70-х годов сообщает о постоянном труде городского населения в сельских районах. Так, 216 заводов и фабрик столицы «установили постоянную связь с частью народных коммун десяти окрестных уездов и районов». Выражается эта «связь» в том, что определенная часть контингента рабочих непрерывно трудится «вместе с коммунарами в поле». Одно из сообщений Синьхуа показывает, сколь велики «отчисления» городской рабочей силы сельскому хозяйству: «Из более чем 18 тысяч рабочих небольших промышленных предприятий города Пинсяна провинции Цзянси 7 с лишним тысяч человек приобщается и к промышленному, и к сельскохозяйственному труду». Такой «прогресс» является на деле крупнейшим регрессом: огромные массы квалифицированной рабочей силы используются на неквалифицированной работе.

В результате постоянного и прямого участия в сельскохозяйственном труде городских рабочих и интеллигенции, способных заниматься более производительным трудом, высвобождается рабочая сила деревни для работы на малоэффективных «кустарных, мелких, примитивных» (термины китайской прессы) предприятиях, непосредственно обслуживающих сельское хозяйство. Вот цена, которую приходится платить за «самообеспечение» городов продовольствием.

Однако главное при подобной «опоре на собственные силы» [illegible] в том, что аграризация городов не дает [illegible] решить проблему [illegible] сельского труда [illegible] стране. Шаг назад китайского города еще не означает шага вперед китайской деревни.

Таким образом, социально-экономические последствия маоистской политики еще долго будут давать себя знать в народном хозяйстве Китая. Эта политика чревата дальнейшим ухудшением жизненного положения китайского народа.

«ДЛЯ БИТВЫ ЖИЗНЬ ГОТОВИТ НАС»

ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ВЕНГЕРСКОГО ПОЭТА

Аттила Йожеф

Мы — дети жизни.
Мы — герои,
Для битвы жизнь готовит нас.
Эх, рухнет все старье земное,
Когда придет восстанья час!

Эти страстные строки взяты из стихотворения «Марш молодых», которое написал семнадцатилетний Аттила Йожеф (1905—1937).

Коротким был творческий путь Аттилы Йожефа: он прожил всего 32 года. Но поэт оставил яркий след в истории венгерской литературы. Поэт-борец, певец трудового люда, замечательный лирик, Аттиле Йожеф пользуется в Венгрии всенародной любовью. Крупнейший пролетарский поэт Венгрии, он в тяжелых условиях фашистского режима боролся за социалистическое будущее родины, за свободу трудящихся.

Сегодня мы публикуем фрагмент из поэмы Аттилы Йожефа «Ночь предместья» (1932) в новом переводе.

Аттила ЙОЖЕФ

Ночь предместья

Отгудев и отсвистав,
под мостом
прошел состав.
Сырость — в вазах,
сырость — в кланах,
сырость —
в листьях до земли,
в разветвленных,
в расщепленных,
даже в уличной пыли.

В тусклой световой
полоске —
полицай на перекрестке,
рядом — поздний пешеход
все житье свое клянет.
За углом — угрюм и ловок
[он не лезет на рожон!] —
парень с пачкою листовок,
дерзок и насторожен:
осмотрелся — ничего!
[Ждет он часа своего.]

Ночь идет,
как с неба манна,
время горестей и бед;
из блевотных уст шалмана
просочился кислый сват.
Лампа гаснет от удушья,
от лихого безвоздушья,
а за стенкою худой
спит поденщик молодой;
он не спит —
и, зубы стиснув,
думает о ненавистном,
все о ржавчине в саду,
об окрашке в чаду,
ну, в после
в скрип ступенек
он спешит —
недавний пленник —
на в чердак, а в небосвод
упираясь головою,
он — душой своей живою—
Революцию зовет!

Ночь. Течет вода из бака.
Лужа забнет, словно жесть.
Ветер воет, как собака
[язычище — цифрой
«шесть»].

Он чудовищен, как ужас,
и у ветра свой закон —
изо всех канав и лужиц
в зыбкой мгле лакает он!

Чахнут здесь травы
побеги,
вихрь колышется чужой:
здесь пакгаузы —
ковчеги,
здесь питейная — баржой.

И питейщик —
в дымном свете —
льют расплавленный
металл
в формы. Он, чудак, устал.
И в глазах —
на частой сетке —
пляшут розовые детки:
вот что мастер видеть стал!

Тяжесть, сырость —
не до песен,
странны времени черты, —
белым ногтем чертит
Плесень
зыбкую карту нищеты.
Неуютно, небогато,
на лугах трава измята,
всюду мусор да тряпье, —
что вспорхнуть там тщится!
Это
позабытая газета,
завершив свое житье
[новость давности
недельной!],
рвется в ярости
бесцельной,
слепо бы на водопой,
вдаль, к реке,
своей тропой...

Клочья туч
и дождик хлипкий,
флаги простынь,
ветер липкий, —
и, как сетец иль батист,
с хмарой полночь
смотрит вниз!

Ночь Венгерских
Бедняков,
стань, как россыпь
угольков,
углем жги меня, доколе
выжжешь в сердце
чувство боли,
нежность, грусть и
ерунду. —
преврати меня в руду,
сделай сталью иль булатом,
сделай молотом —
крылатым,
славным в битве и в труде,
и в отраде, и в беде, —
гневной силой
безвозвратной
закали мой меч булатный,
чтоб звенел он
во всю мочь:

Я — твой меч,
Предместья Ночь!
Полночь тяжести могильной
налегла на вашу грудь.
Братья! Песнею всесильной
должен вам я свет вернуть.

Вшивости
отвратной жалость, —
Ночь кипит в моем ковша,
чтоб вовек не заживалась
нищета у нас в душе!

Перевел
Александр ГОЛЕМБА

ЧИТАЯ ЗАРУБЕЖНУЮ ПРЕССУ

ФАБРИКА КАТАСТРОФ

Фильмы о катастрофах (см. «ЛГ» от 11 декабря 1974 г.) широким потоком хлынули на Голливуда на экраны США, а затем и Европы. Они потеснили популярные и научно-фантастические фильмы.

Среди законодателей новой киномоды первое место, несомненно, принадлежит сегодня Ирвину Аллену. «Катастрофы, — писал парижский еженедельник «Экспресс», — вто его страсть, его навязчивая идея». «Подводная лодка Апокалипсиса», «Исчезнувший в космосе», «Потерянный мир» и, наконец, «Восходящий ад», уже признанный «шедевр» нового жанра, — вот неполный перечень изделий Аллена.

Одна из новинок — картина режиссера Джозефа Сарджента «Пираты метро»—снята на очень злободневную тему. Гангстеризм в подземных коридорах метрополитена — одно из новоявленных вол западного образа жизни. В фильме Сарджента бандиты захватили поезд метро, вывели из строя механизм управления, и поезд с невероятной скоростью несется навстречу неминуемой гибели. Пассажиры-заложники бессильны что-либо сделать для своего спасения, они — в руках жестоких гангстеров. Ощущение ужаса достигается с помощью изощренных трюков.

Кадр из фильма «Восходящий ад»

Сегодня даже буржуазная печать не может замалчивать настроений паники и страха за завтрашний день, вызванных тяжелыми последствиями нынешнего кризиса. Она отмечает, что «катастрофизм» на экране необходим современному зрителю как своего рода наркотик, спасение, пусть даже химерическое, от ужасов окружающей действительности. Зритель переживает вместе с героями жуткие события, но уходит из кинотеатра целым и невредимым. Это якобы порождает у него ощущение прочности и безопасности существования.

Однако эта внешне безобидная задача фильмов о катастрофах имеет совершенно четкий идеологический прицел. На это обращает внимание Жерар Брена в еженедельнике «Франс нувель».

«В этих фильмах, — пишет Жерар Брена, — используются изощренные технические приемы (широкий экран, ультра- и кинорама), которые буквально «раздавливают» зрителя и создают у него ощущение бессилия». Все рушится, начиная с моральных устоев и кончая окружающим бытом. В качестве «спасительной» силы чаще всего выступают армия и полиция. Только они обладают всеми средствами для того, чтобы предотвратить катастрофу. Ясно, куда метит пропагандистский заряд подобных фильмов.

Голливудское кино всегда выступало защитником устоев капиталистического общества. И сегодня, создавая новые «мифы», Голливуд строит на них свое «возрождение». Но,жакая иронию эпохи: «фабрика грез» превращается в «фабрику катастроф»!

В. ЖУКОВА

Совсем недавно в прессе много писалось о так называемом политическом фильме, который, как полагали некоторые критики, определяет теперь лицо западного кино. Действительно, в США, Италии, Франции, Швеции появилось немало ярких картин, острых по проблематике, прогрессивных по авторской позиции. Правда, тут же возникла лавина картин, спекулировавших на интересе публики к социальным вопросам. Смешно сказать, но «политизировался» даже порнографический фильм. Обнаженные дамы и их партнеры в промежутках между своими основными (и любимыми) занятиями рассуждали о партиях, выборах, стачках, а порою даже в этих стачках участвовали. Словом, «левая фраза» оказалась в моде.

Но теперь эта мода прошла или проходит. В условиях резкого спада производства, мощного подъема рабочего движения и успехов антиимпериалистической борьбы буржуазия начала сильно подтягивать вожжи в идеологии и культуре. Хозяева западного кино не хотят больше шутить с огнем.

Ныне заметно сузилось поле деятельности демократического кинематографа. Подлинно серьезных, прежде всего политических, фильмов появляется все меньше и меньше. Режиссерам, пытающимся ставить такие фильмы, отказывают в средствах, чинят всяческие препятствия в производстве и прокате. В коммерческом же кинематографе, находящемся под прямым контролем финансового капитала, уверенно лидируют фильмы, уводящие зрителя от актуальных проблем в лоно «чистого» развлечения, а нынче еще — в мистику и фидеизм.

Своего рода поворотным фильмом в буржуазном кинематографе 70-х годов стал фильм Уильяма Фридкина «Изгоняющий дьявола». Об этом фильме писалось уже на страницах «Литературной газеты». Я добавлю к сказанному, что фильм «Изгоняющий дьявола» — открытый панегирик невежеству и мракобесию. И это отнюдь не одиночное произведение.

В материалах, публикуемых сегодня «Литературной газетой», рассказывается о картинах, в которых жестокость, насилие и секс являются краеугольными камнями эстетики и идеологии. Об этих фильмах много пишут, и, если судить по прессе, именно они с наибольшей полнотой отражают сегодняшнюю ситуацию на Западе. Это ситуация глубокого духовного кризиса. На экраны западных стран в изобилии выходят картины, в которых человек выворачивается наизнанку не только фигурально, но и буквально. Одни из этих картин сделаны грубо, бездарно, иные же—профессионально, даже талантливо. Но в них отсутствует главное, без чего невозможно подлинно плодотворное развитие искусства: гуманистический идеал, высокое нравственное чувство.

С этой точки зрения нынешние «катастрофические» фильмы симптоматичны и символичны.

Вместе с тем создается немало картин, которые словно бы противостоят «фильмам катастроф», так как рассказывают камерные истории о супружеской жизни, об интимной сфере человеческого бытия. Вольф Донер назвал в журнале «Цайт магацин» эти фильмы рассказами «об одиночестве вдвоем». В самом деле, «Сцены супружеской жизни» шведа Бергмана, «Случайное занятие рабыни» западногерманского режиссера Клюге, «Увеселительная прогулка» француза Шаброля и многие другие картины этого рода показывают неизбывное одиночество человека. И даже любовь и брак предстают лишь как особая форма одиночества.

Все это приметы кризиса «массовой культуры».

Е. ГРОМОВ,
доктор философских наук

Недавно во многих городах Соединенных Штатов демонстрировался фильм под названием «Жажда смерти». Примечательно, что, когда «герой» хладнокровно пристреливает грабителей, кинозрители вскакивают с кресел и бурно аплодируют. Такая реакция нисколько не удивительна, ибо Нью-Йорк прямо-таки кишит уголовниками.

Попытки властей предотвращать правонарушения в Нью-Йорке (как, впрочем, и в большинстве других крупных городов) настолько несостоятельны, что многие граждане объединились в добровольные «группы бдительности», несущие круглосуточную вахту по охране своей собственности. Вряд ли в нынешнем Нью-Йорке найдется пожилой мужчина или молодая женщина, которые ни разу, дома или на улице, не подверглись нападению, причем те, кто лишился только денег, еще могут считать себя счастливчиками...

Обычно гангстерские фильмы заканчивались призывами к зрителю полагаться на «Закон и порядок», на неотвратимость наказания. Здесь же вам словно бы рекомендуют взяться самому за отправление правосудия.

ПОМЕРК НАРУЖНЫЙ БЛЕСК

Письмо из Нью-Йорка

Фильм «Жажда смерти» характерен еще и тем, что он знаменует собой завершение вполне определенного периода американского кино, посвященного социальным проблемам. Фильмы 30-х годов внушали нам, что всяческие напасти, обрушившиеся на человечество, можно как-то контролировать. Сегодня от этого оптимизма не осталось и следа.

Уже признается (пусть молча, но все же признается), что социальные проблемы, стоящие перед американской общественной системой, разрешить невозможно.

Среди полусотни самых «кассовых» фильмов последнего года по-прежнему доминируют картины чисто порнографические, вроде «Мемуаров мисс Эджи», а также фильмы, пропагандирующие «блексплуатацию» (то есть порнографию в «черном» варианте), например, «Черный крестный отец», с теми же дозами секса и насилия, как и «белый» оригинал, но применительно к неграм.

В фильмах сегодняшнего дня трудно найти хотя бы бледное отражение того духа, который характеризовал американское кино еще несколько лет назад. Надежды, чаяния, дерзания и дела шестидесятых годов, когда в колледжах страны бурлила молодежная «революция», — все это ушло. Голливуд, или по крайней мере то, что сегодня называют Голливудом, своевременно осознал необходимость откликнуться на протест молодежи и движение за гражданские права. Следуя собственным традициям, он изображал «революционеров» в искаженном плане. Но вдруг на сцену вышел новый «революционер»— этакий маоист, анархист, молодой человек из буржуазной семьи. При всей своей очевидной диковатости он все же был явным антикоммунистом, антисоветчиком. А как неоднократно показал опыт, все наскоки на «священные устои» буржуазного общества безоговорочно прощаются во имя одной «добродетели» — ярого антисоветизма.

В конце концов (причем довольно скоро) весь этот заряд энергии свелся к двум ингредиентам, в которых, как только померк наружный блеск, все узнали «добрых старых знакомых» — секс и насилие.

Когда-то творческие работники кино (я имею в виду честных кинодеятелей) мечтали показать Америке истинный облик ее героев. В последние годы наша страна не раз переживала ошеломляющие потрясения, когда мы снова и снова узнавали, что ни в сфере религии, ни в области политики нет буквально ничего святого. Перед лицом приближающейся двухсотой годовщины США Голливуд, не способный создать картины о людях, основавших эту страну в ходе буржуазной революции, не в состоянии показать и верную картину сегодняшнего дня.

Филипп БОНОСКИ,
американский писатель

ЭКРАН УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

ДЖОН УЭЙН — ЧЕЛОВЕК, «СИДЯЩИЙ В СЕДЛЕ»

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

ГОВОРЯТ, что внешность обманчива. Но если вглядеться в фотографии Джона Уэйна — благо ими пестрят зарубежные газеты и журналы, — то нетрудно понять, что это человек самоуверенный и нетерпимый.

Марион Майкл Моррисон (настоящее имя Джона Уэйна) пришел в кино, когда ему было всего 16 лет. Он работал на киностудиях почти десять лет, сыграв за это время всего две или три эпизодические роли. Главным в молодые годы для него были бокс и футбол. Но потом Марион Моррисону повёзло: режиссер Рауль Уолш обратил на него внимание, пока у будущего актера был минимум переломов и шрамов. Уолш предложил ему сменить имя (так родился Джон Уэйн) и главную роль в вестерне «Большая тропа» (так открылось амплуа Уэйна). Приглашения пошли одно за другим, и вскоре «звезда» футбольная стала «звездой» голливудской. В этом не было ни чуда, ни заслуги самого Уэйна: Голливуд нуждался в таком типе героя — грубом и жестоком, самоуверенном парне с Запада.

Успех настоящий, сделавший имя Джона Уэйна всемирно известным, пришел к нему с ролью Ринго Кида в классическом вестерне Джона Форда «Дилижанс» (в советском прокате «Путешествие будет опасным»). Напомним, что Ринго Кид, угрюмый ковбой, находящийся не в ладах с законом, ищет убийц своего отца. Находит и расправляется с ними — один с тремя. А так как те трое — преступники еще более опасные, чем сам Ринго Кид, то симпатии зрителя целиком и полностью на стороне героя Уэйна.

По этой мерке Джон Уэйн создавал и других героев. Правда, наредка играл он и шерифов, стреляющих без промаха, но в те времена по законам американской киномифологии шериф должен был быть не только силен, быстр и меток — этим природа щедро наградила Уэйна, — но и хорош собой. А Джон Уэйн все-таки проигрывал в глазах киносрительниц интеллигентному Гари Куперу. Так что на роли шерифов Уэйна приглашали не часто.

Зато в военных фильмах Джон Уэйн чувствовал себя превосходно. Он прошел в кино путь от солдата до генерала, всюду показывая людей жестоких, сильных, презирающих всех, кто способен мыслить.

Сегодня 68-летний Уэйн рассказывает, что его будто бы всю жизнь не замечали, ломали и проваливали... Он ведет большой счет своим гонениям.

Так, например, до сегодня Джон Уэйн считает «Дилижанс» не более чем средним вестерном, не понимая, почему все говорят, что «Дилижанс» сделал его «звездой», хотя до этого им было сыграно 125 ролей.

После войны он снялся в фильме «Красная река» (1948) у режиссера Хоуарда Хоукса и рассчитывал получить «Оскара», но не получил, что послужило новой причиной возмущения Джона Уэйна: «...черт, ведь я сыграл старика, хотя мне было всего 40», — заявил он в одном из последних интервью.

О «гонениях» поговорить действительно стоит. Только о гонениях самого Уэйна против других — тех, кто ему мешал.

В период разгула маккартизма, когда разбиралось дело «голливудской десятки» и многие прогрессивные деятели кино вынуждены были надолго замолчать или эмигрировать в Европу (Чаплин, Лоуэн, Дассен и другие), Джон Уэйн вместе с Адольфом Менжу и Вардом Бондом создает «Общество кинематографистов по охране американских идеалов» и становится его президентом. В «черных списках», составляемых этой троицей, нередко оказывались имена и личных врагов Уэйна. «Главная цель, — заявлял Уэйн, — которую я преследую в кинопроизводстве, — развлечение. Но если мне нужно лягнуть кого-нибудь во имя свободы, — я лягну».

Это кредо Джона Уэйна проявилось и в двух его режиссерских работах, вызвавших протесты прогрессивной общественности тех стран, где они демонстрировались. Первая из них — «Аламо» — антиисторический фильм о войне США против Мексики. Вторая — «Зеленые береты» — о деятельности американских спецвойск во Вьетнаме.

«Зеленые береты» создавались уже после появления на экранах Америки ярких антимилитаристских картин «Пути славы», «На последнем берегу», «Нюрнбергский процесс», «Доктор Стрейнджлав», «Семь дней в мае». В период работы над фильмом «Зеленые береты» его продюсер — старший сын Уэйна Майкл — рассказывал, что в Пентагоне заволновались, узнав, что кто-то закупил права на экранизацию романа Робина Мура. Но когда стало известно, что постановку осуществит Джон Уэйн, в Пентагоне успокоились. Даже выделены были солдаты, техника, военная база для съемок. «...В Вашингтоне знают моего отца много лет, поэтому там к нему отнеслись с доверием». По замечанию режиссера Карла Формена, изгнанного в свое время из Голливуда Уэйном, и сам Уэйн «знает Пентагон, как сортир у себя на заднем дворе».

Уэйн не раз объявлял себя «солдатом, на которого можно рассчитывать», и даже предложил как-то сбросить атомную бомбу на Советский Союз.

Он безостановочно заявляет: «Я сделал всего два фильма, но оба принесли 15 миллионов долларов дохода... Конечно, критики их ненавидят. Они осуждают их политическую позицию, а не художественные достоинства». Для Уэйна художественная значимость его работ тождественна сумме прибылей. Не случайно в другом интервью он заметит: «Так называемые интеллектуальные группы теряют почву под ногами, они противопоставляют себя американскому народу. По их мнению, народ — против этой войны, но вместо того, чтобы утверждать эту глупость, они лучше подсчитали бы число билетов, проданных на мой фильм». Не правда ли, показательные слова?

Рисунок В. СМИРНИЦКОГО

В 1969 году Уэйн наконец-то достиг своей мечты — за фильм «Правдивая песчинка» ему была присуждена премия «Оскар». Но сам он считает выбор случайным, ибо играть в этом фильме «было не труднее, чем в сотне других». Что ж, вероятно, следует согласиться с теми американскими критиками, которые считают, что премия была присуждена Уэйну скорее не за этот фильм, а «по совокупности», как герою американского кино.

Последние фильмы Джона Уэйна — «Петух Когбурна», являющийся своеобразным продолжением «Правдивой песчинки», и «Макку» в постановке режиссера Джона Старджеса, известного нам по «Великолепной семерке». В «Макку» Уэйн играет полицейского, но, как сам он признается: «Вместо того чтобы скакать на лошади, я езжу в автомобиле. Но если бы надел костюм ковбоя, взял шестизарядный пистолет и вскочил на лошадь, смысл не изменился бы...»

Коммерция — святое дело для самого Уэйна. Кино — лишь часть его операций по накоплению миллионов. Кроме того, он приобретает клубы и рестораны. Ныне бизнес отца продолжает и его старший сын Майкл. Сначала Майкл мечтал о карьере боксера, но папаша, в совершенстве познавший нравы и обычаи своего общества, попросил своего друга, экс-чемпиона в тяжелом весе Джо Уолкотта дать несколько раундов Майклу. И теперь «Майкл — умный парень. Он обеспечивает мне миллион долларов плюс проценты на каждой из моих картин, и большая их часть приносит дополнительный доход порядка 14 миллионов», — горделиво сообщает Уэйн-отец.

Так что все точки над «и» оказываются расставленными. Роли и личность Джона Уэйна во многом тождественны. А «легенды», им самим создаваемые, базируются на знании рыночной конъюнктуры, ибо Уэйн за свою многолетнюю и разнообразную практическую деятельность в совершенстве освоил законы американской пропагандистской мифологии, целенаправленно претворяя их в жизнь.

Конст. ОГНЕВ

ИНТЕРВЬЮ

Жан-Луп ТРЕНТИНЬЯН: ГЕРОЙ В ТРАГИЧЕСКОМ МИРЕ

Жан-Луп Трентиньян — один из самых популярных киноактеров Франции.

Мы публикуем некоторые ответы Трентиньяна на вопросы корреспондента американского журнала «Ньюсуик».

ВОПРОС. Как, по-вашему, всеобщий экономический кризис отразится на кинопромышленности?

ОТВЕТ. Кризис сам по себе — явление печальное, но кино от этого может выиграть. Люди предпочитают теперь ходить в кинотеатры, а не сидеть дома у телевизора — по телевидению им сообщают слишком неприятные новости.

ВОПРОС. Актерский труд для вас утомителен?

ОТВЕТ. Сам момент актерской игры очень увлекателен. Но, как правило, из восьми часов работы лишь один час приносит удовлетворение.

Утомительный нерв, но не физически. Я не отношусь к типу интеллектуальных актеров. Тем не менее во время съемок я целиком во власти того характера, который играю. Например, сейчас я снимаюсь в роли человека, живущего в трагическом мире. Пока он был в отпуске, его жену и дочь убили. Он ищет убийц. Создается напряженная драматическая атмосферз. В результате я сам чувствую себя подавленным и никак не могу выйти из этого состояния.

Микеланджело АНТОНИОНИ: МЫ ВСЕ РАЗОЧАРОВАНЫ

Известный итальянский кинорежиссер Микеланджело Антониони завершил съемки своего нового фильма «Профессия: репортер». В интервью, напечатанном в английской газете «Гардиан», Антониони подчеркивает, что его лента во многом автобиографична, но вместе с тем она поднимает общие вопросы, касающиеся жизни и профессии журналиста. Главную роль играет известный актер Джек Николсон.

— Мой герой-журналист видит действительность в определенной последовательности, сомнительной последовательности своей точки зрения, которая кажется ему объективной. Джек в этом фильме играет роль журналиста, а я как режиссер — роль журналиста, стоящего за этим персонажем...

Я не хочу больше пользоваться субъективной камерой, иными словами — камерой, которая выражает точку зрения героя. Объективная камера — это камера, спаянная с автором. И только такое использование средств кино позволяет ощутить мое присутствие.

В этом журналисте, как в каждом журналисте, сосуществуют стремление к совершенству, к созданию материалов высокого качества и одновременно ощущение, что написанное будет жить лишь мимолетно. Никто не может понять это лучше, чем кинорежиссер, ибо и мы работаем над фильмами, которые эфемерны по своей сути и обречены лишь на короткий срок жизни.

Добавим к этому отчаяние героя, разочарование, ряд других обстоятельств, неудачный брак и обманутые ожидания, что приемный сын своим присутствием скрасит его жизнь. Все это обострилось с возрастом. И тогда человек, завороженный мыслью о возможной свободе, меняет вехи, когда представляется случай. Такова отправная мысль моего фильма.

Мы создали систему, которая порождает неуверенность. Мы все разочарованы...

НА СНИМКЕ: *Джек Николсон в фильме Антониони «Профессия: репортер»*

УГОЛОК БЮРОКРАТА

ФЕЛЬЕТОН

Георгий ГУЛИА

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ?

НАЧНЕМ с того, что ни о какой сладкой жизни не может быть и речи. Я это заявляю как директор сада. Сад, в котором трудится наш коллектив, раем назвал не кто иной, как корреспондент районной газеты. Такой живчик на мотоциклетке-тарахтелке.

Правда, сад наш — не простой. Войдешь — глаза разбегаются. Тишина и покой! Иногда даже в сон клонит — так хорошо!..

Да, так вот о том живчике из районной газеты. Подходит ко мне и говорит:

— Товарищ директор, я к вам езжу целую неделю. Никого застать не могу.

Я ответственно заявляю:

— Мы все были в филиале.

А он немножко нахально говорит:

— Я и в филиал заехал. Но и там — ни души!

— Как это — ни души? — Я уж готов возмутиться...

— Очень просто, — говорит живчик. — Даже — машинистки.

Тогда я потер лоб и вспомнил.

— Верно, — говорю, — у нас была научная конференция по каучуконосам. В Доме ученых.

А нахал не унимается.

— Я, — говорит, — и туда смотался. На нем амбарный замок висел.

Тут я снова потер лоб, и меня словно озарило:

— Черт возьми! Мы же были в оранжерее. Поближе к производству.

— Я и туда покатил...

— И что же? — спрашиваю.

— Я бы мог все с корнем повыдергивать — пустота, ни души!

Ну, думаю, прицепился ты, словно кактус к рукавам. Все сильнее тру себе лоб и говорю:

— Значит, мы были на шестом участке.

— Я объехал все участки.

А нахал ухмыляется во всю свою рожу.

— Дом культуры, — говорит, — был всю неделю закрыт наглухо.

Я развел руками — делать нечего. И говорю:

— Дорогой, давай встретимся послезавтра. Я все выясню. Клянусь бабушкой!

Целые сутки я терялся в догадках: подослали этого живчика или это он по своей неопытности нашей работой интересуется? Кому понадобился этот сад? Мы же по академической линии, а не по какой-то там сельскохозяйственной!..

Ну и пришлось все-таки кое-что выяснить: и никто из нас не сидел сложа руки, никто и не помышлял о сладкой жизни, ни один из наших сотрудников не воображал себя Адамом или Евой. Во всем отдавали себе отчет и секретов друг от друга не держали...

Вот я снова принял этого самого живчика и говорю строго.

— Записывай! Начнем с директора. С меня. С головы, так сказать.

Нахал достал шариковую ручку, которой цена тридцать пять копеек, и серенький блокнотик районного образца.

— Пиши, — говорю. — Моя машина столкнулась с грузовой, и мы все дни ездили по начальству. Это — раз.

А нахал все пишет...

— Два: мой первый зам. жену свою встречал на теплоходе. Жена, сам понимаешь, не каждый день приплывает...

— Разумеется, — поддакивает корреспондент.

— Мой второй зам. выдавал двоюродную сестру замуж. Уважительная, надеюсь, причина?

Живчик вроде бы утвердительно кивает.

— Третий зам. бабушку в больницу устраивал. Бабушку — понимаешь? Это тебе не фунт изюму!.. Ученый секретарь весь день в разных учреждениях голову себе ломал: как лучше провести международный симпозиум по чаю в 1983 году? Зав. отделами шлялись по разным библиотекам. Только с одним случилось чепе: с балкона свалился. Лишку хватил. Да что делать? Не все мы ангелы...

А паренек ехидно спрашивает:

— Где была в это время секретарь машинистка?

— Ах, она?! У нее голова болела. Понимаешь? Золотая сотрудница, но от этих разных эвкалиптов-мевкалиптов и акаций-макаций голова у нее болит. Аллергия называется. Паршивая штука! Вот тебе и эдем! Понял?

Потом выходим из кабинета в сад: субтропические и тропические растения на каждом шагу, чай и мимозы, каучуконосы и цитрусовые и прочие вредные для здоровья аллергены...

— И это ты называешь сладкой жизнью? — говорю. — Ты еще молод, — говорю, — не испорченный, хороший парень: сболтнул про сладкую жизнь — и умерло это между нами. А то засмеют тебя. Опытные товарищи. Понял меня?

Евг. САЗОНОВ

БЮРОКРАТИЗМЫ

1.
Ничего не делай сам,
Если есть толковый зам.

2.
Давая посетителю ответ,
Старайся не сказать
ни «да», ни «нет».

3.
С важным видом рисуй
Всевозможные рожи,
Но чтоб были движенье
На запись похожи.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Мих. КАЗОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

Цезарю Каю Юлию от Брута Марка Юния
Заявление

Убедительно прошу Вас снизойти и разобраться.

Дело в том, что моя семья вот уже семь лет вынуждена проживать в проходной комнате. Я устаю на службе, но не имею возможности отдохнуть дома. Это же относится к моей жене (она работает в Римском управлении искусств) и к моей взрослой дочери, которая готовится к поступлению в Школу будущих матрон.

Прошу поспособствовать в предоставлении мне отдельной квартиры.

БРУТ М. Ю.

Бруту М. Ю.
из канцелярии Цезаря К. Ю.

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление поступило в Отдел жалоб за № 185694. При запросах ссылаться на него.

**

В Отдел жалоб
канцелярии Цезаря К. Ю.
Брута М. Ю.
Запрос

Прошел уже год с того времени, как к вам поступило мое заявление за № 185694, но до сих пор я не получил ответа. Прошу разобраться.

**

Бруту М. Ю.
из Отдела жалоб
канцелярии Цезаря К. Ю.

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление за № 185694 поступило в Римское объединение по жилищным вопросам.

**

В Римское объединение
по жилищным вопросам —
Брута М. Ю.
Запрос

Три месяца тому назад к вам поступило мое заявление за № 185694. Почему до сих пор нет решения?

**

Бруту М. Ю.
из Римского объединения
по жилищным вопросам

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление за № 185694 будет рассматриваться на заседании местного консульства.

**

Местному консульству
Брута М. Ю.
Запрос

Мое заявление за № 185694 вот уже полгода находится у вас без движения. Убедительно прошу разобраться.

**

Бруту М. Ю.
от местного консульства

Ваше заявление за № 185694 было рассмотрено нами на очередном заседании. Вынуждены сообщить, что для проводки вне очереди в вашем доме водопровода, сработанного рабами Рима, вы не имеете никаких оснований.

**

Говорят, когда умирающий Цезарь воскликнул: «И ты, Брут!!» — Марк Юний Брут, вытирая окровавленный кинжал, ответил: «Я слишком долго ждал, Юлик».

Таковы были их нравы.

ЛАВКА БУКИНИСТА

Н. ТЭФФИ

РАСКАЯВШАЯСЯ СУДЬБА

ПОСЛЕ генеральной репетиции подошла ко мне одна из актрис, молоденькая, взволнованная:

— Простите, пожалуйста... ведь вы автор этой пьесы?

— Я.

— Пожалуйста, не подумайте, что я вообще...

— Нет, нет, я не подумаю, что вы вообще, — поспешила я ее успокоить.

— У меня к вам маленькая просьба, очень, очень большая просьба...

Я угадывала, в чем дело: наверное, попросит прибавить ей несколько слов к роли. Это вечная история. Всем им хочется поговорить!

Актриса покусала кончик носового платка и, опустив глаза, спросила:

— За что вы его так обидели? Неужели вам ничуть-ничуть не жаль его?

— Кого? — удивилась я.

— Да вот этого рыжего молодого человека в вашей пьесе. Ведь он же, в сущности, симпатичный. А вы позволили этому противному карманнику обобрать его до нитки. За что же?

— Я не совсем понимаю. Ведь это же такая пьеса. Если бы этого не было, так и пьесы не было.

— Пусть так. Пусть вы правы. Но неужели вам самой не жаль этого бедного доверчивого человека?

— Послушайте! — твердо сказала я. — Ведь это же я его сама выдумала. Этого ничего нет и не было. Чего же вы волнуетесь?

— Я знаю, что вы сами выдумали, оттого-то я и обращаюсь со своей просьбой прямо к вам. Раз вы выдумали, вы сможете и поправить. Знаете что: дайте ему наследство. Совершенно неожиданно.

Я молчала.

— Ну хоть небольшое, рублей двести, чтобы он мог продолжать честную жизнь, начать какое-нибудь дело. Я ведь не прошу много — только двести рублей на первое время.

Я молчала.

— Неужели не можете? Ну, полтораста рублей.

Я молчала.

— Сто. Сто рублей. Меньше трудно, — ведь вы его привезли из Бердянска. Дорога стоит дорого, даже в третьем классе. Не можете!

— Не могу.

— Поймите, если бы я могла, я бы ему из своих денег дала, но ведь я же не могу. Я бы никогда не стала унижаться и просить у вас, но ведь только вы одна можете помочь ему! А вы не хотите. Говоря откровенно, я никогда не думала, что вы такая жестокая. Положим, я уже несколько раз ловила вас на некрасивых поступках. То вы мальчишку из меблированных комнат выгнали и перед всем театром показали, какой он идиот. То расстроили семейное счастье из-за брошки, которую горничная потеряла. Но я всегда утешала себя мыслью, что просто нет около вас доброго человека, который указал бы вам на вашу жестокость. Но чем же объяснить, что вы и теперь не хотите поправить причиненное вами зло?

— Да я ничего... Я не прочь. Только так мы всю пьесу испортим. Подумайте сами: вдруг ни с того ни с сего наследство.

— Ну тогда пусть окажется, что он еще раньше отложил сто рублей про черный день.

— Нельзя. Характер у него не такой.

— Ну и пусть будет не такой, лишь бы ему легче жилось. Господи! Ведь все же от вас зависит.

Я задумалась.

Действительно, свинство с моей стороны губить человека. Вызываю его из небытия и мучаю. Публично высмеиваю, шельмую, обирую при помощи разных темных личностей. Некрасиво. Пора одуматься.

— Как быть, дружок? — сказала я актрисе. — Я сама рада помочь ему, да теперь уже поздно. Вечером спектакль. Теперь уже ничего не поделаешь.

— Ужас! Ужас! Погибает человек.

— Пропадет ни за грош,— уныло согласилась я. — В чужом городе, один...

— И как вы раньше не подумали!

— Семе не понимаю. Озверела как-то.

Мы обе замолчали. Сидели, опустив головы, подавленные.

— Знаете что! — вдруг решила я. — Мы этого так не оставим. Мы все-таки дадим ему тысяч десять. Только не сегодня, а потом, когда пьеса будет напечатана в сборнике. Прямо сделаю звездочку и выписку: такой-то, мол, неожиданно получил от тетки (видите, как ловко!), от тетки десять тысяч. Начал на них дело и быстро пошел в гору. Ладно?

— Дорогая моя, можно вас поцеловать?

— Конечно, можно. Знаете, я даже двадцать тысяч дам ему, пусть устраивается без хлопот.

— Милая! Милая! Какая вы чудная, я... не сердитесь только... Тому мальчишке, которого вы в прошлом году обидели... то есть которого выгнали, тоже можно что-нибудь дать?

— Ну конечно. Этот рыжий может встретить мальчишку и дать ему из двадцати тысяч, — ну, хотя бы две тысячи.

— Ну, в... с другими как?

— Погодите, дайте только время. Всех пристрою.

— Помните, у вас в рассказе стерва дева в Тромцын день напрасно ждала жениха... Как мы с нею-то?

— Ах, пустяки! И вовсе уж она не так стара, ей и тридцати пяти не было. Она получит массу денег, отдохнет и посвежеет. А там, смотришь, и замуж выскочит.

— Милая! Милая! Давайте целоваться! Знаете, у вас даже лицо совсем другое стало. Честное слово! Вот, посмотрите в зеркало.

Я посмотрела. Действительно, совсем другое. А каков — не скажу.

1913 г.

Публикация Владимира ПОКРОВСКОГО

ОДИН мой знакомый, человек умственного труда, сказал мне, что проза в наши дни прежде всего должна быть современной по форме. «Помни, — сказал он, — что сегодняшняя проза — это сложная система ассоциаций, подтекст и так называемый поток сознания. Так что садись за стол и приобщайся».

И я сразу же сел за стол.

Вступив на путь прямого подражательства, я потерпел поражение. Старательная попытка максимально зашифровать ход мыслей моих героев также закончилась неудачей.

У меня решительно ничего не получалось, а так хотелось быть сложным.

В один прекрасный день в терзаниях и поисках я понял, что мне следует внимательно прислушиваться к живой речи, которая всегда выражала и продолжает выражать человеческие отношения.

Я записал диалог, услышанный мною чисто случайно, из-за несовершенства телефонной техники. В этом диалоге, как мне кажется, есть некоторые приметы современной прозы.

ОНА. Здравствуй. Это я.

ОН (после паузы). Привет, Михаил Николаевич.

ОНА. Тебе неудобно говорить?

ОН. Слушаю вас.

ОНА. Тебя не смущает двусмысленность наших отношений? Ответь — да или нет?

ОН. Об этом был предварительный разговор на коллегии...

ОНА. Игорь, я уже не девочка...

ОН. Руководство полностью с этим согласно.

ОНА. У меня ведь тоже есть самолюбие...

ОНА. Ты уже забыл — меня зовут Михаил Николаевич.

ОН. Вы совершенно правы.

ОНА. Ну скажи хоть что-нибудь!

ОН. Подобные дела так просто не решаются.

ОНА. Я это уже слышала.

ОН. Мы обязаны взвесить все «за» и «против».

ОНА. Лиза больше не хочет, чтобы мы у нее встречались.

ОН. Ну и что? Кроме «Машпроекта», есть и другие организации.

ОНА. Игорь, нам лучше расстаться...

ОН. Понимаю вас.

ОНА. Ничего ты не понимаешь. И не хочешь понять.

ОН. В этом вопросе мы должны проявить твердость и принципиальность.

ОНА. С ума можно сойти... Она что, рядом? Ответь: да или нет?

ОН. Безусловно.

ОНА. Зачем ты мне сказал в среду, что вечером у тебя собрание?..

ОН. Есть же профсоюз.

ОНА. А стихи ты не сам сочинил. Это так, монтаж... «Обида жжет, разлука ранит, в душе мечты и в сердце дрожь. Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь».

ОН. Каждый член коллектива вносит свою долю.

ОНА. Не вноси мне больше. Ты слышишь?

ОН. Понимаю. Михаил Николаевич, на этом мы с вами закончим, а то уже на меня жена строго смотрит, что я так долго разговариваю. Завтра увидимся и...

ОНА. Не хочу. Ни завтра, ни послезавтра, никогда.

ОН. Договорились.

ОНА. Подожди... Подожди... Ты говоришь... ты говоришь — на тебя сейчас жена строго смотрит?..

ОН. Точно.

ОНА. Врешь!

ОН. Не понял.

ОНА. Я из автомата звоню, который в булочной напротив твоего дома. Вот я вижу — твоя жена входит в подъезд... Значит, ты и сейчас меня обманываешь. Ну скажи, только побыстрей, а то войдет жена, скажи: Михаил Николаевич, я очень спешу, мне еще надо успеть поглядеть на себя в зеркало, какой у меня глупый и жалкий вид. Какое же ты ничтожество!

ОН. Спасибо. Непременно передам. Она как раз вот только сию минуту вошла. (Кладет трубку и говорит вошедшей жене.) Мартыненко звонил. Тебе привет. (Взглянул на часы.) Давай скорей обедать, а то сейчас хоккей начнется. Давай, давай, в темпе!..

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

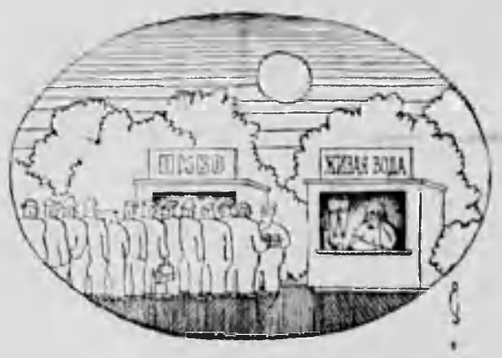
Б. ЛАСКИН

ПОТОК СОЗНАНИЯ

ЧУДАКИ

В. ПОВОЛЯЕВ

С. ТЮНИН



В. СУДАРЕВ

ОДНАЖДЫ

Ниже мы помещаем три анекдота из жизни знаменитых людей. В течение десятилетий анекдоты эти позволяли себе появляться по нескольку раз в год на страницах наших газет и журналов. Мы просим наших верных читателей ознакомить с ними максимальное количество своих друзей и родственников, с тем чтобы раз навсегда покончить с перманентным опубликованием этих шедевров юмора на страницах нашей периодической прессы. Надеемся, что эта публикация будет последней.

1.

Однажды на званом вечере к Бернарду Шоу подошла молодая дама и сказала:

— Я самая красивая, а вы самый умный человек в Англии. Представляете, какой бы у нас мог быть замечательный ребенок, если бы он унаследовал от нас эти уникальные качества?

— А если он унаследует ваш ум и мою красоту? — членовенно осадил леди знаменитый писатель.

2.

Однажды, в разгар заката XIX века, на сцене провинциального театра дебютировал молодой артист Пожаров. После спектакля, в котором он имел большой успех, часть зрителей принялась восторженно выкликивать его фамилию. Остальная публика решила, что начался пожар. Началась паника и давка.

После спектакля антрепренер потребовал у артиста найти себе более огнестойкую сценическую фамилию. Актер выбрал себе псевдоним в порядке контраста и впоследствии под именем Остужева стал знаменитым артистом.

3.

Однажды некий бездарный композитор после премьеры своего нового произведения подошел к Моцарту, Бетховену, Вагнеру, Листу и, естественно, Бернарду Шоу и сказал:

— Вот вы ругали мою новую симфонию, однако, как видите, никто не свистел!

— Как же публика могла свистеть, когда она в это время зевала? — моментально отпарировали Моцарт, Бетховен, Вагнер, Лист и, естественно, Бернард Шоу.

Перепечатка воспрещается.

Администрация «Клуба ДС»

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Издательство «Малютка» готовит к выпуску мемуары Джакомо Казановы «История моей жизни» в двенадцати томах. Воспоминания знаменитого авантюриста будут изданы карманным форматом.

● ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Если на улице жарко, если вас мучает жажда и в горле пересохло, закусывайте только рыбой холодного копчения.

● ХРОНИКА

Заведующий магазином «Дары», где Евг. Сазонов всю жизнь покупает кисломолочные продукты, набрал душелюба и людоведа своим почетным продавцом. Он внес писателя в платежные ведомости и регулярно получает за него зарплату, премии и другие вознаграждения за труд.

● ГИГИЕНА ТРУДА

Для того чтобы сон был спокойным и освежающим, необходимо проветрить служебные помещения.

ФРАЗЫ

● *Граждане! Не стойте поперек горла!*

● *Шагал с песней по чужой жизни.*

● *Никому не прощал своих ошибок.*

● *Никогда не чувствовал себя лишним. Не чувствовал — и все!*

● *С годами из всех зол выбираешь все меньшее и меньшее.*

● *Легко переносил неудачи с места на место.*

С. АЛЬТОВ
ЛЕНИНГРАД

ФОТО-АТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото Н. ЗЫВИНА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-01028 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 322 ИНДЕКС 50007